

НАУЧНАЯ МЫСЛЬ

**СИСТЕМАТИЗАЦИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ДИНАМИКА ИСТОЧНИКОВ ПРАВА
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ**

(к 370-летию Соборного уложения)

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

**СИСТЕМАТИЗАЦИЯ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ДИНАМИКА ИСТОЧНИКОВ
ПРАВА В ИСТОРИЧЕСКОЙ
РЕТРОСПЕКТИВЕ
(К 370-ЛЕТИЮ СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ)**

Сборник научных трудов

Под общей редакцией
Д.А. Пашенцева

Москва
ИНФРА-М
2020

УДК [340.13+93/94](470+571)
ББК 67.0:63.3(2Рос)
С40

*Одобрено секцией публичного права ученого совета
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации*

Рецензенты:

Власенко Н.А. — главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор кафедры теории государства и права Юридического института Российского университета дружбы народов, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации;

Петюкова О.Н. — профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, доцент

С40 Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения): сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. — Москва: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2020. — 281 с.

ISBN 978–5–16–016291–1 (ИНФРА-М)

Соборное Уложение 1649 года является одним из крупнейших памятников российского законодательства, обсуждение которого в современных реалиях обусловлено целым спектром важных проблем, связанных не только с историей, но и с теорией права: роль закона в системе источников права, сочетание законодательного и подзаконного регулирования, значение систематизации законодательства, иностранные заимствования в российском праве и т.д.

В настоящем сборнике представлены материалы выступлений участников Всероссийской научной конференции, приуроченной к 370-летию Соборного уложения царя Алексея Михайловича Романова, прошедшей в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации 16 мая 2019 г. при участии Канцелярии Главы Российского Императорского Дома Романовых и Фонда поддержки и развития образования, творчества, культуры.

Обсуждение указанной тематики позволило ее участникам подчеркнуть особое значение историко-правового знания для осмысления тех традиций законотворчества и систематизации законодательства, которые продолжают оказывать существенное влияние на российскую правовую систему. В статьях отмечаются уникальные особенности Соборного уложения, умелое сочетание в нем новаторства и консерватизма, опыта передовых иностранных государств и национальных особенностей, а также актуальные общетеоретические и отраслевые проблемы систематизации российского законодательства.

Для историков права, ученых-правоведов, практикующих юристов, преподавателей, студентов, аспирантов юридических вузов и факультетов, а также всех, кто интересуется вопросами систематизации законодательства и развитием источников права..

УДК [340.13+93/94] (470+571)
ББК 67.0:63.3 (2Рос)

ISBN 978-5-16-016291-1 (ИНФРА-М)

© Коллектив авторов, 2020

The Institute of Legislation and Comparative Law
under the Government of the Russian Federation

**SYSTEMATIZATION
OF LEGISLATION
AND DYNAMICS OF LEGAL
SOURCES IN HISTORICAL
RETROSPECT**

**(TO THE 370TH ANNIVERSARY
OF THE SOBORNOYE ULOZHENIYE)**

Collection of scientific articles

Edited by
D.A. Pashentsev

Moscow
INFRA-M

*Approved by the section of public law of the scientific council
of the Institute of legislation and comparative law under the Government
of the Russian Federation*

Reviewers:

Vlasenko N.A. — chief researcher of the department of theory of law and interdisciplinary research of legislation of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, professor of the department of theory of state and law of the Law Institute of the Peoples' Friendship University of Russia, doctor of law, professor, honored lawyer of the Russian Federation;

Petyukova O.N. — professor at the Financial university under the Government of the Russian Federation, doctor of law, associate professor

Systematization of legislation and dynamics of legal sources in historical retrospect (to the 370th anniversary of the Sobornoye ulozheniye): collection of scientific articles / edited by D.A. Pashentsev. — Moscow: The Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation: INFRA-M. — 281 p.

ISBN 978–5–16–016291–1 (INFRA-M)

The Sobornoye ulozheniye of 1649 is one of the largest monuments of Russian legislation, the discussion of which in modern realities is due to a whole range of important problems related not only to history, but also to the theory of law: the role of law in the system of sources of law, the combination of legislative and Bylaw regulation, the importance of systematization of legislation, foreign borrowings in Russian law, etc.

This collection presents materials of the participants of all-Russian scientific conference, devoted to the 370 anniversary of the Sobornoye ulozheniye of Tsar Alexei Mikhailovich Romanov, held at the Institute of legislation and comparative law under the government of the Russian Federation may 16, 2019, with the participation of the Office of the Head of Russian Imperial House of Romanov and the Fund for support and development of education, creativity and culture.

The discussion of this topic allowed its participants to emphasize the special importance of historical and legal knowledge for understanding the traditions of lawmaking and systematization of legislation that continue to have a significant impact on the Russian legal system. The articles highlight the unique features of the Cathedral code, its skilful combination of innovation and conservatism, the experience of advanced foreign countries and national characteristics, as well as current General theoretical and sectoral problems of systematization of Russian legislation.

For legal historians, legal scholars, practicing lawyers, teachers, students, postgraduates of law schools and faculties, as well as anyone interested in the systematization of legislation and the development of sources of law.

Коллектив авторов

Абросимов Виктор Владимирович — аспирант отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Атоян Марианна Робертовна — аспирант отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Базыкин Аркадий Юрьевич — аспирант отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Беляева Ольга Александровна — заведующий кафедрой частноправовых дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор Российской академии наук

Боголюбов Сергей Александрович — главный научный сотрудник отдела экологического и аграрного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации

Борисова Наталья Евгеньевна — профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Московского городского педагогического университета, доктор юридических наук, профессор

Дорская Александра Андреевна — заместитель директора по научной работе Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия, заведующий кафедрой общетеоретических правовых дисциплин, главный научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Закаева Петимат Рамзановна — аспирант отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Закатов Александр Николаевич — директор Канцелярии Российского Императорского Дома, кандидат исторических наук, доцент

Залоило Максим Викторович — ведущий научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

Иванюк Оксана Александровна — старший научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

Кожевина Марина Анатольевна — профессор кафедры теории и истории права и государства Омской академии Министерства внутренних дел Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

Кораблин Константин Климентьевич — профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Тихоокеанского государственного университета, кандидат юридических наук, профессор

Крупеня Елена Михайловна — доцент кафедры теории и истории государства и права Московского городского педагогического университета, доктор юридических наук, доцент

Леднева Юлия Викторовна — старший научный сотрудник отдела финансового, налогового и бюджетного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

Любовенко Елена Сергеевна — доцент кафедры теории права Тверского государственного университета, кандидат юридических наук

Михайлов Валентин Иванович — главный научный сотрудник отдела уголовного, уголовно-процессуального законодательства, судоустройства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации

Михайлова Наталья Владимировна — профессор кафедры истории государства и права Московского университета Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя, доктор юридических наук, профессор

Пашенцев Дмитрий Алексеевич — заведующий отделом теории права и междисциплинарных исследований законодательства Ин-

ститута законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор Московского городского педагогического университета, доктор юридических наук, профессор

Писарев Александр Николаевич — профессор кафедры конституционного права имени Н.В. Витрука Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, профессор

Романов Алексей Юрьевич — аспирант отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Руднев Владимир Ильич — ведущий научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

Савченко Елена Алексеевна — научный сотрудник отдела социального законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Семькина Ольга Ивановна — старший научный сотрудник Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

Смирнов Александр Иванович — аспирант отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Соколов Александр Станиславович — заведующий кафедрой истории, философии и права Рязанского государственного радиотехнического университета имени В.Ф. Уткина, доктор исторических наук, доцент

Степанов Михаил Михайлович — доцент кафедры государственного права, общеправовых и социально-гуманитарных дисциплин Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, кандидат юридических наук

Тютюнник Наталья Анатольевна — аспирант Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации

Хорунжий Сергей Николаевич — доцент кафедры конституционного и муниципального права юридического факультета Воронежского государственного университета, секретарь Избирательной комиссии Воронежской области, кандидат юридических наук

Чернявский Александр Геннадьевич — ученый секретарь Всероссийского научно-исследовательского института документоведения и архивного дела, доктор юридических наук, профессор

Чинарян Елена Олеговна — доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Российского государственного социального университета, кандидат юридических наук

Шатковская Татьяна Владимировна — профессор кафедры теории и истории права и государства Южно-Российского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, профессор кафедры гражданского права Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), доктор юридических наук, доцент

Ящук Татьяна Федоровна — профессор кафедры теории и истории государства и права Омского государственного университета имени Ф.М. Достоевского, доктор юридических наук, профессор

Collective of authors

Abrosimov V.V. – post graduate student of the department of theory of law and interdisciplinary research of legislation of the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation

Atoyan M.R. – post graduate student of the department of theory of law and interdisciplinary research of legislation of the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation

Bazykin A.Yu. – post graduate student of the department of legal theory and interdisciplinary research of legislation at the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation

Belyaeva O.A. – head of the department of private law at the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation, doctor of law, professor of the Russian Academy of Sciences

Bogolyubov S.A. – chief researcher of the department of environmental and agricultural legislation of the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation, doctor of law, professor, honored scientist of the Russian Federation

Borisova N.E. – professor of the department of state and legal disciplines of the Moscow city pedagogical university, doctor of law, professor

Dorskaya A.A. – deputy director for research of the North-Western branch of the Russian state university of justice, head of the department of general theoretical legal disciplines, chief researcher of the department of legal theory and interdisciplinary research of legislation of the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation, doctor of law, professor

Zakayeva P.R. – post graduate student of the department of theory of law and interdisciplinary research of legislation of the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation

Zakatov A.N. – director of the Chancery of the Russian Imperial House, candidate of historical sciences, associate professor

Zaloilo M.V. – leading researcher of the department of legal theory and interdisciplinary research of legislation at the Institute of legislation

and comparative law under the Government of the Russian Federation, candidate of law

Ivanyuk O.A. – senior research associate of the department of legal theory and interdisciplinary research of legislation at the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation, candidate of law

Kozhevina M.A. – professor of the department of theory and history of law and state of the Omsk academy of the Ministry of internal affairs of the Russian Federation, doctor of law, professor

Korablin K.K. – professor of the department of state and legal disciplines of the Pacific state university, candidate of law, professor

Krupenya E.M. – associate professor of the department of theory and history of state and law of the Moscow city pedagogical university, doctor of law, associate professor

Ledneva Yu.V. – senior researcher of the department of financial, tax and budget legislation of the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation, candidate of law, associate professor

Lyubovenko E.S. – associate professor of department of theory of law of the Tver state university, candidate of law

Mikhailov V.I. – chief research officer of the department of criminal and criminal procedure legislation, judicial system of the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation, doctor of law, professor, honored lawyer of the Russian Federation

Mikhailova N.V. – professor of the department of state and law history of the Moscow university of the Ministry of internal affairs of Russia named after V.Ya. Kikot, doctor of law, professor

Pashentsev D.A. – head of the department of legal theory and interdisciplinary research of legislation of the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation, professor at Moscow city pedagogical university, doctor of law, professor

Pisarev A.N. – professor of the department of constitutional law named after N.V. Vitruk of the Russian state university of justice, doctor of law, professor

Romanov A.Yu. – post graduate student of the department of theory of law and interdisciplinary research of legislation of the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation

Rudnev V.I. – leading researcher at the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation, candidate of law, associate professor

Savchenko E.A. — research associate of the department of social legislation of the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation

Semykina O.I. — senior researcher at the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation, candidate of law

Smirnov A.I. — post graduate student of the department of theory of law and interdisciplinary research of legislation of the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation

Sokolov A.S. — head of the department of history, philosophy and law of the Ryazan state radio engineering university named after V.F. Utkina, doctor of historical sciences, associate professor

Stepanov M.M. — associate professor of the department of state studies, general legal and socio-humanitarian disciplines of the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation, candidate of law

Tyutyunnik N.A. — post graduate of the Institute of legislation and comparative law under the Government of the Russian Federation

Khorunzhiy S.N. — associate professor of the department of constitutional and municipal law of the law faculty of Voronezh state university, secretary of the election commission of the Voronezh region, candidate of law

Chernyavsky A.G. — scientific secretary of the all-Russian research institute of documentation and archives, doctor of law, professor

Chinaryan E.O. — associate professor of the department of state and legal disciplines of the Russian state social university, candidate of law

Shatkovskaya T.V. — professor of the department of theory and history of law and state of the South Russian institute of management-branch of the Russian presidential academy of national economy and public administration, professor of the department of civil law of the Rostov state university of economics, doctor of law, associate professor

Yashchuk T.F. — professor of the department of theory and history of state and law of Omsk state university named after F.M. Dostoevsky, doctor of law, professor

Содержание

ПРИВЕТСТВИЕ Главы Российского Императорского Дома Е.И.В. Государыни Великой Княгини Марии Владимировны.....	18
ПРЕДИСЛОВИЕ (Д.А. Пашенцев)	19
РАЗДЕЛ I. СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЗАКОНОПИСНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ: ИСТОРИКО- ПРАВОВЫЕ И ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ДИНАМИКИ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА	24
Соборное уложение 1649 года — уникальный памятник отечественного права (Д.А. Пашенцев)	24
Соборное уложение как исторический этап в развитии русского правотворчества (А.Г. Чернявский)	29
Историческая традиция в систематизации российского законодательства (Т.Ф. Ящук).....	36
Законотворчество, законоискусство и практика систематизации законодательства как фактор развития отечественной юридической науки в дореволюционной России (М.А. Кожевина).....	46
Исторические вехи российской кодификации и ее влияние на развитие отечественного права (Т.В. Шатковская)	53
Первые кодифицированные правовые памятники Русского государства эпохи Средневековья с точки зрения законодательной техники (Е.О. Чинарян).....	63
Кодификация как форма правотворческой (законотворческой) деятельности: некоторые проблемы общеправовой теории в контексте осмысления опыта Соборного уложения 1649 года (Е.М. Крупеня)	69
Сущность механизма систематизации законодательства на примере Соборного уложения 1649 года (П.Р. Закаева).....	79
Исторические предпосылки принятия и особенности разработки Соборного уложения (А.И. Смирнов).....	88
Систематизация отечественного законодательства: исторические традиции и новации цифровой эпохи (М.В. Залоило).....	90
Отречение от престола и обеспечение династической преемственности в российском праве (А.Н. Закаев)	100
Развитие системы правового регулирования цифровой трансформации российского законодательства (О.А. Иванюк)	117
Системное упорядочение судебной практики и проблемы обеспечения ее верификации (А.Ю. Романов)	129
Участие отдельных институтов гражданского общества в кодификации российского законодательства: преемственность советского опыта и современные реалии (А.Ю. Базыкин)	133
РАЗДЕЛ II. СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ	136
Соборное уложение 1649 года и проблемы систематизации источников церковного права (А.А. Дорская)	136

«Государская честь», или правовые механизмы защиты публичной власти: история и современность (С.Н. Хорунжий).....	144
Соборное уложение 1649 года и регулирование взаимодействия субъектов публичного и частного права (Н.В. Михайлова).....	153
Публичные закупки: становление правового регулирования и современная негативная динамика законодательства (О.А. Беляева).....	159
Исторические и иные местные традиции и обычаи как источник отечественного муниципального права (А.Н. Писарев).....	165
Соборное уложение 1649 года и Артикул воинский 1715 года: общая характеристика и ситуации правомерного вреда (обстоятельства, исключаяющие преступность деяния) (В.И. Михайлов).....	176
Соборное уложение 1649 года — новый этап развития отечественной системы исполнения наказания в виде лишения свободы (К.К. Кораблин).....	189
Ответственность за противодействие правосудию и прикосновенность к нему в Соборном уложении 1649 года (О.И. Семькина).....	199
Судебная реформа Александра II и законодательство о судебном следователе (В.И. Руднев).....	209
Особенности систематизации уголовного законодательства России в первые годы советской власти (М.М. Степанов).....	217
Систематизация отечественного законодательства о противодействии коррупции: формирование и основные этапы развития (Н.А. Тютюнник).....	227
Систематизация финансового права в период проведения денежной реформы 1947 года (А.С. Соколов).....	230
Кодификация бюджетного законодательства Российской Федерации: исторический аспект и теоретические проблемы (Ю.В. Леднева).....	233
От использования к защите природных ресурсов: Соборное уложение и последующее законодательство (С.А. Боголюбов).....	241
Систематизация жилищного законодательства в годы советской власти и в современной России: проблемы обеспечения правовой преемственности (В.В. Абросимов).....	249
Особенности систематизации законодательства Российской империи о нотариате (М.Р. Атоян).....	252
Развитие законодательного регулирования в сфере связи: история и современность (Е.А. Савченко).....	258
Трансформация института холопства в Соборном уложении 1649 года (Е.С. Любобенко).....	268
Развитие законодательства о правовом положении несовершеннолетних в исторической ретроспективе (Н.Е. Борисова).....	275

Contents

GREETING of the Head of the Russian Imperial House E.I.V. Empress Grand Duchess Maria Vladimirovna	18
PREFACE (D.A. Pashentsev)	19
SECTION I. THE SOBORNOYE ULOZHENIYE AS THE MOST IMPORTANT LEGAL DOCUMENT: HISTORICAL, LEGAL AND GENERAL THEORETICAL ISSUES SYSTEMATIZATION OF LEGISLATION AND DYNAMICS OF LEGAL SOURCES	24
The Sobornoye ulozheniye of 1649 is a unique monument of Russian law (D.A. Pashentsev).....	24
The Sobornoye ulozheniye as a historical stage in the development of Russian law-making (A.G. Chernyavsky).....	29
Historical tradition in the system of Russian legislation (T.F. Yaschuk)	36
Lawmaking, law art and practice of systematization of legislation as a factor in the development of domestic legal science in pre-revolutionary Russia (M.A. Kozhevina)	46
Historical milestones of Russian codification and its impact on the development of domestic law (T.V. Shatkovskaya).....	53
The first codified legal monuments of the Russian state of the middle Ages in terms of legislative technique (E.O. Chinarian)	63
Codification as a form of law-making (law-making) activity: some problems of general legal theory in the context of understanding the experience of the Sobornoye ulozheniye of 1649 (E.M. Krupenya)	69
The essence of the mechanism of systematization of legislation on the example of the Sobornoye ulozheniye of 1649 (P.R. Zakaeva)	79
Historical background for the adoption and development of the Sobornoye ulozheniye (A.I. Smirnov).....	88
Systematization of domestic legislation: historical traditions and innovations of the digital age (M.V. Zaloilo)	90
Abdication of the throne and ensuring dynastic succession in Russian law (A.N. Zakatov)	100
Development of the system of legal regulation of digital transformation of Russian legislation (O.A. Ivanyuk).....	117
Systematic ordering of judicial practice and problems of ensuring its verification (A.Yu. Romanov)	129
Participation of individual civil society institutions in the codification of Russian legislation: continuity of the Soviet experience and modern realities (A.Yu. Bazykin).....	133
SECTION II. THE SOBORNOYE ULOZHENIYE OF 1649 AND SYSTEMATIZATION OF BRANCH LEGISLATION: NATIONAL LEGAL TRADITIONS AND INNOVATIONS	136
The Sobornoye ulozheniye of 1649 and the problem of systematization of the sources of canon law (A.A. Dorskaya).....	136

«Sovereign's honor» or legal mechanisms for the protection of public power: history and modernity (S.N. Khorunzhiy).....	144
The Sobornoye ulozheniye of 1649 and regulation of interaction between subjects of public and private law (N.V. Mikhailova).....	153
Public procurement: formation of legal regulation and modern negative dynamics of legislation (O.A. Belyaeva).....	159
Historical and other local traditions and customs as a source of domestic municipal law (A.N. Pisarev).....	165
The Sobornoye ulozheniye of 1649 and the Military article of 1715: general characteristics and situations of lawful harm (circumstances excluding criminality of the act) (V.I. Mikhailov).....	176
The Sobornoye ulozheniye 1649 is a new stage of development of the national system of execution of punishment in the form of deprivation of liberty (K.K. Korablin).....	189
Responsibility for countering justice and touching it in the Sobornoye ulozheniye of 1649 (O.I. Semykina).....	199
Judicial reform of Alexander II and development of legislation on the investigator (V.I. Rudnev).....	209
Features of systematization of the criminal legislation of Russia in the first years of Soviet power (M.M. Stepanov).....	217
Systematization of domestic anti-corruption legislation: formation and main stages of development (N.A. Tyutyunnik).....	227
Systematization of financial law during the period of monetary reform in 1947 (A.S. Sokolov).....	230
Codification of the budget legislation of the Russian Federation: historical aspect and theoretical problems (Yu.V. Ledneva).....	233
From the use to the protection of natural resources: the Sobornoye ulozheniye and subsequent legislation (S.A. Bogolyubov).....	241
Systematization of housing legislation in the years of soviet power and in modern Russia: problems of ensuring legal continuity (V.V. Abrosimov).....	249
Features of systematization of legislation of the Russian Empire on notaries (M.R. Atoyán).....	252
Development of legislative regulation in the sphere of communications: history and modernity (E.A. Savchenko).....	258
The transformation of institution of slavery in the Sobornoye ulozheniye of 1649 (E.S. Lubovenko).....	268
Development of legislation on the legal status of minors in historical retrospect (N.E. Borisova).....	275

ПРИВЕТСТВИЕ

**Главы Российского Императорского Дома
Е.И.В. Государыни Великой Княгини Марии Владимировны
организаторам и участникам научной конференции
«Систематизация законодательства и динамика источников права в
исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного Уложения)» в
Институте законодательства и сравнительного правоведения при
Правительстве РФ**

Приветствую организаторов и участников научной конференции «Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного Уложения)».

В числе главных целей создания Соборного Уложения, как объявляется в его Вводной части, было “чтобы Московского государства всяких чинов людем, от большаго и до меньшаго чину, суд и росправа была во всяких делех всем ровна”. Провозглашённый в Уложении принцип равенства всех перед Законом является одним из основополагающих для любой правовой системы, для жизни государства и общества.

Мне доставляет радость, что 370-летие этого великого памятника Российского права, созданного трудами выдающихся государственных деятелей XVII века, обобщившего и творчески развившего предшествующий опыт законотворчества, принятого Собором 1649 года и исторически связанного с именем моего прауродителя Царя Алексея I Михайловича, вдохновляет правоведов современной России на изучение богатейшего наследия российской юридической мысли и на его использование для совершенствования правовой системы нашего Отечества.

Желаю Вам успехов в работе конференции и в служении на поприще укрепления устоев государственности и гражданского общества.

Мой сын и наследник Великий Князь Георгий Михайлович присоединяется к моему приветствию.

Храни Вас Господь!

Е.И.В. ВЕЛИКАЯ КНЯГИНЯ МАРИЯ ВЛАДИМИРОВНА

Мадрид, 3/16 мая 2019 года

Предисловие

Предлагаемый вниманию читателей сборник посвящен вопросам систематизации законодательства и динамике источников права в их историческом измерении. В современных условиях новые технологии, в том числе цифровые, существенно меняют общественные отношения, а вслед за ними изменяется и право, причем как в содержательном, так и в формальном аспектах. Цифровизация и порождаемые ею возможности влекут за собой трансформации законотворчества, инициируют возникновение новых способов и форм систематизации законодательства. Вопрос о том, как эти новые формы соотносятся с традиционными, насколько они соответствуют принципам развития правовой системы, представляет не только теоретический, но и практический интерес.

Проведение историко-теоретического исследования вопросов систематизации законодательства невозможно вне широкого проблемного поля законотворческой деятельности. В современных условиях доктринальное осмысление базовых вопросов законотворческой деятельности представляет особый интерес в связи с той важной ролью, которую продолжают играть законы в регулировании стремительно усложняющихся общественных отношений. При этом ученые обращают внимание на необходимость научного подхода к систематизации законодательства¹.

Сегодня в условиях инфляции правовой материи происходит постоянное увеличение объемов законотворческой деятельности, растет количество принимаемых законодательных актов. При этом исследователи справедливо указывают на невысокое качество значительной части новых законов², законодательных инициатив, отсутствие ритмичности и стабильности в законотворческой деятельности, низкое качество юридической техники и на иные негативные моменты в законотворчестве, являющемся одной из основных функций современного Российского государства³.

¹ Хабриева Т.Я. Основные векторы и проблемы развития социального законодательства // Журнал российского права. 2014. № 8. С. 8.

² Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании. М.: ИНФРА-М, 2014. С. 26.

³ Юридическая техника: учебное пособие / Н.А. Власенко, А.И. Абрамова, Г.Т. Чернобель [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Юстиция, 2016. С. 24.

В течение многих лет в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации развивалась научная школа правотворчества, в рамках которой предпринимались значительные усилия по исследованию теоретических и практических вопросов систематизации законодательства. Наряду с иными работами, был издан комплексный труд о теоретических аспектах систематизации советского законодательства, подготовленный большим коллективом авторов — ученых Института¹. В 70-е годы наши сотрудники активно включились в процесс создания систематизированных собраний законодательства и смогли оказать в этом вопросе существенную помощь Министерству юстиции СССР и министерствам юстиции союзных республик. На протяжении многих лет в Институте активно разрабатывались теоретические вопросы подготовки нормативных правовых актов, упорядочения законодательного массива, совершенствования юридической техники и языка правотворчества². Работа по этим направлениям продолжается и сегодня. Благодаря усилиям ученых Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации подготовлены и опубликованы фундаментальные работы, в которых анализируются проблемы и перспективы законотворческой деятельности, вопросы повышения эффективности законодательства и совершенствования качества законотворчества, применения современных технологий в правотворческой деятельности³.

Несмотря на имеющиеся серьезные достижения в исследовании теоретических вопросов систематизации законодательства, остаются недостаточно исследованными существующие правовые традиции, оказывающие влияние на специфику законотворческой

¹ Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С.Н. Братуся, И.С. Самощенко. М.: Госюриздат, 1962. 575 с.

² См.: Прянишников Е.А., Хабриева Т.Я. и др. Страницы истории и очерки о научных школах Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 4-е изд., доп. и перераб. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. С. 347–359.

³ Российское законодательство: проблемы и перспективы. М.: Изд-во Бек, 1995; Законотворчество в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Формула права, 2000; Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. СПб., 2003; Научные концепции развития российского законодательства / отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. 7-е изд. М.: Юриспруденция, 2015; Эффективность законодательства: вопросы теории и практики / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, В.П. Емельянцева. М.: ИНФРА-М, 2015; и др.

деятельности. Вместе с тем, все необходимые предпосылки для активизации таких изысканий присутствуют. Институт имеет давние традиции проведения историко-правовых исследований. Большое внимание истории законодательства уделял стоявший у истоков создания Института М.Н. Гернет, фундаментальные основы развития историко-правовой школы заложил основоположник науки истории советского государства и права С.В. Юшков. В результате к середине XX века в Институте был создан коллектив историков-правоведов, многие из которых по праву могут быть причислены к основоположникам российской науки истории государства и права, а их труды составляют золотой фонд отечественной юридической и исторической науки¹. Сегодня есть все возможности для дальнейшего приращения историко-правового знания, для фундаментального осмысления тех традиций законотворчества и систематизации законодательства, которые продолжают оказывать существенное влияние на динамику российской правовой системы. Научное осмысление вопросов систематизации законодательства в контексте законотворческой деятельности и историко-правовой традиции нашло отражение в данном сборнике.

В этом отношении представляется плодотворной историко-антропологическая парадигма, позволяющая соединить сохраняющие актуальность идеи представителей исторической школы права с современным антропоцентризмом как направлением социологической школы права в ее постнеклассической интерпретации.

С позиций исторической школы права, наиболее важным источником права является правовой обычай, так как именно он отражает формирующий право народный дух и в наибольшей степени соответствует господствующим в конкретном обществе представлениям о праве и его справедливости. На определенном этапе общественного и государственного развития обычай становится недостаточно эффективным регулятором, в силу чего активное развитие получают иные формы права. Если говорить о России, таким источником становится закон. Но законотворческая деятельность любого государства приобретает определенную специфику под воздействием существующей в нем правовой традиции.

В предшествующих работах было предложено определять правовую традицию как исторически сложившуюся в рамках конкретного общества и развивающуюся совокупность принципов

¹ См.: Братусь С.Н., Пиголкин А.С., Сырых В.М. Развитие науки общей теории и истории государства и права в институте // Проблемы совершенствования советского законодательства. Труды 4: 1925–1975 гг. 50 лет ВНИИ советского законодательства. М., 1975. С. 32.

построения национальной правовой системы, которая выражается в существующих нормах, правовых обычаях, ценностях и представлениях о праве¹. Законотворческая деятельность, включая систематизацию законодательства, также осуществляется в рамках существующей правовой традиции, испытывает воздействие существующих социокультурных моделей и правовой культуры общества.

Согласно теории эстафет законотворчество представляет собой сложный процесс, который не является автономным по отношению к иным социальным практикам, но возникает и транслируется в соответствии с существующими в обществе образцами². В этом контексте получает особую значимость вопрос о преемстве в процедурных и содержательных аспектах систематизации законодательства, о воспроизводстве в ней определенной законотворческой традиции.

Передача образцов, которые составляют основу законотворческой традиции, происходит при систематизации законодательства не механически. Это творческий процесс, испытывающий воздействие со стороны субъектов права. С позиций современного антропоцентризма, субъект права — это то важное звено, которое превращает выраженную в знаковой форме норму в повседневную практику, формирует «живое» право. Именно действия субъекта права выступают важнейшим элементом механизма конструирования правовой реальности и формирования правовой традиции. Поэтому роль субъекта права в систематизации законодательства требует тщательного научного анализа.

Изучение истории права показывает, что законотворчество в доимперской России всегда тяготело к систематизации. Если мы посмотрим на законодательство периода Московской Руси, то увидим существование одного центрального, главного законодательного акта, который старался охватить максимально широкий круг вопросов. Сначала это были Судебники 1497 и 1550 гг., потом Соборное уложение 1649 г. Но возникает вопрос, насколько

¹ Пашенцев Д.А., Черногор Н.Н. Правовая традиция и правопорядок: соотношение и взаимовлияние // Правозащитник. 2017. № 1. С. 2. URL: <http://pravozashitnik.net/ru/2017/1/2> (дата обращения: 16.05.2019); Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. С. 196–197.

² Жукова М.Е. Законотворчество как социальная эстафета // Вестник МГОУ. Серия: Философские науки. 2011. № 3. С. 73.

указанные источники права соответствовали отечественной правовой традиции, в какой мере в них получил отражение тот самый «народный дух», о котором писали представители исторической школы права, как происходила реализация их норм в повседневной практике. Поиску ответа на этот непростой вопрос и посвящены статьи, которые вошли в первый раздел сборника.

Большинство статей, представленных в первом разделе, так или иначе затрагивают различные стороны Соборного уложения, и это не случайно. Обсуждение Соборного уложения и обстоятельств его принятия выводит на целый спектр важных проблем, связанных не только с историей, но и теорией права: это вопросы систематизации законодательства, место и роль закона в системе источников отечественного права, соотношение законодательства и подзаконного регулирования, роль иностранных заимствований в развитии российского законодательства и т.д.

Второй раздел сборника логично вытекает из первого, так как он связан с рассмотрением вопросов отраслевой систематизации в ее исторической динамике. С одной стороны, в рамках каждой отрасли систематизация имела свою историю и свои особенности. С другой стороны, влияние правовой традиции привело к тому, что в отраслевой систематизации можно выявить некоторые сходные, объединяющие черты, установить связанные с проявлением «народного духа» и национального менталитета характеристики. При этом важно сопоставить исторические источники, в рамках которых происходила динамика отраслевых норм, показать особенности их практической реализации в различных исторических условиях.

Выражаем надежду, что публикация сборника послужит активизации историко-правовых исследований, что обусловлено потребностью в переосмыслении отечественных традиций законодательства, использовании накопленного в этой сфере опыта в современных условиях.

Д.А. Пашенцев

Раздел I

СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ КАК ВАЖНЕЙШИЙ ЗАКОНОПИСНЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ И ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ДИНАМИКИ ИСТОЧНИКОВ ПРАВА

ПАШЕНЦЕВ Дмитрий Алексеевич

СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ 1649 ГОДА — УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВА

Юбилей Соборного уложения — это хороший повод поговорить о важных аспектах развития российского законодательства, о роли закона и систематизации законодательства, о законотворческой традиции и ее современном значении.

В предшествующих публикациях было предложено рассматривать законотворческую традицию как исторически сложившуюся в конкретном государстве и устойчивую во времени совокупность принципов и механизмов законотворческой деятельности, которая отражает ценностные ориентиры общества¹.

Законотворческая традиция многоаспектна, в ее структуре можно выделить три основных аспекта: технологический аспект (технология осуществления законотворчества), юридико-технический аспект (юридическая техника), институциональный аспект (законотворческие органы).

Исследование Соборного уложения как важного этапа в развитии отечественной законотворческой традиции требует применения историко-антропологического подхода, который основан на синтезе лучших достижений немецкой исторической школы права с идеями современного антропоцентризма как направления постнеклассической юриспруденции.

Заслуга исторической школы права состоит в том, что она пробудила интерес к историко-правовым исследованиям, показала всю важность изучения исторического развития национальных

¹ Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 7.

правовых систем, отраслей права, его отдельных памятников и институтов. Кроме того, представители исторической школы права справедливо акцентировали внимание на соответствие норм позитивного права «народному духу» и правосознанию общества, тем самым заложив предпосылки для становления теории правовой традиции.

Сегодня положения исторической школы права логично дополняются антропоцентризмом, который придает важное значение исследованию менталитета субъекта права и поведения этого субъекта в существующей правовой реальности. Нормы права получают свое воплощение только тогда, когда их реализуют люди как субъекты права. В свою очередь, они руководствуются своими представлениями о законе и справедливости, теми концепциями и традициями, которые достались им от предшествующих поколений.

Исследование Соборного уложения с позиций историко-антропологического подхода позволяет лучше определить то место, которое данный памятник права занимает в российской правовой традиции, понять его особенности и степень соответствия правосознанию населения страны периода становления абсолютной монархии.

В чем состоит уникальность Соборного уложения? Почему мы придаем ему такое значение даже сегодня, когда с момента его принятия прошло уже 370 лет? Наверное, прежде всего, потому, что этот памятник занимает одно из центральных мест в истории отечественного законодательства и его принятие представляется важным этапом на пути формирования российской законодательной традиции. Как писал в 1833 г. один из первых исследователей Соборного уложения В. Строев, «Самый недалновидный ум легко понять может важность Уложения относительно отечественного права и истории... как основание отечественного законодательства, оно есть необходимая принадлежность знаний русского законоведца, без которой он не может уразуметь силы духа и настоящего развития нашего права»¹.

Главные аспекты уникальности Соборного уложения можно выделить в нескольких ключевых пунктах.

1. Широта охвата различных сфер государственной и общественной жизни. Время принятия Уложения — это этап перехода от сословно-представительной монархии к монархии абсолютной. Для последней характерно стремление максимально подробно

¹ Строев В. Историко-юридическое исследование Уложения, изданного царем Алексеем Михайловичем в 1649 году. СПб., 1833. С. III.

регламентировать жизнь подданных, в том числе даже частные аспекты этой жизни. Это ярко проявилось в тексте Уложения. Например, более 100 статей посвящены правовому положению крестьянства. В итоге, Уложение стало самым большим по объему историческим источником русского права, в структуре которого насчитывается 25 глав и 967 статей.

2. Принятие Уложения было формализовано Земским собором. Текст Уложения подписан участниками Земского собора, среди которых представители самых разных сословий общества: от боярства и священнослужителей до посадских людей. И сама идея разработки и принятия этого источника права исходила от общества, а не от верховной власти. В.А. Томсинов пишет, что «свое решение о создании Уложения царь Алексей Михайлович принял не по собственной инициативе, а в ответ на челобитную, поданную представителями различных сословий...»¹. По мнению В.И. Сергеевича, инициаторами составления текста Уложения выступили избранные городами члены Земского собора, остро ощущавшие потребность в упорядочении законодательства².

3. При составлении текста Уложения было использовано большое количество источников, как русских, так и зарубежных: Судебники 1497 и 1550 гг., Стоглав 1551 г., византийское законодательство: Эклога и Прохирон, указные книги приказов, Литовский статут 1588 г. Комиссия проделала огромную работу по отбору норм и их редактированию. В результате этой работы был сделан важный шаг вперед в развитии юридической техники, прежде всего, юридического языка и юридической терминологии. Фактически был использован новый для нашего Отечества способ упорядочения правового материала. Можно смело утверждать, что дьяки, непосредственно работавшие над текстом Уложения, обладали хорошим знанием юридической техники своего времени — навыками формулирования правовых норм, их группировки и классификации.

В литературе нередко можно встретить тезис о том, что ряд статей Уложения был позаимствован из Литовского статута. Но при этом не всегда упоминается, что статьи эти были существенным образом переработаны, они были изложены более понятным для своего времени языком, приспособлены к российской

¹ Томсинов В.А. Соборное уложение 1649 года как памятник русской юриспруденции // Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича. М.: Зерцало, 2011. С. 5.

² Сергеевич В.И. Лекции и исследования по древней истории русского права. М.: Зерцало, 2004. С. 158.

действительности. Нормы, заимствованные из иностранных источников, были отредактированы таким образом, чтобы отражать российскую специфику, соответствовать отечественному юридическому опыту. Кроме того, в текст Уложения вошло немало и совершенно новых статей — несколько десятков, причем многие из них были написаны на основе челобитных от выборных участников Земского собора¹. В целом, можно согласиться с мнением крупного дореволюционного историка права М.Ф. Владимирского-Буданова, который писал, что «несмотря на такое множество заимствований из чужих источников, Уложение есть не компиляция иноземного права, а кодекс вполне национальный, переработавший чужой материал по духу старомосковского права, чем он совершенно отличается от переводных законов XVII в.»².

4. Составители Уложения опирались на идею царя Алексея Михайловича о том, что суд и расправа для всех чинов от большего и до меньшего были равны. То есть Уложение фактически основано на идее равного по справедливости суда независимо от чина подсудимого. Это ставит данный памятник права по юридическому значению вровень с Великой Хартией вольностей 1215 г., которая до сих пор относится к числу источников конституционного права Великобритании.

5. Впервые в истории отечественного права Уложение было напечатано типографским способом. Фактически зародилась новая традиция обнаружения законов с помощью их опубликования. Более того, Уложение перевели на ряд иностранных языков и разослали в другие страны. М.Ф. Владимирский-Буданов писал: «Уложение есть первый из русских законов, напечатанный тотчас по утверждении его... С тех пор печатание его входит необходимым условием в состав публикации законов»³.

Иногда в литературе Уложение характеризуют как жестокий с точки зрения устанавливаемой системы наказаний памятник права. Действительно, что стоят такие наказания, как заливание горла расплавленным металлом, закапывание женщин в землю за убийство мужа, отрубание головы за курение табака, колесование и четвертование. Но в Уложении смертная казнь прямо устанавливалась в 36 случаях, фактически предусматривалась в 60 случаях,

¹ Томсинов В.А. Соборное уложение 1649 года как памятник русской юриспруденции // Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича. М.: Зерцало, 2011. С. 7.

² Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. С. 237.

³ Там же. С. 235.

тогда как в законодательстве Петра I смертная казнь была предусмотрена более чем в 200 случаях. Таким образом, текст Уложения выглядит гораздо менее жестоким по сравнению с нормами и актами первого периода юридического существования Российской империи.

Соборное Уложение оставалось действующим источником права почти 200 лет, определяя целый ряд важных параметров российской правовой традиции. В 30-е годы XIX века в ходе масштабных работ по систематизации законодательства текст этого памятника включили в состав первого тома Полного собрания законов Российской империи. По этому поводу известный историк В.О. Ключевский писал: «Если Уложение действовало у нас почти в продолжение двух столетий до свода законов 1833 г., то это говорит не о достоинствах Алексеевского свода, а лишь о том, как долго у нас можно обойтись без удовлетворительного закона»¹.

Анализ Соборного Уложения с современных позиций показывает, что в нем уже получили оформление и закрепление некоторые законотворческие традиции, которые в какой-то мере сохраняются и в наши дни. В первую очередь, речь идет о таких чертах законотворческой деятельности, как негласный приоритет исполнительной власти в законодательной инициативе, широкое использование зарубежного законодательного опыта, стремление к кодификации и т.д. Осознание этих и иных устойчивых традиций, их доктринальное и практическое осмысление может способствовать дальнейшему совершенствованию законотворческой деятельности в Российской Федерации.

Список использованной литературы

1. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права [Текст] / М.Ф. Владимирский-Буданов. — Ростов н/Д, 1995.
2. *Ключевский В.О.* Курс русской истории [Текст] / В.О. Ключевский // Соч.: в 9 т. Т. 3. — М., 1988.
3. *Пашенцев Д.А.* Российская законотворческая традиция: онтология процесса [Текст] / Д.А. Пашенцев // Журнал российского права. — 2018. — № 8.
4. *Сергеевич В.И.* Лекции и исследования по древней истории русского права [Текст] / В.И. Сергеевич. — М., 2004.
5. *Строев В.* Историко-юридическое исследование Уложения, изданного царем Алексеем Михайловичем в 1649 году [Текст] / В. Строев. — СПб., 1833.
6. *Томсинов В.А.* Соборное Уложение 1649 года как памятник русской юриспруденции [Текст] / В.А. Томсинов // Соборное Уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича. — М., 2011.

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч.: в 9 т. Т. 3. М., 1988. С. 134.

**СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ КАК ИСТОРИЧЕСКИЙ ЭТАП
В РАЗВИТИИ РУССКОГО ПРАВОТВОРЧЕСТВА**

Соборное Уложение в истории русского законодательства имело неоценимое значение. Оно есть произведение выраженного стремления народов к единству; в нем исчезают Уставы древних областей России ради единого, общего источника права. Оно есть продукт влияния Византийского законодательства и Литовского статута; его принятие было настоятельной потребностью времени. Уложение, несмотря на свой дух строго национальный, уже не могло быть произведением древних веков. Оно было издано в середине XVII века, а мы знаем, что бояре еще в XVI веке уже были знакомы с классическими писателями Рима и со Всемирной Историей. В XVII веке началось домашнее и публичное воспитание благородного юношества под руководством образованных иностранцев и малороссиян, появились первые учебные заведения и первые посвященные вопросам образования правовые акты¹. Правда, общее направление умов более склонялось к изучению буквы Священного Писания и сочинений Отцов Церкви, но и эта форма духовного просвещения давала толчок к стремлению иметь правильное, для того времени, образование. Из этой школы вышел Иоанн Грозный, богослов и оратор, и множество дьяков, которые, как свидетельствуют подготовленные ими грамоты, имели не обширное, но качественное образование. Можно также отметить, что богословское направление весьма благоприятствовало успехам юриспруденции того времени. Наконец, сам законодатель, царь Алексей Михайлович, проявил в законотворческой деятельности определенную систематичность, что проявилось, кроме Уложения, в издании Кормчей книги и уставов: Ратного, Сокольничего и Корабельного.

Просвещение и опыт в государственном управлении всегда бывают очень важны. Законодатели в рассматриваемый период не имели потребности торопиться с подготовкой новых законов. Изучая иностранное законодательство, они останавливались на нравах своего народа, извлекая из них лучшее, по их мнению, для своего законодательства. Так думали Солон и Ликург; так думали Римляне; так думал и царь Алексей Михайлович. Составляя Уложение, он внес в него не более 19 новых статей, да и те были со-

¹ Ладнушкина Н.М., Звонарев А.В., Пашенцев Д.А. Развитие источников образовательного права в дореволюционной России // Право и образование. 2017. № 6. С. 129.

ставлены советом бояр по случаю возникших проблем в судебных делах. Другие статьи можно рассматривать как объяснение или развитие законов уже существовавших. Все прочие принадлежат к прошедшему времени. Источники же Уложения указаны самим законодателем.

Итак, по собственному указанию законодателя к составлению Уложения приняты следующие источники:

1. Правила Св. Апостол и Св. Отец;
2. Градские Законы Греческих царей¹;
3. Прежние Судебники, указы Государей и Боярские приговоры²;
4. Статьи не решенные ни прежними судебниками, ни Царскими указами;
5. Литовский статут³.

¹ Источники Уложения греко-римские взяты из Кормчей, а именно из Эклоги, Прохирона, новелл Юстиниана и правил Василия Великого; из них более обильным источником был Прохирон (для гл. X, XVII и XXII Уложения); новеллы послужили источником гл. 1 Уложения («О богохульниках»). Вообще же заимствования из Кормчей немногочисленны и фрагментарны и иногда противоречат постановлениям, взятым из туземных источников о том же самом предмете и включенным в то же Уложение (ср. гл. XIV ст. 10 Уложения с гл. XI ст. 27). Многие черты жестокости уголовного права проникли в Уложение из Кормчей книги.

² Судебник царский и Указные книги приказов; первый составляет один из источников гл. X Уложения — «О суде», которая, сверх того, по всей вероятности, черпала из Указных книг приказов судных (ныне утраченных). Указные книги послужили источниками каждая соответствующей главе Уложения. Указная книга земских приказов частью вошла в гл. X Уложения, именно теми узаконениями, которые попали в нее о гражданском суде (ст. X = гл. X Уложения ст. 109, 112, 116, 117, 118, 261, 262, 264, 151). Уставная книга разбойного приказа почти буквально переписана в гл. XXI Уложения: «О разбойных и татевных делах», лишь с некоторыми дополнениями (ср. Уст. кн. ст. 1–7 с Ул. XXI, ст. 35–42; Уст. кн. ст. 11–35 с Ул. XXI, ст. 43–65; Уст. кн. ст. 36–40 с Ул. XXI, ст. 8–14 и т.д.). Указная книга приказов холопьяго суда послужила одним из источников гл. XX Уложения «Суд о холопях», которая, впрочем, несравненно обширнее ныне известной Указной книги; надо думать, что эта книга дошла до нас далеко не в полном виде. Указная книга поместного приказа вошла в гл. XVI и XVII Уложения («О поместных землях» и «О вотчинах»).

³ Заимствования из Статута отмечены (но далеко не все) на подлинном свитке Уложения. Путь для заимствований был облегчен тем, что уже раньше (как сказано) приказные дьяки брали и переводили из Статута некоторые пригодные артикулы. Способ заимствования разнообразен: иногда заимствуется содержание Статута буквально, иногда берется только система и порядок предметов, иногда заимствуется только предмет закона, а решение ➔

Россия рано познакомилась с Церковным Греческим Правом. Летописец Преподобный Нестор говорит, что «еже и по всей земле Русстей во всех Княжениях Соборные церкви Епископ, сотвори Великий князь Владимир по прежним Греческим Номоканоном, все сосуды (суды) церковные и оправдания (права) церковные даде по прежним Греческим Номоканоном». Таким образом греческое право введено в Россию в одно время с Христианской верой. Мы знаем, что с древних времен в церковных судах России оно имело силу закона; и как по древним понятиям все право семейное, право брака, союз родителей и детей, завещания отнесены к Церковным Судам. И все эти учреждения образовались в России по этой форме. Уложение упоминает о них мимоходом, как о предмете, не принадлежащем к земскому законодательству. Далее, хотя Греческий Номоканон выставлен первым источником к составлению Уложения, однако далеко не многие статьи заимствованы из него, да и те по уголовному праву, как требовали обстоятельства того времени. Россия, на тот момент, как государство сформировалась не так давно и поэтому смертная казнь казалась для нее делом совершенно новым. Во многих случаях смертная казнь была используется по воле Государей земли, но это не придавало ей высшей санкции с точки зрения юриспруденции. Такое право мог утвердить только высшим законодатель, и Кормчая книга служила в этом случае высшим авторитетом. Сверх того заимствование уголовных законов объясняется самим характером Святительских судов, где Кормчая книга имела силу закона. Сущность церковного правосудия составляет как бы уголовную правду Царства Божия, суд нравственных преступлений — стоило сделать шаг за черту нравственного закона, и уголовное внешнее право внедрилось бы в судебный процесс. Уголовная часть Уложения, но в особенности Новоуказные статьи наполнены Римскими началами вменения преступлений, чего не было в Земском Уголовном праве.

Нужно отметить, что церковному судопроизводству была близка только уголовная часть Римского законодательства, но право гражданское, где в особенности проявляется классическая юриспруденция, для него относимость считалась неприемлемой, кроме той части, где определяется юридический характер церковного имущества: недвижимость, неотчуждаемость и т.п. Поэтому гражд-

☞ дается свое; большей частью Уложение дробит один артикул на несколько статей. Заимствования из Статута иногда вводят Уложение в погрешности против системы и даже разума узаконений. Но вообще Статут, как памятник также русского права, весьма сходный с Русской Правдой, может быть признан почти национальным источником Уложения.

данская часть Римского законодательства едва заметна в Уложении, но и этим немногочисленным статьям Уложение обязано Литовскому статуту, в который они вошли не прямо из Римских источников, а через посредство Глоссы Саксонского Зеркала. После Уложения в Новоуказных статьях начинается ряд заимствований гражданских законов из Кормчей книги через призму практики Церковных судов. Из всего этого можно заключить, каких важных перемен должна была ожидать Русская гражданская юриспруденция от этих нововведений, если бы не было нововведений в царствование Петра Великого. Он изъял многие земские дела из церковного ведения, что существенно сократило влияние римского права.

Существовавший Судебник являлся развитием Русской Правды, а соответственно Уложение явилось его развитием. Между всеми тремя памятниками законодательства существовала тесная генетическая связь, наблюдалась определенная преемственность, которая позволяет говорить о формировании национальной правовой традиции¹. Все они отличаются только различной степенью обработки юридического содержания.

Законодательство периода Уложения совершало свое развитие без всякой ломки, продвигаясь всегда последовательно, без всякого потрясения. Историки называют период Уложения — веком подъясческой юриспруденции, утверждая, что последующее за Уложением законодательство было строжайше последовательно и каждый новый закон принимался либо по инициативе из Присутственных мест, либо по собственному «благоусмотрению Государя». Однако единодушно отмечают, что Уложение ввело серьезные изменения в судебном производстве.

В состав Уложения не вошли такие источники, содержащие обилие права, как правые грамоты, крепостные акты и сделки в период Судебника и Уложения. В особенности это видно в праве обязательственном. Так, например, договоры крестьян о приданом, ученические записи, условия бурлаков с судовладельцами, дворян с домохозяйками, церковных сторожей с прихожанами, доверенности на хождение по делам. Уложение вполне определяет формальную сторону обязательств, ибо это сторона техническая, но содержание обязательств оставлено без ограничений договаривающимся.

¹ О правовой традиции см.: Пашенцев Д.А. Российская правовая традиция перед вызовом глобализации // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 29–32; Он же. Российская законодательная традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. № 8.

Гражданско-правовое содержание Уложения, включая вопросы приобретения и укрепления имущества, представлено достаточно подробно¹. И ранее имущество по своей природе разделялось на движимое и недвижимое, но эти термины были известны только в церковных судах того времени, т.к. они римского происхождения. В Уложении также отсутствует различие между вещами священными и мирскими, но эти названия уже известны в церковных судах и также заимствованы из римского права.

Гораздо важнее оказалось отношение имущества к гражданским правам, разделение их на родовые и благоприобретенные («родовая и купленная вотчина»), имеющее обширное приложение в праве наследования и в обязательственном праве. Уложение различает *владение от собственности*, и само владение подразделяется (хотя другими названиями) на законное и незаконное, добросовестное и недобросовестное, насильственное, подложное и тайное, но дает ему возможности иска отдельно от собственности. К роду законного владения отнесено владение поместное, составляющее в это время обширную область гражданских прав, которые получили в данном периоде полное систематическое развитие. Владение совместно с правом собственности составляло вторую половину вещных прав и вследствие патриархальных обычаев уже создавало предпосылки поглотить в себя владение поместное, основанное на военном начале.

Нужно отметить, что понятия о вотчинном и поместном владении в Уложении были определены достаточно точно. С точки зрения юридической можно было без труда определить законное отношение владельца к предмету владения. В период царствования Екатерины II «русская собственность» объявлена «чистой» и как бы самодержавной, она признана совершенно свободной от регалий и от всех поместных обязанностей и ограничений.

Все положения закона, которыми определяется в период Уложения приобретение, пользование, ограничение и прекращение имущественных прав, не было выделено в отдельный раздел Уложения. Можно сделать вывод, что они подразумевались сами собой, а Уложение лишь их укрепляло. По древнему казенному началу законоведения, все гражданское право, все вопросы и ответы о правах заключены между двумя полюсами, между крепостными пошлинами и судебными издержками. Эти направления обозначились еще до Уложения, были более четко обозначены в самом

¹ Пашенцев Д.А., Чернявский А.Г. История отечественного государства и права. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 92.

Уложении и в Новоуказных статьях. Но при Петре I взяли верх государственные интересы и «естественная справедливость». В суде не могла быть признана «естественная справедливость», если она не была «очищена крепостными или челобитными пошлинами». Здесь идет речь о наличии крепостного акта или гербовой бумаги прошения. Исходя из такого начала, никакая собственность не могла быть признана чьей-либо собственностью (понимаются недвижимые имения и весьма немногие из движимых), никакое право не есть право, если оно не очищено пошлинами — «без пошлины владеть недвижимым не велено». Если первоначальное право владения не может быть доказано (собственность «старинная», потомственная) и если нет крепостного акта — то эта собственность не более чем владение. Для приобретения права собственности нужно было заплатить крепостные пошлины, и после этого выдавался крепостной акт, писцовая, или межевая книга, если это земля, и «данную», если это крепостной дом — «ибо без крепостей владеть не велено». Одна «земская давность» (со времени ее учреждения) могла обеспечить установление собственности, без «очищения пошлинами». При этом требовалась копия судебного решения, вступившего в законную силу.

Важным фактом было присвоение гражданским обязательствам конкретных наименований. Так, например, если договор купли-продажи заключал в себе однозначное условие, то назывался не «купчей крепостью», а «запродажной записью» и т.д. Кроме того, можно констатировать, что крепостной акт и судебное доказательство были уже различимы. Можно было иметь все доказательства на своей стороне и при этом получить отказ по гражданскому иску против крепостного акта. Разница между крепостным актом и доказательством наиболее ярко отражена в следующем положении Новоуказных статей: «в крепостных делах (судишь) по крепостям», а «в не крепостных по розыску (т.е. по доказательству)».

В период Уложения, по крайней мере в областных судах, настоящими творцами права были целовальники, а судьи заведовали порядком судопроизводства, придавали судебному решению силу закона и собирали пошлины. «А судья за ним идет, своего прибитка смотрит». В период Уложения был сохранен характер древнего процесса. Он отличался строгостью к ответчику и к самому истцу, «если он волочил дело или затеял неправый иск», ибо древний гражданский процесс всегда «вчивался на вора или самодовольного владельца», как то доказывают древние судные грамоты. Этот процесс уничтожен Петром I, единственно потому, что здесь тре-

бовались очные ставки находящихся в тяжбе и значительную роль играли адвокаты. Одним словом, бремя доказывания полностью лежало на сторонах. В нововведениях Петра I вся тяжесть суда падает на судей, и само бремя доводов падает на их ответственность.

Список использованной литературы

1. *Ладнушкина Н.М.* Развитие источников образовательного права в до-революционной России [Текст] / Н.М. Ладнушкина, А.В. Звонарев, Д.А. Пашенцев // *Право и образование.* — 2017. — № 6.
2. *Пашенцев Д.А.* Российская правовая традиция перед вызовом глобализации [Текст] / Д.А. Пашенцев // *Юридическая наука.* — 2016. — № 1.
3. *Пашенцев Д.А.* Российская законотворческая традиция: онтология процесса [Текст] / Д.А. Пашенцев // *Журнал российского права.* — 2018. — № 8.
4. *Пашенцев Д.А.* История отечественного государства и права [Текст] / Д.А. Пашенцев, А.Г. Чернявский. — М., 2016.

ИСТОРИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ В СИСТЕМАТИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА¹

Систематизация российского законодательства, неразрывно связанная с развитием права и его источников, имеет к настоящему времени собственную историю. Понятие систематизации применительно к законодательству, ее содержание, признаки и виды давно и активно изучаются в теории права². Отдельные кодексы выступают предметом исследования отраслевых наук. Работы историко-правового содержания посвящены преимущественно анализу наиболее известных и значимых законов³ или целых собраний⁴.

Первым крупным систематизированным актом, объединившим применительно к середине XVII в. практически всю совокупность актуальных правовых норм, обоснованно считается Соборное уложение. Его образно называют кодексом феодального права, хотя используемый термин «кодекс» обозначает в данном случае не отрас-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00467.

² См.: Подготовка и издание систематических собраний действующего законодательства / под ред. А.Н. Мишутина. М.: Юридическая литература, 1969. 343 с.; Система советского законодательства / под ред. И.С. Самощенко. М.: Юридическая литература, 1980. 328 с.; Свод законов советского государства (теоретические проблемы) / отв. ред. И.С. Самощенко. М.: Юридическая литература, 1981. 256 с.; Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. СПб.: Юридический центр пресс, 2003. 382 с.

³ См.: Новицкая Т.Е. Гражданский кодекс РСФСР 1922 г. М.: Зерцало, 2002. 223 с.; Семидеркин Н.А. Создание первого брачно-семейного кодекса. М.: Изд-во МГУ, 1989. 96 с.; Швеков Г.В. История создания первого советского Уголовного кодекса (УК РСФСР 1922 г.): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: ВЮЗИ, 1967. 19 с.; Пашенцев Д.А. Земельный кодекс РСФСР 1922 года как источник права // Экономика, педагогика и право. 2017. № 3. URL: <http://econdulaw.ru/ru/2017/3/3> (дата обращения: 30.04.2019); Ружицкая И.В. Судебное законодательство Николая I (работа на уголовным и гражданским уложениями) // Отечественная история. 2001. № 4. С. 41–57.

⁴ См.: Мицкевич А.В. Из истории предметной систематизации законодательства СССР // Известия вузов. Правоведение. 1967. № 5. С. 133–139; Тараборин Р.С. Свод законов гражданских Российской империи 1832 г.: генезис законодательной конструкции // Вопросы управления. 2015. № 2. С. 194–199; Баженова Т.М., Кодан С.В. Свод законов Российской империи (к 175-летию издания) // Российский юридический журнал. 2008. № 3. С. 110–119.

левой акт, а единый объемный сборник законодательства, на базе которого или с учетом содержания которого продуцировались впредь новые нормы.

Историография документа обширна и включает десятки наименований научных трудов. Хотя авторы отдают предпочтение реконструкции и анализу отдельных социальных и правовых институтов и явлений, Соборное уложение изучается и как акт целостной систематизации.

Фундаментальное значение имеют труды А.Г. Манькова¹. Проведены научные мероприятия, приуроченные к предыдущему юбилею, то есть к 360-летию Соборного уложения². В его тексте воплощено несколько важных признаков, присущих систематизированным актам, которые оказали пролонгированное воздействие на последующее российское законодательство. Во-первых, систематизированные сборники требуют особой процедуры разработки (в данном случае, Уложение готовилось специальной комиссией); во-вторых, они обладают высоким уровнем легитимации (Уложение утверждено Земским собором); в-третьих, используются специальные приемы юридической техники (структура акта, распределение норм по разделам и т.д.). Особую важность приобретает то обстоятельство, что крупные систематизированные акты представляют своеобразную реакцию и ответ на высокий социальный запрос. Так, в научной литературе указывается, что одна из причин, ускоривших составление Соборного уложения, связана с восстанием в Москве и ряде других городов в 1648 г.³ Одобрение подготовленного текста на Земском соборе способствовало стабилизации социальной обстановки. В сам текст нового закона вошли многие требования, сформулированные в челобитных дворян и посадского населения.

Кроме того, систематизированные акты, в том числе и Соборное уложение, несут важную политическую и идеологическую нагрузку, отражают уровень правовой культуры. Для правовой культуры традиционного общества и средневекового права характерно апеллирование к устоявшимся, подтвержденным временем институтам. Утрируя вывод, можно свести его к несколько упрощенному,

¹ См.: Маньков А.Г. Уложение 1649 г. — кодекс феодального права России. Л.: Наука, 1980. 271 с.

² Зипунникова Н.Н. Соборному уложению 360 лет // Академический юридический журнал. 2009. № 3. С. 56–65. (В публикации отражены материалы круглого стола, посвященного 360-летию Соборного уложения).

³ Российское законодательство X–XX вв. В девяти томах. Том 3. Акты Земских соборов. Л.: Юрид. лит., 1985. С. 76.

но понятному обывателю и правоприменителю тезису: хороший закон — старый закон. Данный тезис подтверждается, в частности, введением, которое предваряет основные разделы акта. В этой части наряду с описанием времени, обстоятельств, порядка и процедуры составления Соборного уложения подробно перечисляются источники, которые использовались при его создании. В современной редакции данный перечень выглядит следующим образом: каноническое право (правила святых апостолов и святых отцов); византийское законодательство (градские законы греческих царей); предыдущее законодательство (государевы указы и боярские приговоры), а также новые нормы, написанные специально с учетом требований отдельных сословий.

Показательно, что список источников практически дословно повторяется дважды. Представляется, что такая тавтология не случайна, а является преднамеренным и тонко продуманным приемом юридической техники. В итоге, текст приобретает особый ритм, что способствует его лучшему запоминанию, еще раз подчеркивает устойчивую органическую связь вновь готовившегося документа с предыдущим законодательством. Выбирая такие лексические конструкции, законодатель утверждает мысль, что только после установления очевидных пробелов в законодательстве ему пришлось создавать новую норму.

Соборное уложение объясняло правильное устройство мира, что со всей очевидностью подтверждается его структурой. Первая глава посвящена богохульникам и церковным мятежникам, вторая — государю, его чести и здоровью, третья — государеву двору. Главы с четвертой по девятую касаются отдельных сторон государственного аппарата (делопроизводства, пересечения государственной границы, выпуска денег, отдельных налогов и сборов). Самая большая глава документа — десятая описывает судоустройство и судопроизводство в Московском государстве, определяет суд как важнейший элемент государственного аппарата. Последующие главы включают нормы, устанавливающие статус отдельных сословий. Заголовки некоторых глав содержат прямое указание на сословие, к которому относится глава. Например: глава XI. Суд о крестьянах; глава XIX. О посадских людях; глава XXIII. О стрельцах. Наименование других глав и их содержание хотя и не привязаны, столь очевидно, к определенным сословиям, но регулируют имущественные, наследственные и иные права и обязанности, объем которых зависит от сословной принадлежности.

Структура Соборного Уложения фиксирует иерархично выстроенную организацию русского общества, которую визуально можно

представить в виде условной ступенчатой пирамиды. Верхний уровень занимает церковь, далее располагается царь, ниже — государственный аппарат, основание пирамиды составляют сословия.

В научных публикациях последних лет присутствует стремление выразить значение Соборного уложения в современной политико-правовой терминологии. Утверждается, что оно «стало духовно-юридической конституцией установившейся в России теократической монархии в форме царского самодержавия»¹. С такой оценкой вряд ли можно согласиться. Соблюдение принципа историзма требует рассмотрения любого юридического факта (а принятие Соборного уложения таким фактом несомненно являлось) в конкретном экономическом, социальном, политическом, культурном и правовом контексте. Основанное на закреплении сословных ограничений и обязанностей Соборное уложение не может относиться к документам конституционного значения, также спорен вывод о наличии в России в середине XVII в. теократической монархии.

Соборное уложение отразило важную тенденцию развития русского права: более быстрое формирование и закрепление в законе получали норм, устанавливающие уголовные наказания, описывающие деяния, за которые они назначаются, определяющие порядок деятельности суда, и особенно подробно — по уголовным делам. Это отражает тенденцию развития права с приоритетом императивных предписаний, т.е. через запреты, а не через дозволения.

Выявленные черты проявлялись на протяжении всей истории систематизации российского права. Попытка ускоренной модернизации законодательства посредством создания новых законов, предпринятая М.М. Сперанским в начале XIX в., не только не получила поддержки верховной власти, но и была признана ненужной и нецелесообразной. Не реализовалась и идея серьезного обновления гражданского законодательства. Подготовленное Гражданское уложение так и осталось проектом. В итоге первым кодексом, имевшим систему и атрибуты акта такого рода, в истории русского законодательства стало Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Даже советская кодификация 1920-х г. началась с издания Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. Для сравнения: он был утвержден 1 июня 1922 г., а Гражданский кодекс — 31 октября 1922 г.

Особое внимание российское государство всегда уделяло судебному законодательству. Кодифицированными отраслевыми актами

¹ Осипян Б.А. Соборное уложение 1649 г. как закон «Равной расправы и суда» // Современное право. 2015. № 3. С. 154–160.

можно считать Судебные уставы 1864 г. Современные исследователи обоснованно видят в судебной реформе середины XIX в. начало буржуазной трансформации государства на основе принципа разделения властей; и первой властью, которая выделилась в качестве самостоятельной, стала власть судебная.

Систематизация законодательства требует особого порядка организации, проведения и завершения работ. Отечественный исторический опыт, начиная с Соборного уложения, свидетельствует о нескольких приемах институционального оформления такой деятельности: через специальные комиссии, отдельные государственные учреждения, в более поздние периоды — научные институты. Однако в любом варианте работы проводились по инициативе и при непосредственной поддержке верховной власти, а результаты деятельности требовали последующей легитимации.

Только официальный характер актов систематизации, как отмечает С.В. Кодан, позволяет относить их к источникам права, а «подготовленные юристами или организациями издания для собственного обеспечения правовой информацией официальными не являются»¹.

Понятие систематизированного акта представляет отдельную проблему, которая во многом связана с разными подходами к пониманию видов систематизации. Например, В.А. Савицкий поддерживает позицию, что формами систематизации следует признать кодификацию и инкорпорацию, а выделение такой формы, как консолидация, является спорным². В то же время широко распространенной и дублируемой особенно в учебной литературе остается другая позиция, высказанная еще в начале 1960-х гг.: «Большинство авторов сходятся в том, что систематизация — родовое понятие, охватывающее всю деятельность по упорядочению законодательства, а кодификация — один из способов или одна из форм систематизации законодательства»³.

¹ Кодан С.В. Акты систематизации законодательства: юридическая природа и место в системе источников Российского права // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2008. Вып. 8. С. 387.

² Систематизация законодательства как способ его развития / отв. ред. В.А. Савицкий. М.: Изд. Дом Гос. ун-та — Высшая школа экономики, 2010. С. 12; Савицкий В.А. Систематизация как форма применения юридико-технического инструментария // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 65–66.

³ Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самощенко. М.: Юрид. лит-ра, 1962. С. 9.

Использование в истории русского права различных форм систематизации приводило к созданию отдельных актов (в результате инкорпорации и кодификации) или сборников законодательства (в результате консолидации и инкорпорации)¹. Ввести универсальное и в то же время аутентичное наименование для столь разнообразных изданий, появившихся к тому же на протяжении длительного исторического периода, не представляется возможным. Допустимо, не нарушая при этом принципа историзма, выделить несколько видов. Наиболее известные отраслевые кодифицированные акты Российской империи имели соответствующие юридической практике заголовки «Уложение» и «Устав». В советский период аналогичные по юридическому значению акты стали называться кодексами.

В XIX в. с выпуском Полного собрания законов Российской империи (ПСЗ РИ) и Свода законов Российской империи (СЗ РИ) была заложена новая традиция обозначения многотомных изданий, построенных по хронологическому и отраслевому принципу. В научной литературе сформированные таким образом сборники рассматривают как результат применения особой формы, а именно — общей (генеральной) систематизации законодательства².

Идея Свода законов как базового собрания, каждый том которого включает нормы, касающиеся определенного предмета правового регулирования, получила поддержку и даже попытку реализации в начальный период становления советского государства. Инициатива исходила от народного комиссариата юстиции, сотрудники которого разработали структуру предполагаемого издания и приступили к составлению проектов двух законов: Уголовного уложения и Судебных уставов. Один из вариантов схемы будущего Свода законов русской революции был опубликован в газете Временного рабочего и крестьянского правительства³. Хотя названия отдельных томов и их разделов отражали новые политические реалии, сами принципы предметной систематизации, методические приемы распределения нормативного материала, как и планируемые к включению в тома готовившиеся отраслевые акты демонстрируют значительную преемственность со Сводом законов Российской империи.

¹ Залоило М.В. Проблемы инкорпорации правовых актов СССР и РСФСР в современное российское законодательство // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 30.

² Юртаева Е.А. Системность и систематизация в законотворчестве: теория и опыт // Российская юстиция. 2010. № 4. С. 12.

³ Газета Временного рабочего и крестьянского правительства. 1917. № 42. 28 декабря (10 января).

Сложившаяся традиция — использование генеральной систематизации, признание ее высокой ценности для упорядочения законодательства — проявилась и на следующих этапах развития советского государства. Как и в дореволюционный период предметная систематизация (т.е. какой-либо аналог Свода законов) могла проводиться только на основе использования накопленного нормативного материала, путем выявления, отбора и обработки актуальных норм. Опору на прежние источники подчеркивали составители Сборного уложения; подготовке ПСЗ РИ и СЗ РИ предшествовала работа М.М. Сперанского и его сподвижников по обнаружению оригиналов законов¹.

В советский период таким универсальным изданием, содержащим наиболее полный массив законов, начиная с первых дней советской власти, стало Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и крестьянского правительства (СУ РСФСР)². Показательно, что его происхождение исторически связано не с собранием законодательства, а с собранием актов, формально исходивших от правительства. С 1863 г. выходило Собрание узаконений и распоряжений правительства, издаваемое при Правительствующем сенате. Опубликование акта в Собрании являлось фактом его официального обнародования. С марта по ноябрь 1917 г. в нем помещались акты Временного правительства. СУ РСФСР также первоначально печаталось в бывшей сенатской типографии, с использованием того же оборудования, набора и шрифта³.

Необходимо заметить, что в новой политической системе название СУ РСФСР более точно отражало юридическую природу помещенных в нем актов. В советском государстве изменилось понятие правительства, сам термин приобрел обобщенный смысл и использовался для обозначения совокупности всех государственных учреждений, обладавших законодательными полномочиями. Конституция РСФСР 1918 г. строилась на отрицании принципа разделения властей, относя к законодательным органам Всероссийский съезд Советов, ВЦИК и Совнарком. При этом Совнарком прямо назывался правительством.

Несмотря на активное цитирование, как самостоятельный юридический источник СУ РСФСР не получило должного изучения

¹ Кодан С.В. Становление системы законодательства Российской империи (XIX — начало XX в.) // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2011. № 1. С. 61.

² Название Собрания несколько раз менялось.

³ Российское законодательство X–XX веков. Т. 9. М.: Юрид. лит., 1994. С. 38.

в историко-правовой науке. Собственно СУ РСФСР посвящена только одна специальная статья, опубликованная известным ученым А.И. Елистратовым еще в 1922 г. В отличие от Сборного уложения ему не находится места в современных энциклопедиях. Безусловно, в энциклопедиях советского периода (например, в Большой советской энциклопедии 1969–1978 гг., Советской исторической энциклопедии 1973–1982 гг.) краткие статьи об этом издании присутствуют.

После образования СССР аналогичная практика выпуска периодического хронологического издания была экстраполирована и на союзный уровень. С 1924 г. издавалось Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства Союза Советских Социалистических республик (СЗ СССР). Последующая трансформация обоих изданий была связана с конституционными преобразованиями 1936–1937 гг.

Периодические хронологические сборники использовались как основа при переходе на этап предметной систематизации и собственно обеспечивали возможность ее проведения. Союзное законодательство было обобщено в Систематическом собрании действующих законов СССР. Его пять книг: «Политический строй», «Хозяйственный строй», «Финансово-бюджетный строй», «Культурное строительство», «Судебный строй» были опубликованы в 1926–1927 гг. В.П. Антонов-Саратовский, возглавлявший Комиссию законодательных предположений, которая организовала подготовку данного Собрания, подчеркивал исключительную важность проделанной работы, считал Систематическое собрание фундаментом, на котором относительно легко возвести стройное здание советского законодательства¹.

На республиканском уровне предметная систематизация завершилась изданием в 1929 г. Систематического собрания законов РСФСР. Оно состояло из двух томов, сформированных путем отбора актуальных актов или их частей из СУ РСФСР. Обработке был подвергнут законодательный массив за десятилетний период с 7 ноября 1917 г. по 31 декабря 1927 г. Союзное и республиканское систематические собрания являлись неофициальными изданиями. Они готовились и рассматривались как необходимое условие, предпосылка и база для перехода на следующий этап общей систематизации — создания союзного и республиканского сводов законов.

Несмотря на очевидные достижения, завершить упорядочение советского законодательства в соответствии с задуманной схемой

¹ ГАРФ. Ф.Р-5446. Оп. 45. Д. 16. Л. 285, 285 об.

не удалось. Работа над Сводом законов СССР в начале 1930 г. была признана политически нецелесообразной. Выпускались только Хронологические собрания законодательства.

В итоге, «подготовка нового предметно систематизированного собрания законодательства, основная работа над ним и издание Собрания действующего законодательства СССР были завершены только в 60–80-е годы»¹. Основное содержание Собрания действующего законодательства СССР делилось на 32 раздела, помещенных в 50 томов. Актуальность Собрания планировалось обеспечивать регулярным выпуском дополнений. В итоге было издано два дополнения: первое (т. 51–56), второе (т. 57–60), которое отражало законодательство по состоянию на 1 января 1981 г.

Систематическое собрание действующего законодательства РСФСР, опубликованное в 1977–1982 гг., также базировалось на предметной классификации нормативных правовых актов. Аналогично посредством издания дополнений предполагалось его обновление. В 1982 г. такое дополнение, включавшее т. 21, 22, 23, было издано.

На основе Собрания действующего законодательства СССР была начата и фактически завершена работа по дальнейшей систематизации и обновлению советского законодательства — созданию Свода законов Союза ССР². 11 томов Свода законов СССР, выпущенные в 1980–1985 гг., фактически подвели итог развитию советского союзного законодательства. Кардинальные изменения всех сфер общественной жизни, в том числе и в сфере права, нивелировали его значение. В самом конце советского периода в 1988 г. был издан Свод законов РСФСР, который ожидала схожим образом юридическая судьба. Таким образом, завершился исторический период систематизации отечественного законодательства и начался ее современный этап.

Список использованной литературы

1. *Залоило М.В.* Проблемы инкорпорации правовых актов СССР и РСФСР в современное российское законодательство [Текст] / М.В. Залоило // Журнал российского права. — 2017. — № 10.
2. *Зипунникова Н.Н.* Соборному уложению 360 лет [Текст] / Н.Н. Зипунникова // Академический юридический журнал. — 2009. — № 3.
3. *Кодан С.В.* Акты систематизации законодательства: юридическая природа и место в системе источников Российского права [Текст] /

¹ Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 316.

² Там же. С. 319.

- С.В. Кодан // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. — 2008. — Вып. 8.
4. *Кодан С.В.* Становление системы законодательства Российской империи (XIX — начало XX в.) [Текст] / С.В. Кодан // Вестник Уральского института экономики, управления и права. — 2011. — № 1.
 5. *Маньков А.Г.* Уложение 1649 г. — кодекс феодального права России [Текст] / А.Г. Маньков. — Л., 1980. — 271 с.
 6. *Савицкий В.А.* Систематизация как форма применения юридико-технического инструментария [Текст] / В.А. Савицкий // Юридическая техника. — 2007. — № 1.
 7. Систематизация законодательства в Российской Федерации [Текст] / под ред. А.С. Пиголкина. — СПб., 2003.
 8. Систематизация законодательства как способ его развития [Текст] / отв. ред. В.А. Савицкий. — М., 2010.
 9. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства [Текст] / под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самощенко. — М., 1962.
 10. *Юртаева Е.А.* Системность и систематизация в законотворчестве: теория и опыт [Текст] / Е.А. Юртаева // Российская юстиция. — 2010. — № 4.

**ЗАКОНОТВОРЧЕСТВО, ЗАКОНОИСКУССТВО И ПРАКТИКА
СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА КАК ФАКТОР
РАЗВИТИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ
В ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ РОССИИ**

Отечественная юридическая наука как социальный институт (как нам представляется, только в таком контексте понятие науки приобретает полный смысл) сформировалась лишь в середине — второй половине XIX столетия. Однако процесс институционализации растянулся более чем на сто лет, что обусловлено несколькими факторами.

Во-первых, в российском обществе должна была возникнуть неотложная потребность в научном знании. Этот аспект рельефно обозначился лишь в начале — середине XVIII века, когда прикладная юриспруденция не в состоянии была адекватно реагировать на инициированную Петром I государственную модернизацию. В начале XVIII в. закон становился основным социальным регулятором, несмотря на то, что обычай по-прежнему сохранял свой правовой потенциал во многих сферах общественной жизни. Создание и толкование законов могло осуществляться лишь в условиях реформирования системы законодательства, ее структуризации, а оно не в состоянии было реализоваться без достаточного количества юридически образованных людей, находящихся на «государевой службе», способных научно обосновать и осуществить эти преобразования. Неслучайно исторический опыт первой четверти XVIII столетия уже в начале XIX века рассматривался российскими правоведами как основополагающий в процессе развития отечественной теоретической юриспруденции и юридического образования.

Последнее является вторым фактором, обуславливающим социализацию науки. Только в недрах сложившегося профессионально образованного сообщества юристов могло сформироваться сообщество ученых-юристов. И если в допетровское время юридические знания приобретались в духовных учебных заведениях, то начало светскому правоведению было положено созданием всевозможных профессиональных школ для дворян в начале XVIII в., а в последующем тесно связано со становлением университетской системы образования.

В качестве третьей предпосылки становления отечественной юридической науки необходимо определить западную правовую

традицию, «пересаженную на русскую почву и возвращенную» российскими университетами¹. Действительно, особенность отечественного научного опыта заключается в том, что первоначально под воздействием западноевропейской правовой мысли, привнесенной приглашенными в российские университеты европейскими профессорами, российские правоведы активно реагировали на последовательную смену, например, догматической юриспруденции философской рефлексией. Но главным итогом этого воздействия было не слепое копирование мыслимых конструкций, а постепенное осознание того, что наука лишь тогда приносит свои плоды и востребована обществом, когда формирует системное знание об объекте, в нашем случае о праве. Таким образом, отечественная юридическая наука могла приобрести свои осязаемые формы лишь в то время, когда правовая среда приобрела системность, то есть не ранее конца XVIII века, а скорее всего, середины XIX столетия.

Последний аспект указывает на еще один значимый фактор становления науки — систематизацию эмпирической базы, прежде всего законодательства, представляющего основной компонент правового массива, попадающего в поле зрения научного сообщества. Определяя кульминационный момент этого процесса, Ф.Л. Морошкин выразил общее мнение отечественных ученых: «...издание Полного Собрания и Свода Законов Российской империи положило твердое основание русской юриспруденции», именно с этого события начинается «основательное изучение истории российского законодательства», «систематическое изучение догмы российского законодательства»².

Систематизация отечественного законодательства, «по размаху и дерзости» не имеющая аналогов в истории права³, была предопределена законотворчеством и юридической практикой всего предшествующего столетия. Условно можно выделить несколько направлений, которые обусловили и основные тенденции развития отечественной науки. К первому относятся попытки актуализи-

¹ Коркунов Н.М. История философии права. Пособие к лекциям. СПб., 1908. С. 250.

² Морошкин Ф.Л. Гражданское право по началам российского законодательства // Юридический вестник, издаваемый Николаем Калачовым. СПб., 1860. Вып. 16. С. 3.

³ Графский В.Г. Систематизация законодательства в европейской и российской традиции // Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы): Материалы международного круглого стола. Москва — Нижний Новгород — Екатеринбург, 2008. С. 21.

ровать законодательство посредством редактирования Соборного уложения. В этой связи следует рассмотреть деятельность всех комиссий, созданных с этой целью в XVIII столетии. Второе направление отражает законотворческую деятельность государственных комиссий начала XIX века и создание проектов отраслевых кодифицированных законов, к примеру Уголовного уложения, Гражданского уложения и др. В рамках третьего находится опыт неофициальных систематизаций русского законодательства (издание различных систематических сборников частными лицами) или опыт упорядочения отечественных законов для повышения эффективности судебной практики. Четвертое направление позволяет увидеть процессы, без которых развитие науки невозможно, они связаны с интеграцией научной деятельности и юридической практики посредством различных форм, среди которых приоритетной является популяризация научного знания, обеспечивающая обратную связь с обществом, устойчивость и стабильность внутренней организации и самого научного сообщества.

Известно, что вплоть до начала XIX века в России юриспруденция воспринималась как ремесло, «знание законов сливалось с искусством прилагать эти законы к встречающимся случаям гражданской жизни»¹, поэтому сама практика называлась законоискусством, юристы — законоискусниками, а законотворческая деятельность была направлена на адаптацию старых законов к новым жизненным условиям.

Формирование нового, по сравнению с предшествующим веком, взгляда на законотворчество связано с деятельностью Комиссии составления законов, которая действует по впервые утвержденному «Положению о составе и управлении Комиссии составления законов»². Ей вменялось в обязанность создать целую серию законов, регулирующих отдельные сферы общественной жизни, завершив систематическим сборником, вбирающим законы, регулирующие отношения с присоединенными территориями, а также с имперскими окраинами³. Такую работу мог проделать только высокопрофессиональный коллектив.

К работе в Комиссии были привлечены как отечественные, так и зарубежные ученые, что придало работе профессионально обоснованный характер, в итоге результаты превзошли все ожидания.

¹ Морозкин Ф.Л. Гражданское право по началам российского законодательства // Юридический вестник, издаваемый Николаем Калачовым. СПб., 1860. Вып. 16. С. 1.

² ПСЗРИ 1. Т. 30. № 23525. С. 857–858.

³ Там же.

Мало того, что были созданы проекты трех Уложений — уголовного, гражданского и казенных дел, все завершилось составлением первых томов «Систематического свода существующих законов Российской Империи с основаниями прав, из оных извлеченными», «Полного хронологического реестра законодательных актов, со времени правительства Алексея Михайловича до 1825 года» с краткой аннотацией к каждому акту¹, а также «Журнала законодательства или собрания всех к гражданской части принадлежащих узаконений»². Была предпринята попытка подготовить к изданию и научный альманах — «Критический журнал российского законодательства» с комментариями и заметками³.

Весь колоссальный труд Комиссии составления законов вряд ли можно переоценить. С.В. Кодан считает, что «в силу недостаточного развития техники и практики создания кодифицированных актов, ряда политических проблем проекты не получили силу законов. Но именно в это время четко обозначились требующие решения проблемы систематизации российских узаконений»⁴, а также, и это, по нашему мнению, более значимым результатом работы Комиссии является то, что научное знание стало в высшей степени востребованным, определялись основные направления развития отраслей юридической науки и практики. Именно практика стремилась не отставать от законодателя и развиваться в унисон с запросами времени. Поэтому во второй половине XVIII века, и особенно в XIX веке законодательство в России имело как официальный, так и неофициальный характер, представляя уникальный опыт развития и социализации научного знания.

Первой попыткой систематизировать русское законодательство, по мнению Н.М. Коркунова, стало «Краткое руководство к российским правам» Фридриха Генриха Штрубе де Пирмона, в свое время не оцененное Академией наук, поэтому этот «труд остался почти никому не известным»⁵. Интерес частных лиц к системати-

¹ ПСЗРИ 1. Т. 30. № 23525. С. 236.

² ПСЗРИ 1. Т. 33. № 26170. С. 532.

³ Томсинов В.А. Юридическое образование и юриспруденция в России в первой половине XIX века. М., 2010. С. 235.

⁴ Баженова Т.М., Кодан С.В. Свод законов Российской империи в деятельности Российского государства по упорядочению законодательства (первая четверть XIX — начало XX века) // Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы): Материалы международного круглого стола. Москва — Нижний Новгород — Екатеринбург, 2008. С. 24.

⁵ Коркунов Н.М. История философии права. Пособие к лекциям. СПб., 1908. С. 254.

зации законодательства усилился к концу XVIII века, появляются так называемые «Словари», представляющие хронологическую инкорпорацию. Такую попытку предпринимали И. Наумов¹, Л. Максимович, братья П. и Т. Хавские, отец и сын Ф. и А. Правиковы, А. Фиалковскы и др.²

Одним словом, неофициальные систематизации, являясь предтечей официальной систематизации, не только способствовали консолидации научного сообщества, формированию научных ценностей, но и развитию правовой культуры, сближая науку с практикой, являясь неопределимой помощью правоприменителю, делая его труд более организованным и профессиональным.

Свою непреходящую роль в сближении законотворчества и законоискусства сыграла массовая юридическая печать. Пальму первенства в этом деле следует отдать Московскому университету, где первыми русскими профессорами С.Е. Десницким и И.А. Третьяковым создаются «Дружеское ученое общество» (1782 г.) и «Общество любителей российской учености» (1789 г.), нацеленные на юридическое просвещение посредством диспутов и публикаций учебников иностранных юристов и изысканий отечественных юристов-практиков³.

Издание специализированных журналов по юриспруденции, как и систематизаций, первоначально тоже было делом частной инициативы. Первым таким журналом исследователи называют «Театр судоведения, или Чтение для судей и всех любителей юриспру-

¹ Журнал дома практического правоведения по предмету образования стряпчества, 1813 года, издаваемый Надворным Советником Иваном Наумовым. СПб., 1813–1814.

² Максимович Л. Указания российских законов, временных учреждений суда и расправы. М., СПб., 1803.; П. и Т. Хавские. Собрания законов, заключающих в себе предмет: Уголовное уложение с присовокуплением Свода Уложению царя Алексея Михайловича, Воинскому уставу, Артикулам воинским, Уставу морскому императора Петра I и другим законоположениям по уголовной части с 1649 по 1753 г. СПб., 1825; Памятник из законов, руководствующий к познанию приказного обряда, собранный по азбучному порядку, в четырех частях. Ч. I – 1798; Ч. II – 1799; Ч. III и IV – 1800–1802, Продолжением этого издания явился «Памятник из законов, с дополнением всех значущихся в прежних четырех частях материй вновь состоявшимися узаконениями и другими нужными обстоятельствами начатый трудами Ф. Правикова, а оконченный сыном его А. Правиковым»; Фиалковский А. Новый памятник законов империи Российской в двух частях. СПб., 1826–1829 и др.

³ Покровский С.А. Политические и правовые взгляды С.Е. Десницкого. М., 1955. С. 159.

денции» (1790–1792. Ч. 1–6) В.В. Новикова, который задумывался как издание, служащее руководством для практиков¹.

В начале XIX века подобные книги становятся популярными. Среди наиболее распространенных были «Грамматика юридическая, или Начальные правила российского правоправедения, сочиненные в пользу юношества, обучающегося в разных училищах, надворным советником Федором Правиковым» (Санкт-Петербург, 1805), «Новый и полный всеобщий стряпчий, или судебный обрядник» в четырех частях (М., 1811), «Всеобщий стряпчий или поверенный» И.А. Моркова, «Полный всеобщий стряпчий или словарь практического гражданского делопроизводства» в трех томах, собранный С. Ушаковым (1822–1826 гг.), и др. И если перечисленные журналы имели практическую направленность, содержали комментарии к законам, то «Журнал Дома практического правоправедения по предмету образования стряпчества», издававшийся коллежским советником и писателем И.М. Наумовым, и «Журнал правоправедения барона И. Беллинсгаузена» (1812 г.) обратили внимание читателей на потребность научного обоснования отдельных практических вопросов². Первым же научным в полном смысле этого слова считается журнал «Юридические записки, издаваемые Петром Редкиным» (М., 1841–1842 гг.). В последующем этот опыт нашел развитие не только в Москве, но и в других городах России, прежде всего в тех, где были открыты университеты.

В заключение отметим, что законотворчество и законоискусство, в период своего процветания неразрывно связанные составляющие правовой политики государства, по мере развития научного знания интегрируются и с ним. Но вместе с тем аналитика выше указанной фактологии взаимодействия науки и практики позволяет увидеть особенность, заключающуюся в опосредованной, а не ведущей роли отечественной науки в процессе создания закона и комментариев к ним. Этот факт вызывал сожаление у сочувствующих науке и ученых дореволюционной России. К примеру, А.Г. Станиславский в 1853 г. пишет: «Ни одно общество, ни одно государство не является на всемирно-историческом поприще с готовым законодательством... Между тем как в других государствах успехи законопедения вызывали нередко деятельность общественной власти к усовершенствованию законодательства, в России наоборот,

¹ Заповодов А.В. Новиков В.В. и его «Театр судоведения» // Ученые записки Ленинградского ун-та. Серия филологические науки. Л., 1939. № 47 (Вып. 4). С. 77.

² Журнал правоправедения, издаваемый надворным советником бароном Иваном Беллинсгаузеном. Часть первая. СПб., 1812.

по мере того как слагались и совершенствовались законы, и учение о них приобретало большее значение и подвигалось вперед — такова отличительная черта Русского законовещения»¹. К сожалению, сложившаяся в XVIII–XIX вв. непривлекательная традиция имеет свое продолжение и в современности.

Список использованной литературы

1. *Баженова Т.М.* Свод законов Российской империи в деятельности Российского государства по упорядочению законодательства (первая четверть XIX — начало XX века) [Текст] / Т.М. Баженова, С.В. Кодан // Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы): Материалы международного круглого стола. — Москва — Нижний Новгород — Екатеринбург, 2008.
2. *Графский В.Г.* Систематизация законодательства в европейской и российской традиции [Текст] / В.Г. Графский // Систематизация законодательства в России (историко-правовые, теоретико-методологические и технико-юридические проблемы): Материалы международного круглого стола. — Москва — Нижний Новгород — Екатеринбург, 2008.
3. *Залоило М.В.* Проблемы инкорпорации правовых актов СССР и РСФСР в современное российское законодательство [Текст] / М.В. Залоило // Журнал российского права. — 2017. — № 10.
4. *Западов А.В.* В.В. Новиков и его «Театр судоведения» [Текст] / А.В. Западов // Ученые записки Ленинградского ун-та. Серия: Филологические науки. — Л., 1939. — № 47 (Вып. 4).
5. *Коркунов Н.М.* История философии права. Пособие к лекциям [Текст] / Н.М. Коркунов. — СПб., 1908.
6. *Морошкин Ф.Л.* Гражданское право по началам российского законодательства [Текст] / Ф.Л. Морошкин // Юридический вестник, издаваемый Николаем Калачовым. — СПб., 1860. — Вып. 16.
7. *Покровский С.А.* Политические и правовые взгляды С.Е. Десницкого [Текст] / С.А. Покровский. — М., 1955.
8. *Станиславский А.Г.* О ходе законовещения в России и о результатах современного его направления [Текст] / А.Г. Станиславский. — Казань, 1853.
9. *Томсинов В.А.* Юридическое образование и юриспруденция в России в первой половине XIX века [Текст] / В.А. Томсинов. — М., 2010.

¹ Станиславский А.Г. О ходе законовещения в России и о результатах современного его направления. Казань, 1853. С. 8, 29.

**ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЕХИ РОССИЙСКОЙ КОДИФИКАЦИИ
И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА РАЗВИТИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ПРАВА**

Современные научные трактовки кодификации (речь идет не о работах последних лет, а о трудах на протяжении более ста лет¹) существенно снижают ее самостоятельное историческое значение и влияние на развитие отечественного права. Юридико-технический подход к кодификации во многом связан с успехами кодификационных работ в Европе XIX века, закрепившими как постулат идею о том, что формальное законодательство в состоянии обобщить юридические правила, необходимые для удовлетворения всех основных социальных потребностей. Ограничение кодификационной деятельности целями обновления, расширения, упорядочения законодательной регламентации, а также обеспечения унификации нормативных установлений не только сужает ее правовой потенциал, но и нивелирует значение кодификации, низводя ее до способа систематизации нормативного массива.

В широком смысле кодификация представляет собой элемент государственной правовой политики, предназначенный для системного властного урегулирования определенных групп или сфер общественных отношений. В данном контексте кодификация выступает одним из основных инструментов модернизации права и использования его системных свойств для развития национальной правовой системы.

Содержание, способы и последствия кодификации обусловлены уровнем правовой культуры и правовой идеологии в государстве, а ее результаты многоаспектны и могут быть проанализированы с разных сторон. Цели данного исследования, основанного на принципе историзма, предопределяют ее оценку, исходя из ее предметной, юридико-технической и социальной значимости для развития российской правовой системы.

Исходя из этого предлагаем следующую периодизацию истории российской кодификации:

первый период (XI–XVII в.) — средневековая кодификация традиционного права, характеризующаяся иницилируемым государственной властью централизованным оформлением юридических норм, их обособлением от других социальных регуляторов и объединением в единый кодекс (Соборное Уложение 1649 г.);

¹ См., напр.: Тарановский Ф.В. Учебник энциклопедии права. Юрьев, 1917. С. 455.

второй период (1700 г. — сентябрь 1917 г.) кодификации законодательства имперского государства, основанный на идее общественной пользы государственной законности и принципе верховенства юридических установлений государства над другими формами права;

третий советский период кодификации (октябрь 1917 — 80-е годы XX в.), нацеленный на создание нового социалистического юридического порядка;

четвертый современный этап перманентной кодификации начался в 90-х годах XX века и продолжается в настоящий момент.

Господство обычного права в Древнерусском государстве предопределило тот факт, что государственная власть распространялась на установленный обычно-правовой порядок и основывалась на принципах их законности и священности¹. Поэтому не случайно, что первая кодификация права в России — это кодификация правовых обычаев. По инициативе государства осуществляется их санкционирование, письменная фиксация и упорядочивание с целью единообразного применения в судебной практике княжеских судов². Русская Правда как первый систематизированный сборник юридических норм не только состояла из правовых обычаев, но и предусматривала широкий простор их применения на практике.

Вплоть до конца XV в. государство — один из участников нормотворчества, но обладающий исключительным правом санкционирования (с одной стороны, принятие, утверждение и отбор, с другой — применение государственных санкций за нарушение зафиксированных в законе норм) правовых обычаев и создания княжеского законодательства, регулировавшего осуществление внутренних и внешних функций князя (государя). Согласимся с А.Е. Пресняковым, утверждавшим, что государственная власть в указанный период не создает «особой системы права, отличной от права народного»³.

Монополизация судебно-административной деятельности великокняжеской администрацией к концу XV в. приводит к обособлению круга общественных отношений, регулируемых нор-

¹ Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX — начала XX века (историко-правовой аспект): дис. ... д-ра юрид. наук / Ростовский юридический институт МВД Российской Федерации. Ростов н/Д, 2009. С. 118–120.

² Там же. С. 121, 128.

³ Пресняков А.Е. Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории. М., 1993. С. 183.

мами позитивного права, и усилению значения законотворчества. Условием предоставления судебной защиты субъективных прав, обеспеченной мерами государственного принуждения, становится соблюдение юридических установлений и предписаний, закрепленных в княжеском и царском судебныхниках. Формализация и упорядочение норм судоустройства и судопроизводства в Судебниках 1497 г. и 1550 г. становится первым опытом применения юридико-технических средств в форме системного сведения разрозненных правил в единый сборник с целью формализации, стандартизации и придания единообразия судебной практике.

Судебники стали содержательной основой Сводного судебногоника 1606–1607 г.¹, нацеленного на приведение правоприменительной практики в соответствие с предписаниями Судебника 1550 г. и нормативными новациями, закрепленными в последовавших за ним указах. Сохранив схему построения Судебника 1550 г., составители Свода осуществили тематическое соподчинение казуистических противоположений в рамках 25 граней.

Соборное Уложение 1649 г. ознаменовало перелом в осуществлении юридической деятельности. Во-первых, установлением централизованного порядка правового регулирования и усилением юридической ответственности за несоблюдение закона, обеспеченной силой государственного принуждения. Во-вторых, закреплением начал формальной определенности и общеобязательности юридических норм и предписаний Уложения. В-третьих, использованием юридико-технических приемов структурирования текста закона, обобщения и систематизации правового материала, а также формулировки юридических норм. В-четвертых, введением практики обнародования нормативно-правовых актов в форме их публикации. В-пятых, созданием структуры средневековой нормативной системы и основы для ее дальнейшего развития. В течение следующих пятидесяти лет после принятия Соборного Уложения государственными органами было издано более полутора тысяч актов, имевших юридическую силу закона². В-шестых, утверждением авторитета и монополии государства на осуществление нормотворчества, упорядочение и легализацию социально значимых правил поведения.

Таким образом, в рамках кодификационной деятельности по созданию и дополнению положений Соборного Уложения 1649 г.

¹ Памятники русского права. Вып. 4. М., 1956. С. 477–542.

² Омельченко О.А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии. М., 1989. С. 6.

были определены рамки государственного правового регулирования и сформировано строение средневековой российской правовой системы, характеризовавшейся неразрывной связью с правовыми традициями и закреплением сословного неравенства, установлением правообязанностей субъектов и отсутствием признания личности в качестве самостоятельного субъекта прав.

В отличие от ранних кодификаций, к которым относится и кодификация древнерусского права, представлявших собой сведение воедино устоявшихся и общепризнанных правил поведения, Соборное Уложение является результатом систематического обобщения и структурированного по предметному признаку упорядочивания социально значимых правил правового поведения, а также новых юридических норм и предписаний, не состоявших не в какой связи с предыдущим правовым материалом.

Последовавшая за этим активная и разноплановая законодательная деятельность Петра I привела к двукратному увеличению количества манифестов, именных указов, указов, имевших силу закона. Отсутствие четких разграничений между ними по содержанию и их формальной определенности вследствие не разработанности общих начал правовой политики и низкого уровня юридической техники приводило к несогласованности новых и прежних актов и противоречивости законодательства в целом.

Недостатки нормотворчества умножались дефектами судебной практики, обусловленными не только общим несовершенством юстиции, но и слабой осведомленностью судей о принятых государственных законах, так как практика публикации законов была внедрена только в 1710 г. и публикации подлежали наиболее значимые акты, а их собрание осуществлялось в хронологическом порядке и бессистемно.

Вследствие этого начинается второй этап истории кодификации российского права, который мы связываем с образованием в феврале 1700 г. Палаты об уложении¹, деятельность которой завершилась составлением проекта Новоуложенной книги². Данный проект не стал действующим законом, так как он сохранял основные принципы средневекового права, казуистический подход к формулировке юридических норм, отсутствие формальной определенности юридических предписаний. Кроме того, систематизация прежнего уложения не удовлетворяла целям государственно-правового преобразования России в направлении ее европеизации.

¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. 4. № 1765.

² Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. СПб., 1887. С. 2–19.

Элементами правовой системы по замыслу Петра I должны были стать, помимо принятых российских законов, шведское уложение, лифляндские законы.

Таким образом предполагалось кардинальное обновление правовой системы за счет активной рецепции иностранного права¹. Идеей, объединяющей модернизированную правовую систему, должна была стать государственная польза и «собственный интерес его величества»². Комиссия завершила работу уже после смерти Петра I в 1726 г. предоставлением Сенату проекта из 2116 артикулов, который так и не стал законом.

Последующие комиссии (третья — 1728–1730 г. и четвертая — 1730–1744 г.) первой половины и середины XVIII в. продолжили работу над «совершенным» уложением, но отказались от рецепции иностранного законодательства и были нацелены на сохранение правовых принципов и основ российского права и следование структуре Соборного Уложения 1649 г.

Итогом десятилетиями продолжавшейся работы комиссий стала не общая кодификация, а отдельные уставы (Воинский и Морской уставы 1716 г.³, Генеральный Регламент 1720 г.⁴, Пункты о вотчинных делах 1725 г.⁵). Именно форма свода отраслевых норм, выработанных в ходе кодификационных работ первой половины XVIII в., наметила структуру будущего отраслевого деления российского законодательства. Вместе с тем, цель объединения законодательства в единую систему не была достигнута, как и обеспечение верховенства закона в иерархии форм права.

Развитие российского права в ходе кодификации последней трети XVIII века непосредственно связано с идеей законной монархии в России. Масштабность замысла правовой реформы Екатерины II отражена в ее «Наставлении» генерал-прокурору: «Законы наши требуют поправления. Первое, чтобы все ввести в одну систему, которой и держаться; другое, чтоб отрешить те, которые оной прекословят»⁶. Императрица составила графические схемы

¹ Маньков А.Г. Использование в России шведского законодательства при составлении проекта Уложения 1720–1725 гг. // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX в. Л., 1970. С. 112–126.

² Латкин В.Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. СПб., 1887. С. 529.

³ Устав воинский 1716 г. СПб.: Императорская Академия наук, 1789.

⁴ Полное собрание законов Российской империи. Т. 6. № 3534. С. 141–160.

⁵ Полное собрание законов Российской империи. Т. 7. № 4722. С. 474–497.

⁶ Сборник Императорского Русского исторического общества. Т. 7: Бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Государственном архиве Министерства иностранных дел. Ч. 1. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1871. С. 348.

системы государственных законов¹ и инициировала разработку Дирекционной комиссией Инструкции о приемах работы по составлению проекта Уложения². Полагаем, что на данном этапе произошло формально-законодательное переосмысление природы общественных отношений и их связи с государством.

Роспуск большой Уложенной комиссии в 1768 году не привел к завершению кодификации, которая продолжилась в правительственной комиссии. Указом от 4 декабря 1796 г. вошедший на престол Павел переподчинил комиссию генерал-прокурору Сената, что не дало существенных результатов. Указом от 5 июня 1801 г. император Александр I передал кодификационную комиссию в свое непосредственное ведение³. Однако успехи кодификации, конечно, связаны с личным вкладом М.М. Сперанского, разработавшего стратегию и тактику, цель и задачи кодификационных работ, а также систему Свода законов и его концепцию, определившие предмет правового регулирования будущих отраслей и институтов российского законодательства.

Кодификация первой половины XIX в., которая, на наш взгляд, перманентно продолжалась до начала XX в., всесторонне освещена в научной литературе. Поскольку мнения о Своде законов имеют как позитивную, так и негативную направленность, отметим только то, что оценка кодификационных работ может быть дана только под углом определенных представлений в обществе о задачах правового регулирования и целях кодификации.

Общим итогом второго этапа истории российской кодификации считаем создание двухуровневой (общеимперской и партикулярной) правовой системы Российской империи, определение сфер общественных отношений, подлежащих государственному правовому регулированию; институционализацию юридических норм, закрепленных в нормативно-правовых актах; реализацию цели установления общего централизованного государственного регулирования основных проявлений общественной жизни; создание нового законодательного института о правах, обязанностях и положении российских сословий и закрепление решающего влияния

¹ Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Фонд 10 (Разряд Х. Кабинет Екатерины II и его продолжение). Оп. 2 (Собственноручные бумаги Екатерины II). Д. 318. Л. 1–43.

² РГАДА. Фонд 342 (Комиссия о сочинении Нового Уложения (коллекция). Оп. 1. Д. 142. Л. 1–1 об., 3–4 об.

³ Лозина-Лозинский М.А. Кодификация законов по русскому государственному праву // Журнал министерства юстиции. 1897. № 4. С. 150–155.

государственной власти на определение юридического статуса условий.

Кодификация как технология юридического обеспечения основных государственных и общественных изменений широко использовалась и в советский период истории нашего государства. Советская власть использовала кодификацию для осуществления «революции права»¹ в условиях кардинальной смены курса социально-экономического развития государства², политического отказа от принципа преемственности в праве и разрушения старого и создания нового социалистического правопорядка.

Архивных документов, раскрывающих ход подготовки и проведения первой кодификации советского права, нет, возможно, вследствие тяжелых условий гражданской войны и последующего восстановления народного хозяйства. Поэтому о ее проведении можно судить по совокупности косвенных источников, из которых следует, что кодификация законодательства социалистического государства строилась на идеологических основах марксизма, что отличает ее от кодификации периода Российской империи, основанной на философско-доктринальных идеях Нового времени. Так, Екатерина II активно компилировала труды философов-просветителей для составления «Наказов» и «Наставлений» Уложенной комиссии. М.М. Сперанский разрабатывал основные принципы построения свода законов на основе умозрительных заключений Ф. Бэкона, которые великий кодификатор довел до уровня правил юридической техники³.

Любая кодификация характеризуется диалектикой сохранений и изменений. Однако первая советская кодификация была нацелена на сознательные, планируемые и контролируемые изменения в обществе и праве и построение новой социалистической правовой системы. На первый план выступает намерение сменить и устранить юридический порядок Российской империи посредством качественного изменения содержания, структуры и формы системы законодательства. Не менее важной задачей первой кодификации стало формирование и закрепление стабильных моделей правового поведения советских граждан.

-
- ¹ Стучка П.И. Революционная роль советского права. М., 1934. С. 110–111.
 - ² Черногор Н.Н., Пашенцев Д.А. Октябрьская революция и эволюция российского права // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 5–13.
 - ³ Сперанский М.М. Обзорение исторических сведений о Своде законов: составлено из актов, хранящихся во 2-м Отд-нии Собств. Е.И.В. канцелярии. Санкт-Петербург: Печ. в тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1833. С. 151, 152, 172.

Первоначально советские руководители не предполагали создание объемных сводов закона, а считали возможным ограничиться краткими актами с четко сформулированными и понятными всем принципами, дающими возможность каждому оценить правовое поведение и поступки других пролетариев¹. Однако широкий круг органов (в большинстве своем исполнительных), принимавших декреты, утрата государственной властью контроля за нормотворческим процессом, подмена юридических установлений политическими лозунгами, отсутствие механизма реализации закрепленных прав советских трудящихся и внесения изменений и дополнений в ранее принятые акты приводили к несогласованности деятельности правоприменительных органов, негативному отношению населения к советским законам и правосудию².

Советская власть осознала необходимость обеспечения неукоснительного соблюдения законов не только в конкретных правоотношениях, но и в деятельности властных органов и должностных лиц. В итоге решениями Всероссийских съездов Советов устанавливается ряд императивных предписаний: о точном соблюдении законов³, о создании системы правотворческих органов (Всероссийский съезд Советов, ВЦИК, Президиум ВЦИК и СНК)⁴ и порядке устранения противоречий между актами разного уровня. Только осуществив эти задачи, советское государство смогло перейти к разработке отраслевых кодексов. В итоге к концу 1923 г. в РСФСР действовало 8 кодексов и более 4 тыс. иных нормативно-правовых актов, объединенных в единую иерархическую систему законодательства, ставшую основой советской правовой системы.

Особенностями первой кодификации советского права считаем игнорирование принципа преемственности в праве, выражавшееся в отказе от поправок и дополнений к дореволюционному законодательству. Создание юридических норм и предписаний осуществлялось субъектами законотворчества приспособлением норм зарубежного и российского законодательства к новым условиям

¹ Бухарин Н.И., Преображенский Е.А. Азбука коммунизма: Попул. объясн. программы Рос. ком. партии большевиков / РКП(б). Петербург: Гос. изд-во, 1920. Параграф 72.

² Голос народа. Письма и отклики рядовых советских граждан о событиях. 1918–1932. М., 1997. С. 80.

³ Постановление VI Всероссийского Чрезвычайного Съезда Советов от 08.11.1918 «О точном соблюдении законов» // СУ РСФСР. 1918. № 90. Ст. 908.

⁴ Постановление VII Всероссийского Съезда Советов от 12.12.1919 «О советском строительстве» // СУ РСФСР. 1919. № 64. Ст. 578.

перехода от капитализма к социализму. Юридические предписания общего характера формулировались в виде правил, принципов или условий, обладавших социальной значимостью и одновременно обозначавших конкретные рамки типичного поведения, дававшие правоприменителям, в первую очередь, судьям, возможность сопоставить правило с реальной действительностью для ее корректировки, адаптации или выбора иного предписания (нормы).

Начиная с середины 50-х годов XX в. наступает второй этап кардинального реформирования правовой системы. Принципиальным отличием второй кодификации советского права от первой считаем доктринальную основательность, базирующуюся на системе принципов, прежде всего принципе социалистической законности, достижениях юридической науки и обобщениях юридической практики. Поэтому изменения не носили исключительно юридическо-технический характер, переосмысливались основополагающие положения и закреплялись в основах законодательства на общесоюзном уровне и кодифицированных актах на уровне союзных республик.

Главное достоинство второй кодификации состоит в том, что это было системное концептуальное обобщающее упорядочение нормативного материала, учитывающее настоятельные потребности практики, создавшее целостную организованную логичную правовую систему социалистического государства. Она стала инструментом для решения не только политических, но и собственно юридических задач. Впервые в истории кодификаций были закреплены базисные правовые отношения в обществе с новым социально-экономическим строем.

Таким образом, кодификации в России являлись проводником правовых реформ, с помощью которых содержание и форма правовой системы не только упорядочивались, но и существенно трансформировались в соответствии с целями и задачи, стоявшими перед государством на каждом из перечисленных этапов. Кодификация становится локомотивом развития самостоятельных юридических знаний (отделенных от прочих социальных наук) в России, способствовавших разработке основных юридических технологий осуществления юридической деятельности. Последняя обеспечивала динамику и действенность правового механизма, его взаимодействие с иными социальными регуляторами при решении его функциональных задач. Унифицированная система законодательства становится результатом кодификации и одновременно инструментом интеллектуального волевого регулятивного воздействия государственной власти на общественные отношения.

Список использованной литературы

1. *Бухарин Н.И.* Азбука коммунизма: Попул. объясн. программы Рос. ком. партии большевиков [Текст] / Н.И. Бухарин, Е.А. Преображенский; РКП(б). — Петербург: Гос. изд-во, 1920.
2. *Латкин В.Н.* Законодательные комиссии в России в XVIII столетии [Текст] / В.Н. Латкин. — СПб., 1887.
3. *Лозина-Лозинский М.А.* Кодификация законов по русскому государственному праву [Текст] / М.А. Лозина-Лозинский // Журнал министерства юстиции. — 1897. — № 4. — С. 150–155.
4. *Маньков А.Г.* Использование в России шведского законодательства при составлении проекта Уложения 1720–1725 гг. [Текст] / А.Г. Маньков // Исторические связи Скандинавии и России IX–XX в. — Л., 1970. — С. 112–126.
5. *Омельченко О.А.* Кодификация права в России в период абсолютной монархии [Текст] / О.А. Омельченко. — М., 1989.
6. *Пресняков А.Е.* Княжое право в Древней Руси. Лекции по русской истории [Текст] / А.Е. Пресняков. — М., 1993.
7. *Сперанский М.М.* Обзорение исторических сведений о Своде законов: составлено из актов, хранящихся во 2-м Отд-нии Собств. Е.И.В. канцелярии [Текст] / М.М. Сперанский. — Санкт-Петербург: Печ. в тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1833.
8. *Стучка П.И.* Революционная роль советского права [Текст] / П.И. Стучка. — М., 1934.
9. *Тарановский Ф.В.* Учебник энциклопедии права [Текст] / Ф.В. Тарановский. — Юрьев, 1917.
10. *Черногор Н.Н.* Октябрьская революция и эволюция российского права [Текст] / Н.Н. Черногор, Д.А. Пашенцев // Журнал российского права. — 2017. — № 10.
11. Шатковская Т.В. Обычное право российских крестьян второй половины XIX — начала XX века (историко-правовой аспект) [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук / Ростовский юридический институт МВД Российской Федерации. — Ростов н/Д, 2009.

**ПЕРВЫЕ КОДИФИЦИРОВАННЫЕ ПРАВОВЫЕ ПАМЯТНИКИ
РУССКОГО ГОСУДАРСТВА ЭПОХИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ С ТОЧКИ
ЗРЕНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ**

Нормативные акты, которые появились в России практически друг за другом в период Средневековья, явились серьезным шагом на пути совершенствования законодательной техники. Наиболее крупными из них стали Судебники 1497, 1550 годов и Соборное уложение 1649 года.

Зарубежные путешественники и послы, которые посетили Россию в XVI в., отзывались о русском праве как о самобытном явлении, характеризующемся четкостью и внутреннем единством¹. Павел Иовий Новокомский, итальянский ученый-гуманист периода Средних веков, опубликовал подробные сведения о России в своем знаменитом труде «Книга о московитском посольстве»². В своих произведениях он характеризует право как простое для восприятия и ясное в изложении. Во время пребывания при московском дворе в период с 1553 по 1554 г. известный английский мореплаватель Ричард Ченслер, положивший начало торговым отношениям Англии с Россией, упоминал, что русское законодательство имеет явное преимущество перед английским законодательством, поскольку русские законы были кодифицированы, в отличие от английских статутов, что выгодно отличало русское право XV–XVI вв. от права европейских государств³.

Первым кодифицированным законодательным актом на Руси стал Судебник 1497 года, созданный в период правления московского князя Ивана III (1462–1505 гг.) и являющийся памятником русского права XV столетия. По сути, Судебник 1497 г. — это первая попытка составления единого для всего Русского государства нормативного правового акта — до него не существовало подобных документов⁴. В период феодальной раздробленности

¹ Английские путешественники в Московском государстве, в XVI в. / пер. с англ. Ю.В. Готье. М., 1937.

² Новокомский П.И. Книга о московитском посольстве / под ред. А.И. Малеина. СПб., 1908. С. 23.

³ См.: Философия права / отв. ред. Н.Н. Черногор, О.Ю. Рыбаков; Ин-т законодат. и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. М.: Статут, 2018. С. 117–118.

⁴ Пашенцев Д.А., Чернявский А.Г. История отечественного государства и права. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 55.

княжества на Руси имели собственное законодательство, оно базировалось на положениях Русской правды. Но законодательство в княжествах постоянно редактировалось и порой законы княжеств противоречили друг другу, вследствие чего появилась необходимость в создании единой законодательной системы — так появился Судебник 1497 года, ставший первым крупным кодифицированным нормативным актом в Европе. Возможно, именно Судебник 1497 г. стал прообразом знаменитого памятника германского уголовного права «Каролины», так как о нем знал посещавший Россию австрийский дипломат Сигизмунд фон Герберштейн, автор «Записок о Московии». Материал данного нормативного акта подвергся не просто компиляции, а серьезной переработке, при этом следует отметить, что подбор и переработка правовых норм отличались полностью целенаправленным и осознанным характером, поскольку создавались в целях усиления централизации общественной жизни и укрепления государственной власти.

Судебник 1497 года состоял из четырех указов: о наместнике, о езде, наместником о суде городским и о татях. Как и в Русской правде в нем содержится пространная редакция заголовков, схоже и построение предложений, в то же время фразы начинаются не со слов «если... то...», а как правило с союза «а».

В лексику Судебника 1497 года в основном входят уголовно-правовые и процессуальные термины, при этом четких границ между ними пока не обнаруживается: так, термины «истец» и «ответчик» применяются в терминологии как гражданского, так и уголовного судопроизводства. Но все же текст данного нормативного акта все еще нуждается в переводе, в отличие от более позднего Судебника 1550 года.

Судебник 1550 года, принятый на первом на Руси Земском Соборе в 1549 г. во время правления Ивана IV (1533–1584 гг.), представляет собой более сложный по форме и содержанию нормативно-правовой акт по сравнению с предшествующим Судебником 1497 года. В первую очередь язык Судебника 1550 года приближен к современному русскому языку настолько, что он не нуждается в переводе. По своей структуре Судебник 1550 г. разделен на отдельные статьи, в нем содержится преамбула, которая не включает в себя правовые нормы, а содержит цели Судебника «...как судити бояром, и околничим, и дворецким, и казначеем, и дьяком, и всяким приказным людем, и по городским наместником, и по волостем волостелем, и тиуном и всяким судьям»¹. Судебник 1550 года не содержит заголовки статей или их групп, в то же время авторами

¹ Памятники русского права // Памятники права Киевского государства. X–XII. М., 1955. Вып. 3. С. 344.

Судебника 1550 года была предпринята попытка структурировать статьи по содержанию, которые обозначались в виде арабских цифр. Интерес представляет статья 98 Судебника, устанавливающая правило включать последующие разрабатываемые нормативные акты в общерусский свод законов. «Сие требование непременно касается первой попытки регулирования непосредственного процесса выработки законов. На протяжении около 100 лет все последующее русское законодательство вырабатывалось именно таким путем»¹.

За основу Судебника 1550 года практически полностью взят текст Судебника 1497 года, хоть и слегка в переработанном виде. Данная переработка выражается в замене целых фраз или определенных терминов. Например, при формулировке статьи 16 Судебника 1550 года в целом повторяется основное содержание статьи 48 Судебника 1497 года, в то же время фраза «ино судити на то волю, на ком ищут» заменена на более конкретную фразу «ино судити на ответчикову волю». Интересно проследить образование термина «уголовный», берущего начало в древнерусском слове «головщина», изначально обозначавшем убийство или дело об убийстве. По «Правде Ярослава» вознаграждение за убийство, выплачиваемое родственниками потерпевшего, называлось «головничеством», т.е. вознаграждением за голову². В случае невыплаты вознаграждения за голову, человека, совершившего убийство, передавали родственникам потерпевшего, которые могли поступать с ним полностью по своему усмотрению. Данная передача имела некоторую церемонию: так, обидчику, придя в дом к обиженным родственникам, следовало поклониться до земли и не подниматься от земли до тех пор, пока родственники не простят его вину и не поднимут его сами. В Судебнике 1550 года у термина «головщина» имеется уже другой смысл, который состоит в полной власти над татем, пойманным на месте преступления. Статья 55 Судебника 1550 года повествует: «...а не будет у которого татя столко статков, чем истцово заплатити, ино его бив кнутъем, да истцу в его гибели выдати с головою»³. Здесь берет свое начало фраза «выдать с головою», означающая передачу преступника в руки властей. Позже нормы, регулирующие порядок установления ответственности за совершенное убийство и все преступления, обладающие высокой

¹ Памятники русского права // Памятники права Киевского государства. X–XII. М., 1955. Вып. 3. С. 128.

² «Правда русская». Изд. Академии наук СССР, 1940. С. 347, ст. 4 Карамзинского списка. С. 43.

³ Владимирский-Буданов М.Ф. Хрестоматия. 2-е изд. Киев, 1876.

общественной опасностью, стали называться «головными», а затем и «уголовными».

Одним из наиболее важных законодательных актов XVII века стало Соборное Уложение 1649 года, принятое Земским собором в период правления царя Алексея Михайловича Романова (1645–1676 гг.) и законодательно закрепившее крепостное право, царский абсолютизм и сословную структуру общества. Это первый акт, который выходит на Руси в печатном виде, создается специальной комиссией, а принимается Земским Собором. Верхняя палата Земского Собора состояла из царя, боярской думы, освященного собора, вторая палата состояла из выборных людей разных чинов. Когда 29 января 1649 года работа была закончена, Государь приказал сделать следующую запись в преамбуле Соборного уложения: «...указал Государь то все Уложение написать на список и закрепить тот список... А закрепя то Уложение руками, указал Государь списати в книгу, и закрепить тое книгу Дьякам Гаврилу Левонтьеву, да Федору Грибоедову; а с тое книги, для утверждения на Москве во все приказы и в города, напечатать многие книги, и всякие дела делать по тому Уложению»¹.

Около двухсот лет действовало Соборное уложение 1649 года — вплоть до принятия Свода законов Российской Империи в 1832 году. Такая продолжительность действия стала важным фактором формирования российской законотворческой традиции². Соборное уложение вошло в Полное собрание законов Российской империи, что говорит о высоком уровне данного правового акта, особенно с точки зрения законодательной техники. Если рассматривать строение Соборного уложения, то текст его делится уже не на грани, как это было в нормативных актах, принятых до 1649 г., а подразделяется на главы, которых насчитывается в количестве двадцати пяти. Нумерация глав оформлена в виде римских цифр, у каждой главы есть заголовок, вслед за которым обозначено число статей, содержащихся в данной главе. Статьи имеют не сплошную, а отдельную для каждой главы нумерацию, что вызывает некоторые неудобства в их прочтении, поскольку необходимо называть не только номера самих статей, но и номера глав, в которых они содержатся. В то же время «следует учитывать ту серьезную работу по кодификации, которая объединила в одном акте нормы, принадлежавшие к разным отраслям права, и наконец, то, что разработчики находи-

¹ Памятники русского права // Памятники киевского государства X–XII. М., 1955. Вып. 3.

² Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 6–7.

лись под влиянием византийской традиции кодификации, которые не знали сквозной нумерации статейного материала»¹. Каждая глава Соборного уложения включает в себя несколько статей, например, посвященная суду десятая глава содержит от одной или двух до двухсот восьмидесяти статей.

В тексте Соборного уложения в первый раз использован прием отсылки к другой статье. Данный прием можно обнаружить на примере статьи 83 главы X, которая содержит следующую норму: «А будет митрополит, или архиепископ, или епископ, или архимандрит, или игумен, или келарь, или казначей, или рядовые старцы обесчестят словом бояр и околничих и думных людей, или столников, или стряпчих, или дворян московских, или гостей, или дьяков, или жильцов, или дворян, или детей боярских городовых или иных чинов, кого они обесчестят, платить за бесчестья против их окладов, что кому государева денежного жалованья, а гостем и иных чинов людям по указанным статьям, как писано ниже сего»².

Рассматривая Соборное уложение с точки зрения использования терминологии, то, по сравнению с предшествующим и дальнейшим законодательством, можно отметить его преимущество, выражающееся в отсутствии архаизмов, характерных для Русской Правды и Судебников 1497 и 1550 гг., и в отсутствии захламленности иностранными терминами и словами, которые без особой надобности вносились Петром I, иногда с изменением первоначального смысла иностранного термина. Значение правовых терминов все более приближается к современному их значению. Например, термин «продажа», содержащийся в статье 3 главы IX, а также во многих статьях главы XXV, употребляется в Соборном уложении в современном значении, ранее он обозначал один из видов судебных пошлин. Содержащиеся в статьях с 2 по 5 и 43 главы XVI, а также в статье 18 главы XVIII Соборного уложения термины «мена» и «менять» обозначают обмен какой-либо недвижимостью. К существовавшему ранее термину «заем» теперь прибавился термин «наем». В статье 8 главы XVIII Соборного уложения термин «тягло» означает налог. Нужно отметить, что термины, используемые в Соборном уложении, являются словами исконно русского происхождения, оттого язык данного правового акта прост и понятен, в отличие, например, от языка правовых актов многих стран Западной Европы.

¹ Полное собрание русских летописей. СПб., 1841. Т. 3. С. 92.

² Тихомиров М.Н., Елифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М., 1961. С. 161.

В России законодательным языком остался национальный, русский язык. Влияние иноземных языков было ограниченным, в том числе это правило действовало и в отношении церковнославянского языка. Следует отметить противоречивость русского обычного права по отношению к церковному праву, оказавшему значительное влияние на нормы гражданского и частично уголовного законодательства. В то же время обычное русское право характеризуется особой устойчивостью и неизменностью, что сделало невозможным произвести полную рецепцию византийского права¹, которое насаждалось на Руси в русифицированном виде. Таким образом, Соборное уложение 1649 года — это акт, в котором нашли отражение методы, правила технико-юридического характера, которые были выработаны многовековой практикой русского законодателя.

Список использованной литературы

1. Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. [Текст] / пер. с англ. Ю.В. Готье. — М., 1937.
2. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Хрестоматия [Текст] / М.Ф. Владимирский-Буданов. — 2-е изд. — Киев, 1876.
3. *Новокомский П.И.* Книга о московитском посольстве [Текст] / П.И. Новокомский; под ред. А.И. Малеина. — СПб., 1908.
4. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка [Текст]: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019.
5. Памятники русского права [Текст] // Памятники права Киевского государства. X–XII. — Вып. 3. — М., 1955.
6. *Пашенцев Д.А.* Российская законотворческая традиция: онтология процесса [Текст] / Д.А. Пашенцев // Журнал российского права. — 2018. — № 8.
7. *Пашенцев Д.А.* История отечественного государства и права [Текст] / Д.А. Пашенцев, А.Г. Чернявский. — М.: ИНФРА-М, 2016.
8. *Тихомиров М.Н.* Соборное уложение 1649 года [Текст] / М.Н. Тихомиров, П.П. Епифанов. — М., 1961.
9. Философия права [Текст] / отв. ред. Н.Н. Черногор, О.Ю. Рыбаков; Ин-т законодат. и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. — М.: Статут, 2018.

¹ См.: Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. С. 316–317.

**КОДИФИКАЦИЯ КАК ФОРМА ПРАВОТВОРЧЕСКОЙ
(ЗАКОНОТВОРЧЕСКОЙ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ:
НЕКОТОРЫЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕПРАВОВОЙ ТЕОРИИ
В КОНТЕКСТЕ ОСМЫСЛЕНИЯ ОПЫТА
СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ 1649 ГОДА**

Кодификация — это не только форма систематизации, но и деятельность специального субъекта по приведению нормативных правовых актов и иных формальных источников права в систему в форме издания юридически и логически целостного, внутренне согласованного нормативного правового акта, содержащего нормы, регулирующие специфически своеобразный круг общественных отношений. Итогом систематизации в форме кодификации являются кодексы (иногда иные кодифицированные акты). Кодексы, как известно, являются формой законов, нацеленных на регулирование отношений отраслевого свойства. Из сказанного логически вытекают два утверждения:

кодификация — это наивысшая форма систематизации и внешней, и внутренней. В качестве иллюстрирующего примера приведем известный в истории отечественного права факт. Составленное за короткий срок Соборное уложение 1649 г. стало результатом систематической обработки широкого перечня документов: Постановлений вселенских и местных Церковных соборов, Кормчей книги, Судебников 1449 и 1550 гг., указов великих князей и царей русских, книг Московских приказов и Литовского статута¹. Это подтверждает тезис о том, что Соборное уложение 1649 г. явилось актом, по крайней мере, внешней систематизации права;

кодификация является формой правотворчества, а точнее — законотворчества. В отношении Соборного уложения 1649 г. довольно часто высказываются мнения о том, что оно явилось историческим примером кодекса. Об этом, в частности, упоминает Н.М. Золотухина. Она утверждает, что Уложение 1649 г. представляет собой «развитый кодекс уголовного права». Система расположения глав и объекты регулируемых в них отношений, по мнению

¹ Антология мировой правовой мысли в пяти томах. Т. IV. Россия XI–XIX вв. / под ред. Е.А. Скрипилева. М., 1999. С. 239.

Н.М. Золотухиной, «свидетельствуют о тенденции к выделению таких отраслей, как государственное, административное, обязательное, наследственное и даже военное»¹.

Актуальность исследования кодификации в контексте правотворческой (законотворческой) деятельности поддерживается системой фактов из разных областей: из области практики национальной правовой системы и международного правопорядка; из области доктрины. Проиллюстрируем это несколькими цифрами из области публично-правовой практики, сложившейся в национальном правопорядке современной России. Данные, приведенные в одном из последних социологических исследований Левада-центра (18–24 октября 2018), показывают следующее: на вопрос «Вы в целом одобряете или не одобряете деятельность Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации?» положительно ответили 36% респондентов, а отрицательные оценки дали 62% принявших участие в опросе².

Эмпирические данные детерминируют обращение к теории вопроса. В общетеоретической науке законотворчество интерпретируется различно. В узком, собственном значении этого понятия, законотворчество большинством представителей сообщества права и экспертов в области отраслевых дисциплин (конституционного права) понимается как телеологическая, т.е. нацеленная на издание закона *деятельность* (здесь и далее курсив мой. — Е.К.) специального субъекта. Таким субъектом, чаще всего, называется само государство — доминирующий субъект власти и социального управления, которое действует в социальном пространстве, вступая в конкретные правоотношения посредством специальных органов и должностных лиц³.

На разные стороны сложной, обуславливающей принятие, изменение и систематизацию законодательства (например, в форме кодификации) деятельности специального субъекта традиционно обращают внимание эксперты в области теоретико-правового анализа

¹ Антология мировой правовой мысли в пяти томах. Т. IV. Россия XI–XIX вв. / под ред. Е.А. Скрипилева. М., 1999. С. 239.

² Подробнее об этом см.: Одобрение институтов власти. URL: <https://www.levada.ru/2018/10/24/odobrenie-institutov-vlasti-6/> (дата обращения: 25.10.2018).

³ Ромашов Р.А. Правовая культура и правовой нигилизм: юридико-психологические аспекты восприятия и выражения // Право: нормативность и девиантность. СПб.: АЛЕТЕЙЯ, 2018. С. 51.

(А.С. Пиголкин¹, М.Н. Марченко², С.В. Поленина³, В.И. Анишина⁴ и др.). Трудно игнорировать тот факт, что в процессе теоретико-правового описания законотворчества между представителями научного цеха утвердилась, как правило, трудно достижимая конвенция.

В процессе теоретико-правовой разработки понятия законотворчества как разновидности правотворчества устанавливаются его характерные черты, которые помогают не только выявить общее между законотворчеством и иными видами правотворчества, но и определить различия между ними.

Как правило, в качестве онтологического свойства законотворчества называется субъект, который и будет посредством интеллектуально-мыслительной и духовно-наполненной деятельности, выраженной в акте творения, создавать закон. При этом законодатель (субъект правотворчества) в акте своего творения закона, конечно, действует не произволом. Напротив, в процессе сотворения закона пределы его деятельности по созданию нового закона или внесению новелл в существующее законодательство ограничиваются известными стандартами и правилами юридической техники (юридические конструкции, юридические фикции, юридические аксиомы, юридические презумпции, правила изложения правовой нормы в статье закона и др.), которые и помогают выразить в тексте закона необходимый правовой смысл⁵.

Помимо технико-юридических ограничений, имеются и другие факторы, которые устанавливают определенные пределы в зако-

¹ А.С. Пиголкин верно отмечает, что закон, как и любой нормативно-правовой акт, «рождается» в результате «специальной, имеющей официальное значение государственной деятельности по установлению правового регулирования». См.: Проблемы общей теории государства и права / под ред. В.С. Нерсесянца. М., 2002. С. 307.

² Проблемы теории государства и права / под ред. М.Н. Марченко. М., 2004. С. 660.

³ Там же. С. 567.

⁴ Проблемы теории государства и права / под ред. В.М. Сырых. М., 2008. С. 291.

⁵ См.: Павлов В.И. Право как техника: к вопросу о техническом характере языка классической общей теории права // Язык и логика закона и права. Материалы XIV Международной конференции Муромцевские чтения 17 апреля 2014 г. / под ред. Н.И. Архиповой и С.В. Тимофеева. М.: РГГУ, 2014. С. 21–25; Юридическая техника / Н.А. Власенко, А.И. Абрамова, Г.Т. Чернобель [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ЮСТИЦИЯ, 2016. 296 с.

потворчестве. Речь идет о правовых ограничениях процессуального свойства. Законотворчество как деятельность властного субъекта и одновременно субъекта правовой политики регламентировано специальными процедурами и протекает в особых правовых формах, установленных законодательным процессом. Простая мыслительная операция по установлению соотношения содержания понятий «законотворчество» и «юридический процесс» позволяет выявить такие признаки законотворчества, как стадийность, большое количество субъектов и участников с различными и меняющимися статусами, большое количество факультативных юридических актов, оформляющих деятельность субъектов и предваряющих принятие закона, наличие особых процедур и т.д.

Наряду с телеологическим характером и сложными процессуальными формами деятельности субъекта законотворчества, ее характерным признаком является особый результат. Таким результатом выступает «рождение» закона — формального источника права, нормативного правового акта, обладающего высшей юридической силой в национальной правовой системе.

Не станем останавливаться на теории закона, тем более что она хорошо разработана. Перейдем к другой стороне анализа данной темы с целью внимательней присмотреться к феномену законотворчества с позиции социолого-деятельностного подхода в сочетании с ресурсами аксиологической методологии.

Деятельность не бывает бессубъектной, поэтому исследование законотворчества предполагает введение в анализ субъекта — того, кто продуцирует деятельность по созданию закона, шире — законодательства, а также по его систематизации.

В теоретико-правовом дискурсе субъектом создания законодательства зачастую провозглашается либо само государство, либо его агенты — органы государственной власти и индивидуальные субъекты с особым статусом. С целью проиллюстрировать этот тезис приведем показательный исторический пример. Для реализации воли царя Алексея Михайловича, который решил «учинить Собор» для принятия новых законов, был сформирован «Приказ князя Одоевского со товарищи». Именно этому Приказу поручалось составление проекта новых законов и «равного для всех правосудия».

Приведем пример из актуальной практики конституционного правоприменения российского государства, сославшись при этом на Основной закон РФ¹; принимая во внимание тот факт, что Россия является федеративным государством, уместно назвать

¹ Ст. 94 Конституции РФ 1993 года.

и те субъекты государственной власти, которые занимаются законодотворчеством в пределах ведения субъектов Федерации¹.

В специальной литературе помимо государства (в лице его органов) субъектом законодательной деятельности называется и народ. Вопрос о народе как субъекте законодотворчества едва ли можно признать решенным окончательно², особенно в той части, которая затрагивает отношения общества и государства в различных типах государственно-правового режима, а также формы выражения воли народа (референдума). Действительно, в процессе правотворчества государство как доминирующий субъект политической системы обращается к обществу за помощью и поддержкой при решении наиболее значимых для социума вопросов, при определении основ, например, конституционного регулирования. В этом случае государство обязано учитывать мнение большинства общества в процессе социального управления, решения задач как стратегического, так и тактического свойства. В описанной ситуации законодотворчество, как очевидно, лишь выносится за рамки самого государственного аппарата, но, тем не менее, реализуется при его непосредственном участии. Поэтому стоит все же внимательней присмотреться к субъекту законодотворчества с иных методологических позиций.

Представляется, что в процессе осмысления законодотворчества определенные перспективы в плане приращения нового знания обретает, во-первых, персоноцентристская (человекоцентристская) исследовательская программа³. Наиболее полно она обзревается

¹ См. детальнее: Список официальных сайтов органов законодательной власти субъектов РФ. URL: http://www.gsrb.ru/ru/zakonorgan_rf/ (дата обращения: 13.05.2019).

² Показательной иллюстрацией служат данные социологических опросов. См. подробнее: Референдум о повышении пенсионного возраста. URL: <https://www.levada.ru/2018/09/03/referendum-protiv-povysheniya-pensionnogo-vozrasta/> (дата обращения: 13.05.2019).

³ Подробнее об этом автор ранее высказывался в ряде работ (см., например, Крупеня Е.М. Эвристические ресурсы персоноцентристской программы в исследовании публичной активности гражданина // История государства и права. 2009. № 12. С. 43–46; Она же. Политико-правовая активность личности. М., 2009. С. 48–64; Она же. Актуальные вопросы научной стратегии в исследовании статусного публичного права // Научные исследования и образование. 2015. № 20. С. 239–286; Она же. Право публичных статусов гражданина (статусное публичное право): интегративное понимание // Типы правопонимания и вызовы меняющегося мира: Сборник научных статей. СПб.: Астерион, 2016. С. 150–162; Она же. Институт статусного публичного права: онтологические характеристики в контексте гносеологических установок // Вестник Академии права и управления. 2017. № 46 (1). С. 60–68 и др.).

в контексте социально-антропологического критического¹ подхода к исследованию государственно-правовой жизни общества, модификацией которого и является. Во-вторых, важное методологическое значение имеет аксиологический подход.

Исходным основанием, которое одновременно задает вектор и определяет перспективу понимания природы и сущности законотворчества как социально-правового явления, является человек (гражданин). Он предстает во всей полноте своих характеристик, одновременно как родовое существо (правовое существо), наделенное сознанием, обуславливающим правомерную деятельность, и социокультурная переменная величина. В основание социально-антропологической аналитической программы законотворчества, таким образом, положен атомизм, конкретизируемый в личности Человека. Этот атомизм сдерживается объективным влиянием со стороны культуры, создаваемой ею политико-институциональной структуры общества, его нормативно-правового комплекса, ценностей и т.д.

Помимо этого, социально-антропологическая программа рационального описания и объяснения феномена законотворчества позволяет обоснованно утверждать и отстаивать следующее суждение: первичным и основным субъектом законотворчества является Человек — гражданин государства, обладающий особым публичным статусом и компетенционной правосубъектностью. Именно от его витальной энергии, состояния правового сознания, творческих способностей принимать новые либо корректировать действующие законы, целеполагания и актов правомерного поведения, благодаря которым реализуется его специальный публичный статус в рамках организационных структур государства (парламент), поставлена в зависимость законотворческая функция государства.

В формате социально-антропологического подхода именно Человек как наиболее массовый субъект публичных правоотношений, которые возникают в связи с разработкой, принятием, официальным опубликованием и вступлением закона в силу, обнаруживает себя в качестве не поддающейся дальнейшему элиминированию субстанциональной основы законотворчества. Свойства же человека быть актором публично-правовой функции государства в процессе законодательного регулирования общественных отношений принимаются за аксиомы в процессе дальнейшей идеализации правовой

¹ Социальная антропология права современного общества / под ред. И.Л. Честнова. СПб., 2006. С. 17; Социология публичного права: антрополого-правовая парадигма / под ред. С.А. Сидорова, И.Л. Честнова. СПб.: Издательство РГГУ им. А.И. Герцена. 2009. С. 16–28 и др.

деятельности законодателя. Это тем более важно, что субъектом творчества и связанного с ним правового мышления может быть только человек (гражданин). Стержневые элементы юридического (правового) мышления в процессе законотворчества могут быть осмыслены в контексте абстрактного понятия — «мышление».

Мышление является объектом изучения многих научных дисциплин и давно уже обрело статус объекта метапредметных исследований когнитивной психологии, физиологии мышления и других областей современной науки. Тем не менее мышление, прежде всего, исследуется в философии.

С учетом достижений, прежде всего философского знания, персонифицированного, например, в творчестве М.К. Мамардашвили, можно обоснованно утверждать: собственно мышлением, а не «думанием» юридическое мышление является лишь тогда, когда ему присущи некоторые атрибутивные свойства — онтологические характеристики. Назовем лишь некоторые из них, наиболее ценные для последующего анализа.

1. Мышление раскрывается лишь в контексте взаимобратных детерминаций «мышление — мыслящий субъект». Иными словами, мышление не бывает бессубъектным, напротив, всегда есть тот, кто осуществляет конституирование самого себя как мыслящего человека на сверхприродных, не естественных и не автоматических основаниях.

2. Мышление — это энергозатратное явление, связанное с затратами витальной энергии человека. В акте мышления происходит задействование собственной духовной энергии для того, чтобы изменить качество своего знания о мире (в случае с юридическим мышлением: о праве, связанном с ним государстве и государственно-правовых явлениях) и, как следствие, измениться самому.

3. Мышление «питается» витальной энергией субъекта, активности как атрибутивного его сознания. Именно об этом говорил М.К. Мамардашвили, утверждая, что мысль как единица и инструмент мышления преодолевает обыденность и предсказуемость опыта¹; она есть способность чему-то научиться, проходя повторяющиеся круги своего опыта. Поэтому мышление можно описать как несомненное состояние существования субъекта, которое связано с преобразованием самого мыслящего, чего нет возможности наблюдать при решении академической задачи, в «процессе думания».

4. Мышление — предтеча явленного образа объекта, предмета, реальности (то, что созрело и развилось настолько, чтобы явиться). Мышление — это не значит то, что мыслится само собой; это то, что порождается на скоординированных и сконцентрированных основаниях, в центре которых находится субъект мышления.

¹ Мамардашвили М.К. Беседы о мышлении. СПб.: Азбука, 2018. С. 75.

5. Мышление — это некий акт, совпадающий с субъективным состоянием, в котором субъект внутренним взором может «наблюдать» свое видение: это нельзя сделать, «составить из частей, сложить постепенно, шаг за шагом, добавляя информацию к информации!». (В качестве иллюстрирующего данный акт состояния философы приводят следующую метафору: свет, который освещает себя сам.)

6. Мыслить — означает одновременно знать, что это так и есть! Мышление — это всегда живое знание: живое оно потому, что, мелькнув, как пролетающая по небосклону звезда, тут же устремляется к глубинам нашего сознания и там оказывается «похоронено» под грузом опыта: чужого опыта — в нем все чувства не живые, а идентифицируются посредством знаков — «отбросов чужих чувств и состояний».

7. Мышление сцеплено с новым, особым чувством достоверности, которое невыразимо в предметных терминах. Для субъекта они очевидны, но обосновать и выразить это чувство нельзя. Мышление связано с новым чувством. Любая возвышенная идея (истина, справедливость, гармония) — это не абстракция, за ней всегда находится Человек.

8. Отличие человека вообще и субъекта юридического мышления в частности состоит в том, что в описываемый предметный мир он вносит самого себя, то, что уже имеет место быть и он извлекает из самого себя и актом своего присутствия и проникновения порождает новое поле смыслов. В этом акте нет интервала опосредованного, поскольку «стоит нам это помыслить, и мы знаем уже, что это именно так»; в акте мышления есть потенция расширить и восполнить себя.

Мышление, в отличие от способности человека оперировать мысленными значениями отвлеченно от ощущений, встраивать их в суждения и умозаключения, осуществляемое при помощи психического аппарата, есть поле смыслов. Мышление — это то, посредством чего субъект вносит свое значение в окружающий мир.

В качестве заключения отметим, что к числу проблем общеправовой теории в отношении кодификации можно отнести, в частности, нерешенные вопросы о соотношении следующих правовых явлений:

кодификация как форма юридически значимой правомерной деятельности субъекта, основу которой составляет творческий компонент, связанный с мышлением человека (гражданина);

соотношение юридического мышления и мышления в его философской интерпретации — она позволяет отличать мышление от простого решения задач, обусловленных политической конъюнктурой.

При решении этих и других смежных проблем необходимые ресурсы имеет социально-антропологический подход. Приложимый к феномену кодификации — законотворчества он позволяет нюансировать научно-теоретические представления о том, при помощи чего осуществляется транзит права, и оно из области социальной потенциальности, социально-правовой возможности «перемещается» в область реальных публично-правовых связей и отношений, наполняя их гуманистическими ценностями права и прав человека, оформленных в законодательстве. Полагаем, что таким инструментом является публично-правовая активность гражданина, который вовлечен в процесс создания закона в качестве субъекта.

В связи с этим становится понятным, что состояние политико-правового сознания субъектов правотворчества, усвоение ими ценностей права и прав человека выступают показателем наличия или отсутствия в законодательстве нравственных гуманистических начал, показывают детерминации между мышлением и правовым мышлением. Поэтому важным аспектом в анализе законотворчества является детерминирующая законотворческую деятельность субъективная реальность гражданина, состояние его правосознания и мышления¹.

Дополняющая социолого-антропологический подход аксиологическая методология позволяет переформатировать традиционную проблематику в отношении законотворчества, т.е. осуществить так называемую сложную интеллектуальную деятельность, качественное своеобразие которой (синтетичность, сложность) состоит в контекстуальности исследования² проблемы правотворчества вообще и законотворчества, в частности.

Исследование законотворчества как разновидности правотворчества актуализирует проблему субъекта³. Важно подчеркнуть при этом, что речь можно и следует вести не об абстрактном субъекте права с безличным статусом, а о культуросозидающем субъекте,

¹ См.: Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. С. 164.

² Князева Е. Н., Курдюмов С.П. Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее. М.: ЛИБРОКОМ, 2011, 2017. С. 173–176.

³ Пашенцев Д.А. Правосубъектность в современной теории права // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / В.Ф. Яковлев, Т.Я. Хабриева, В.К. Андреев [и др.]. М.: ИЗиСП: Статут, 2017. С. 29–35.

о правовом существе (в терминологии В.П. Малахова), который проявляет себя не столько в акте продуцирования, сколько в акте воспроизведения правовых ценностей и их формального закрепления в законе; проблематизирует вопрос о правовой мотивации субъекта правотворчества в форме законотворчества в контексте ценностей права и прав человека и связанный с ним вопрос о корреляции между ценностями права и прав человека и содержанием закона как источника права.

Список использованной литературы

1. Антология мировой правовой мысли в пяти томах [Текст]. Т. IV. Россия XI–XIX вв. / под ред. Е.А. Скрипилева. — М., 1999.
2. *Князева Е.Н.* Основания синергетики. Человек, конструирующий себя и свое будущее [Текст] / Е.Н. Князева, С.П. Курдюмов. — М., 2017.
3. *Мамардашвили М.К.* Беседы о мышлении [Текст] / М.К. Мамардашвили. — СПб., 2018.
4. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка [Текст]: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019.
5. *Павлов В.И.* Право как техника: к вопросу о техническом характере языка классической общей теории права [Текст] / В.И. Павлов // Язык и логика закона и права. Материалы XIV Международной конференции «Муромцевские чтения» 17 апреля 2014 г. / под ред. Н.И. Архиповой и С.В. Тимофеева. — М., 2014.
6. *Пашенцев Д.А.* Правосубъектность в современной теории права [Текст] / Д.А. Пашенцев // Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / В.Ф. Яковлев, Т.Я. Хабриева, В.К. Андреев [и др.]. — М., 2017.
7. *Ромашов Р.А.* Правовая культура и правовой нигилизм: юридико-психологические аспекты восприятия и выражения [Текст] / Р.А. Ромашов // Право: нормативность и девиантность. — СПб., 2018.
8. Социальная антропология права современного общества [Текст] / под ред. И.Л. Честнова. — СПб., 2006.
9. Социология публичного права: антрополого-правовая парадигма [Текст] / под ред. С.А. Сидорова, И.Л. Честнова. — СПб., 2009.
10. Философия права [Текст] / отв. ред. Н.Н. Черногор, О.Ю. Рыбаков; Ин-т законодат. и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. — М.: Статут, 2018.
11. Юридическая техника [Текст] / Н.А. Власенко, А.И. Абрамова, Г.Т. Чернобель [и др.]. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2016.

**СУЩНОСТЬ МЕХАНИЗМА СИСТЕМАТИЗАЦИИ
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА НА ПРИМЕРЕ СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ
1649 ГОДА**

Настоящее время привносит вместе с собой множество социальных вызовов, которые являются поводом для стремительного развития и усложнения общественных отношений, приобретающих многообразные формы и связи, вовлекающих в себя большое количество людей. Естественно, что скорость развития общественных отношений во многом опережает действующее нормативно-правовое регулирование, особенно в тех странах, где основным источником права является нормативный правовой акт.

Активная работа законодательных органов власти, пытающихся найти обоснованные ответы на современные вызовы, продиктованные отсутствием правовой базы для возникающих групп общественных отношений, не всегда отвечает критериям правовой определенности и способности создания эффективных юридических конструкций, направленных на преодоление разногласий в регулировании тех или иных общественных отношений. Примечательно, что в приведенной ситуации на помощь органам законодательной власти приходят органы власти судебной, как правило, в лице Верховного Суда РФ и Конституционного Суда РФ, которые не просто рассматривают предметные жалобы на решения нижестоящих судов, проверяя законность и обоснованность вынесенных решений, но и примеряют на себя роль позитивных/негативных законодателей, в тех случаях, когда существующее нормативно-правовое регулирование не содержит конкретной нормы или положения, применив которое к конкретному кейсу можно правильно разрешить возникшую ситуацию. Иными словами, суды сами создают правовые подходы, тем самым восполняя пробел в официальном регулировании.

Такое явление, как судебное правотворчество, представляется позитивным и полезным с точки зрения преодоления ситуации правовой неопределенности и достижения справедливости при отправлении правосудия¹. Однако, не умаляя полезность и авторитет судебной власти, стоит сказать о том, что результаты судебного правотворчества не могут сами по себе подменять нормативный

¹ См. об этом: Судебная практика в современной правовой системе России: монография / под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 67–101.

правовой акт, поскольку последнее слово в этом вопросе должно оставаться за органами законодательной власти.

Каким образом законодатель может сформулировать ответы на социальные вызовы, регламентировать порядок новых форм отношений между субъектами той или иной деятельности, не забывая при этом о многочисленных результатах судебного правотворчества? Ответ можно сформулировать в слове «систематизация». С помощью систематизации законодатель может упорядочить существующие законы и результаты судебной практики в единую систему, сопровождая это разработкой и внедрением эффективных регуляторов. Независимо от того, в какой форме осуществляется систематизация, будь то кодификация, инкорпорация или консолидация, цель ее использования заключается в создании качественного законодательного кластера, направленного на устранение пробелов и коллизий в праве, удобство использования и дальнейшее совершенствование действующего законодательства.

Процесс систематизации возлагает на субъекты правотворчества обязанность грамотного и последовательного использования приемов и методов правотворческой деятельности. Однако существующие на сегодняшний день результаты законотворческого процесса свидетельствуют о том, что систематизация законодательства осуществляется ненадлежащим образом¹. Причины ошибок и недочетов в систематизации заключаются в том, что в современной научно-правовой доктрине и практической деятельности отсутствует понимание сущности и генезиса такого базового элемента систематизации, как ее *механизм*. В актуальной научной литературе уделяется большое внимание непосредственно процессу систематизации, но не проблематике концептуального понимания его первоосновы, ее итогового результата, под которым понимается нормативный правовой акт². В современной доктрине фактически нет исследований, предметом которых бы являлось выявление и анализ внутреннего строения процесса, базиса систематизации. Но именно от надлежащего понимания правовой сущности *механизма систематизации* зависит эффективность нормативно-правового регулирования и правоприменения.

¹ В качестве примера см.: Залоило М.В. Проблемы инкорпорации правовых актов СССР и РСФСР в современное российское законодательство // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 24–36; Он же. Проблемы обеспечения качества закона // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 154–160.

² Якимов Е.В. Этапы систематизации российского законодательства // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2018. № 3. С. 41–45.

По нашему мнению, раскрытие правовой сущности механизма систематизации лучше всего осуществить на примере анализа такого юридического акта, как Соборное уложение 1649 года, поскольку данный документ имеет важнейшее историко-правовое значение. Ценность данного исторического документа обусловлена тем, что его нормы и правовые институты не только сохраняли свою актуальность на протяжении многих столетий, но и были основой и примером для дальнейшего развития российской правовой системы в дальнейшем. Совершенно справедливыми представляются утверждения многих авторов о том, что Соборное уложение представляло собой первый кодифицированный акт. Наиболее верными и точными, на наш взгляд, являются мнения о том, что указанный документ есть пример комплексной систематизации, содержащей в себе отдельные проявления инкорпорации, консолидации и кодификации.

Особо стоит сказать о том, что итоговый текст Соборного уложения был создан в максимально короткий срок, комиссией во главе с князем Н.И. Одоевским и несколькими его помощниками. Текст уложения состоял из 25 глав, которые в общей сложности включали в себя 967 статей. Уложение имело дуалистическую юридическую концепцию, поскольку состояло из норм материального и процессуального права, которые регулировали как частные, торговые, земельные отношения, так и порядок разрешения публично-правовых споров.

Важность выявления правовой сущности механизма систематизации на примере Соборного уложения 1649 года обусловлена предысторией принятия указанного документа и теми политико-правовыми и социальными предпосылками, которые в своей совокупности побудили государственную власть начать работу над изменением правовой системы российского государства в то время¹. В данном аспекте стоит отметить, что предшественниками Соборного уложения являлись Судебники 1497 года и 1550 года, юридическая техника которых оставляла желать лучшего, поскольку не охватывала в полной мере все сферы общественной жизни. Также в начале семнадцатого столетия на Руси началось Смутное время, которое было ознаменовано Польской интервенцией, что, в свою очередь, внесло в правовое регулирование значительную неразбериху. Более того, правовая неопределенность как последствие Смутного времени не была устранена на протяжении значи-

¹ См.: Восторжнутов В.А. Мифологические основания правопонимания // История государства и права. 2014. № 3. С. 12–16.

тельного периода времени после прихода на престол династии Романовых. Но даже в 1648 году, после начала работы над проектом Соборного уложения, было очевидно, что итоговый правовой документ не будет по своей концепции и конструкции полностью самобытным, поскольку многие диспозиции и даже институты права были имплементированы в него из международных источников, таких как Литовский статут 1588 года и различные Византийские юридические источники.

Указанные фактические обстоятельства свидетельствуют о том, что тот период времени и характерные для него социально-правовые предпосылки, предшествующие принятию Соборного уложения 1649 года, во многом похожи на нынешний уклад российской действительности, поэтому мы полагаем, что изучение опыта создания, разработки и введения в действие указанного документа позволит наиболее точно выявить и рассмотреть сущность механизма систематизации законодательства.

Первоначальным компонентом механизма систематизации является ситуация правовой неопределенности в регулировании той или иной сферы общественных отношений, которая требует максимально оперативного разрешения. Первым шагом, направленным на преодоление правовой неопределенности, является изучение опыта законотворческого процесса прошлых лет и обобщение наиболее удачных юридических конструкций, показавших эффективность в правоприменении. В этом отношении стоит отметить необходимость сохранения существующей законотворческой традиции, которая соответствует базовым ценностям общества¹.

Исторический период, предшествующий принятию Соборного уложения, свидетельствовал о том, что российское государство переживало не лучшие времена и регулирование различных ситуаций только лишь с помощью обычаев и различных церковных, религиозных предписаний не способствовало устранению юридических конфликтов². Именно поэтому по негласному указанию царя Алексея Михайловича, которое было дано специальной комиссией во главе с князем Одоевским, для реформирования правовой системы того времени стоило произвести объемный анализ

¹ Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 5.

² Как правило, до принятия Соборного уложения правовая система Древней Руси развивалась исключительно на основе неписанных обычаев и различных церковных источников, о чем см.: Ткаченко С.В. Рецепция и феномен многослойности права России // История государства и права. 2015. № 23.

и изучение всего кластера предыдущих правовых документов, начиная с «Русской правды» и заканчивая нормами Судебников 1497 года и 1550 года, и при этом, авторам законопроекта не стоило забывать об огромном социально-культурном наследии российского государства, основой которого представлялись религиозно-правовые идеи Византийского государства.¹ Стоит отметить, что указанные церковные «правовые» каноны и правила были включены в текст Соборного уложения не в полном объеме, а по большей части содержались в специальных тематических главах. К примеру, в первой главе Уложения, регулирующей наказание для богохульников и церковных мятежников, двенадцатой главе, регулирующей порядок рассмотрения дел с участием патриарших приказных, дворян и иных дворовых людей, тринадцатой главе, регламентирующей исполнение монастырских приказов, и так далее².

Основа «кодифицированности» Соборного уложения в значительной степени заимствована из так называемых «забытых Судебников 1589 года и 1607 года», посредством которых осуществлялось правовое регулирование в период Смутного времени. В Судебнике 1607 года нормы права были систематизированы посредством их обобщения в 25 главах по предмету правового регулирования, что было открыто заимствовано членами приказа князя Н.И. Одоевского при составлении текста Соборного уложения³.

Эффективность использования механизма систематизации определяется, в числе прочего, степенью учета международных правовых актов, что также было осуществлено разработчиками Соборного уложения. Авторы этого исторического документа определяли данный подход как метод преемственности в нормотворческой деятельности⁴. Так, при разработке Соборного уложения, особенно первых глав, многие нормы и положения Литовского

¹ Фактически многие статьи Соборного уложения в части регулирования частных отношений и ответственности за отдельные религиозные преступления регулировались положениями, которые были имплементированы и внедрены в российское право из византийского права (Прохирон), о чем см., напр., Румянцев М.Б. Модельное правотворчество // Адвокат. 2016. № 6.

² Текст Соборного уложения 1649 года. URL: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649.htm>

³ См.: Чупова М.Д. Забытые Судебники 1589 и 1606/1607 годов // Lex russica. 2017. № 2.

⁴ См.: Константинова А.С. К вопросу об основных направлениях исследования правового памятника «Соборное уложение 1649 года». URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-osnovnyh-napravleniyah-issledovaniya-pravovogo-pamyatnika-sobornoe-ulozhenie-1649-g>

статута 1588 года служили пособием для разработчиков, которые брали из текста указанного акта лишь схожие и идентичные российскому правопорядку и менталитету правовые конструкции, отмечая не нужное духу московского княжества и земли русской правовое регулирование¹.

Но, несмотря на то, что структура и юридическая техника изложения норм Соборного уложения была во многом заимствована из Литовского статута², все же стоит сказать о том, что смысловая нагрузка и целевая направленность Уложения была абсолютно самобытной и соответствовала древнероссийским реалиям³.

Ценность механизма систематизации как раз и заключалась в том, что среди огромного массива правовой информации, которая содержалась в Литовском статуте, авторы закона идентифицировали в нем лишь те положения и конструкции, которые допустимо было использовать в российском правопорядке с учетом сложившихся реалий.

Вторым компонентом механизма систематизации является обязательный учет уровня морали, нравственности в общественной жизни, а также социально-правовой конъюнктуры, отражающей актуальную общественную проблематику и наиболее острые вопросы, возникающие в деятельности органов государственной власти. Именно актуальные вызовы и проблемы, возникающие в государственном управлении и общественной жизни, являются ориентиром в работе законодателя, разрешить которые можно лишь только с помощью надлежащего понимания сущности механизма систематизации.

Анализ содержания Соборного уложения 1649 года показывает, что доминантой в общественном устройстве и, как следствие, законодательной мысли была необходимость в укреплении и защите основ государственного устройства, что было вызвано, с одной стороны, негативными последствиями Смутного времени, с другой стороны, потребностями в объединении нации, которая устала от междоусобных войн и прочих локальных конфликтов. Поэтому неудивительным представляется структурное построение Собор-

¹ См.: Лаппо И.И. Литовский статут в московском переводе — редакции XVII века // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1914. Кн. 2. С. 210.

² См.: Владимирский-Буданов М.Ф. Отношения между Литовским Статутом и Уложением царя Алексея Михайловича (По поводу истории кодификации С.В. Пахмана. Санкт-Петербург. 1876 год) // Сборник государственных изданий. 1877. С. 3–38.

³ См.: Тиктин Н.И. Византийское право, как источник Уложения 1649 года и новоуказных статей. Одесса, 1898. С. 26.

ного уложения, в соответствии с которым с первой по девятую главу занимали правовые положения, отвечающие за охрану и правовое регулирование деятельности, связанной с государственным управлением, а главы с десятой по четырнадцатой были посвящены судостроительству. Что касается правового регулирования частных отношений — семейного и наследственного права, а также вещных прав, то им внимание уделялось далее по ходу изложения законодательных норм¹.

Приведенное построение правовых норм Соборного уложения как раз и свидетельствовало о важности охраны в древнерусском государстве не конкретного человека, а публично-правовых институтов и интересов общества в целом. Особенно это проявлялось в регулировании порядка привлечения к уголовной ответственности и назначения наказания. Так, с помощью механизма систематизации, учитывая целевую направленность в виде необходимости укрепления авторитета государственной власти, законодатель ужесточил уголовную ответственность за преступления, объектом которых выступала судебная власть². К примеру, за незаконное и необоснованное обвинение судьи в получении взятки или ином проявлении коррумпированности, заинтересованности в исходе дела, лжец наказывался тюремным наказанием на длительный срок, а также телесными наказаниями, штрафом (см. к примеру ст. 5 и ст. 12 главы 10). Были предусмотрены меры наказания для лжесвидетелей (ст. 177) и за подлог, фальсификацию материалов судебного дела (ст. 178).

Стоит сказать о том, что механизм систематизации Соборного уложения очень четко перенял достаточно последовательную законотворческую традицию древней Руси в исторической ретроспективе, учитывая особенности исторического наследия государства, модель взаимоотношений власти и народа, а также нормы общественной морали и нравственности³, о чем свидетельствует явное построение законодательных конструкций Соборного уложения, направленных на поддержание и защиту особого статуса христианской церкви. Фактически Соборное уложение являлось первым светским законодательным актом, в котором была преду-

¹ См.: Тараборин Р.С. Семейное и наследственное право по Соборному уложению 1649 года как исходная основа систематизации гражданского законодательства России XVIII — начала XIX вв. URL: <https://e.lanbook.com/reader/journalArticle/182441/#1>

² См.: Загидуллин М.Р. Зарождение юридической ответственности в российском судебном процессе // Вестник гражданского процесса. 2016. № 5.

³ См.: Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 5–6.

смотрена уголовная ответственность за такие преступления против церкви, как богохульство, религиозный мятеж, убийство в церкви, осквернение святынь и так далее. И к тому же, по нормам Уложения царь не был ограничен в своих судебных полномочиях, что полностью соответствовало религиозным христианским традициям¹.

Таким образом, механизм систематизации позволил учесть социальную конъюнктуру и особенности менталитета в русском государстве при разработке норм Соборного уложения.

Третий, завершающий компонент механизма систематизации соотносим по своей сути с прогностической функцией права. Иными словами, эффективность систематизации и правильность достигнутых ею результатов определяется уровнем правовой определенности, мобильности норм в практике применения и периодом их существования.

В данном контексте стоит сказать о том, что нормы Соборного уложения отвечали не только существующим реалиям, но и стали основой и ориентиром для последующих правовых памятников, а также прототипом для последующих уложений, носивших узкую предметную направленность (к примеру, Уложение о наказаниях 1845 года). Примечательно, что нормы Соборного уложения легко видоизменялись и модернизировались на протяжении почти двух сотен лет, и именно поэтому Соборное уложение вошло в первое Полное Собрание законов Российской империи².

Подводя итог, можно сказать о том, что сущность механизма систематизации, как это следует из анализа Соборного уложения 1649 года, представляет совокупность выше проиллюстрированных взаимосвязанных элементов, обязательный учет которых предопределяет качество итогового нормативного акта и эффективность его применения не только в настоящем моменте, но и в последующей перспективе.

Список использованной литературы

1. *Восторкнутов В.А.* Мифологические основания правопонимания [Текст] / В.А. Восторкнутов // История государства и права. — 2014. — № 3.
2. *Загидуллин М.Р.* Зарождение юридической ответственности в российском судебном процессе [Текст] / М.Р. Загидуллин // Вестник гражданского процесса. — 2016. — № 5.

¹ См.: Лукин П.В. Народные представления о государственной власти в России семнадцатого века. М.: Наука, 2000. С. 30.

² См.: Савченко Д.А. Создание Соборного уложения: исторический опыт модернизации отечественного законодательства. URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/289159>

3. *Залоило М.В.* Проблемы инкорпорации правовых актов СССР и РСФСР в современное российское законодательство [Текст] / М.В.Залоило // Журнал российского права. — 2017. — № 10.
4. *Залоило М.В.* Проблемы обеспечения качества закона [Текст] / М.В. Залоило // Журнал российского права. — 2017. — № 1.
5. *Константинова А.С.* К вопросу об основных направлениях исследования правового памятника «Соборное уложение 1649 года» [Электронный ресурс] / А.С. Константинова. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-ob-osnovnyh-napravleniyah-issledovaniya-pravovogo-pamyatnika-sobornoe-ulozhenie-1649-g>
6. *Лаппо И.И.* Литовский статут в московском переводе — редакции XVII века [Текст] / И.И. Лаппо // Журнал Министерства народного просвещения. — СПб., 1914. — Кн. 2.
7. *Лукин П.В.* Народные представления о государственной власти в России семнадцатого века [Текст] / П.В. Лукин. — М.: Наука, 2000.
8. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка [Текст]: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019.
9. *Пашенцев Д.А.* Российская законотворческая традиция: онтология процесса [Текст] / Д.А. Пашенцев // Журнал российского права. — 2018. — № 8.
10. *Пашенцев Д.А.* Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации [Текст] / Д.А. Пашенцев // Журнал российского права. — 2019. — № 2.
11. *Савченко Д.А.* Создание Соборного уложения: исторический опыт модернизации отечественного законодательства [Электронный ресурс] / Д.А. Савченко. — URL: <https://e.lanbook.com/journal/issue/289159>
12. *Тараборин Р.С.* Семейное и наследственное право по Соборному уложению 1649 года как исходная основа систематизации гражданского законодательства России XVIII — начала XIX вв. [Электронный ресурс] / Р.С. Тараборин. — URL: <https://e.lanbook.com/reader/journalArticle/182441/#1>
13. *Тиктин Н.И.* Византийское право, как источник Уложения 1649 года и новоуказанных статей [Текст] / Н.И. Тиктин. — Одесса, 1898.
14. *Ткаченко С.В.* Рецепция и феномен многослойности права России [Текст] / С.В. Ткаченко // История государства и права. — 2015. — № 23.
15. *Чупова М.Д.* Забытые Судебники 1589 и 1606/1607 годов [Текст] / М.Д. Чупова // Lex russica. — 2017. — № 2.
16. Юридическая техника [Текст]: учебное пособие / Н.А. Власенко, А.И. Абрамова, Г.Т. Чернобель [и др.]. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ЮСТИЦИЯ, 2016.
17. *Якимов Е.В.* Этапы систематизации российского законодательства [Текст] / Е.В. Якимов // Вестник Омского университета. — Серия «Право». — 2018. — № 3.

ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПРИНЯТИЯ И ОСОБЕННОСТИ РАЗРАБОТКИ СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ

Характерной чертой раннего законодательства Киевской Руси является отсутствие его систематизации. Данная черта, свойственная также римскому праву, влекла за собой разрозненность норм и их противоречивость, а также — с формальной точки зрения — отсутствие письменного свода законов. В результате замедлялось развитие законодательства и оформление гражданского общества и позже, в Московском государстве, поскольку законодательство не успевало облекать новые нормы в свод законов.

Указанные процессы повлекли за собой необходимость пересмотра и изменения накопленного и одновременно разрозненного правового массива, что выразилось в просьбе разных слоев общества создать свод законов, охватывающий все основные гражданско-правовые отношения, сформировавшиеся к тому времени¹. Стимулом для этого стал Соляной бунт, произошедший в Москве в 1648 году, причиной которого, в частности, послужил правовой хаос, возникший, в свою очередь, из-за отсутствия четко систематизированного законодательства.

Результатом данных событий стало появление Соборного уложения 1649 г., призванного не только систематизировать накопленный государством правовой опыт, но и отразить современные этому своду правовые отношения².

Важно отметить, что различные слои общества принимали активное участие в создании Уложения не только как инициаторы, но и как разработчики, поскольку челобитные выборных людей легли в основание ряда статей свода. Кроме того, печать данного правового документа, ставшая прецедентом в истории русского права, и направление его в различные учреждения для оглашения привели к тому, что и на этапе завершения формирования данного документа разные слои общества оказались более осведомлены

¹ Ключевский. В.О. Курс русской истории. Лекция XLVII. М.: Владос, 1997. 816 с. URL: <http://bibliotekar.ru/rusKluch/47.htm> (дата обращения: 03.04.2019).

² Загоскин Н.П. Уложение Царя и Великого князя Алексея Михайловича и Земский собор 1648–1649 года. Речь, произнесенная в торжественном годичном собрании Императорского Казанского Университета, 5-го ноября 1879 г., доцентом Университета, доктором государственного права Н.П. Загоскиным // Известия и ученые записки Императорского Казанского Университета год сорок седьмой. Январь-Февраль, Казань, 1880. С. 157–234.

(или, в любом случае, получили больше возможностей для осведомления) касательно содержания этого документа, чем ранее. Иными словами, созданию Уложения сопутствовало некое единодушие, которое выразилось, в частности, в «Заручной скрепе» — подписи свода всеми членами Собора¹.

Другой несомненной чертой законодательства Московского государства стало воздействие на русское право византийского права, которое проявлялось либо в плане содержания, либо в связи с определенными правовыми последствиями, возникавшими из-за международных контактов с Византией². В то же время следует отметить, что другой важной особенностью русского права была аутентичность ряда правовых норм, характерных для русского законодательства. Из этого следует, что все описанное выше явилось частично результатом восприятия ряда византийских правовых ценностей — традиционности, ответственности правителя и активности правового сознания граждан, а частично — результатом собственного развития Русского государства.

Список использованной литературы

1. *Загоскин Н.П.* Уложение Царя и Великого князя Алексея Михайловича и Земский собор 1648–1649 года. Речь, произнесенная в торжественном годичном собрании Императорского Казанского Университета, 5-го ноября 1879 г., доцентом Университета, доктором государственного права Н.П. Загоскиным [Текст] / Н.П. Загоскин // Известия и ученые записки Императорского Казанского Университета. — Год сорок седьмой. — Январь-Февраль. — Казань, 1880.
2. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Лекция XLVII [Электронный ресурс] / В.О. Ключевский. — М., 1997. — 816 с. — URL: <http://bibliotekar.ru/rusKluch/47.htm> (дата обращения: 03.06.2019).
3. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка [Текст]: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019.
4. Философия права [Текст] / отв. ред. Н.Н. Черногор, О.Ю. Рыбаков; Ин-т законодат. и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. — М.: Статут, 2018.

¹ Ключевский В.О. Курс русской истории. Лекция XLVII. М.: Владос, 1997. 816 с. URL: <http://bibliotekar.ru/rusKluch/47.htm> (дата обращения: 03.12.2019).

² См.: Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. С. 316-317; Философия права / отв. ред. Н.Н. Черногор, О.Ю. Рыбаков; Ин-т законодат. и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. М.: Статут, 2018. С. 117–118.

**СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА:
ИСТОРИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ¹**

Отечественная правовая традиция систематизации законодательства берет свое начало еще в XVII веке, когда было создано Соборное уложение царя Алексея Михайловича (Соборное уложение 1649 года) — памятник российской юриспруденции, сборник юридических предписаний, впервые вышедший в свет в печатном виде и на долгие годы определивший дальнейшие направления развития права в нашей стране². Широкую известность и большое значение имела масштабная систематизация XIX века, когда были составлены Полное собрание законов Российской империи 1830 г. и Свод законов Российской империи 1832 г.

XX век был ознаменован новым циклом правового развития, вызванным событиями Октябрьской революции 1917 года и сломом прежней правовой системы, обусловившим необходимость обновления всего нормативно-правового массива в стране и, в частности, кодификацию законодательства СССР и союзных республик на заре становления советской власти в 1920-е годы и в последующем в 1960-е годы.

С распадом Советского Союза и принятием в 1993 году Конституции Российской Федерации начался следующий цикл развития отечественного права. Систематизация в новое время стала осуществляться преимущественно в форме кодификации, а принятие самих кодифицированных актов было предусмотрено заложенными в самой Конституции требованиями по конкретизации ее норм в соответствующих кодифицированных актах³. Некоторые отрасли российского права и законодательства уже в новое время выдержали неоднократную кодификацию (Арбитражный процессуальный кодекс РФ 1995 и 2002 годов, Водный кодекс РФ 1996

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18–29–16219 «Новации механизмов правотворчества и правореализации в условиях развития цифровых технологий».

² См.: Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича / составитель, автор предисловия и вступительных статей В.А. Томсинов. М., 2011. С. 1, 9; Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 5–13.

³ См. об этом подробнее: Залоило М.В. Пределы и техника конкретизации юридических норм в правотворчестве // Журнал российского права. 2014. № 11. С. 34–41.

и 2006 годов, Лесной кодекс РФ 1997 и 2006 годов, Градостроительный кодекс РФ 1998 и 2004 годов).

В советский период осуществлялись обширные работы по упорядочению действующего законодательства в форме инкорпорации. В 1960–1970-х гг. были подготовлены и изданы Систематическое собрание законодательства СССР в пятидесяти томах и соответствующие собрания в союзных республиках. На их базе были подготовлены и изданы в 1980-е гг. Свод законов СССР в одиннадцати томах и Свод законов РСФСР в восьми томах. В 1995 г. Институтом законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (ИЗиСП) и Институтом государства и права Российской академии наук была начата работа по составлению Свода законов Российской Федерации¹, однако он так и не был издан².

В 2011 году в целях ревизии нормативно-правового массива была начата работа по инкорпорации актов советского периода и их отдельных норм в современное российское законодательство³, однако при проведении соответствующих работ на инкорпорацию взглянули под иным углом, когда она начала пониматься не в своем первоначальном смысле как объединение правовых актов без изменения их содержания в сборники, своды, собрания законодательства в определенном порядке (по предмету правового регулирования, хронологии принятия, по алфавиту), а скорее в том смысле, который придается другой форме систематизации — консолидации, осуществляемой, в частности, таким способом, когда один из актов, подлежащих консолидации, сохраняет свое действие, а нормы прочих (ранее действовавших) актов включаются в него в качестве составных частей⁴.

Ревизия и модернизация законодательства является характерной чертой и современного периода правового развития нашей страны. Таковая осуществляется в рамках механизма регуляторной

¹ См. указ Президента Российской Федерации от 6 февраля 1995 г. № 94 «О подготовке к изданию Свода законов Российской Федерации».

² См.: Бондарев А.К. Снова о Своде законов Российской Федерации // Законодательство. 2001. № 12. С. 69–75.

³ Распоряжение Президента Российской Федерации от 18 марта 2011 г. № 158-рп «Об организации работы по инкорпорации правовых актов СССР и РСФСР или их отдельных положений в законодательство Российской Федерации и (или) по признанию указанных актов недействующими на территории Российской Федерации».

⁴ См.: Залоило М.В. Проблемы инкорпорации правовых актов СССР и РСФСР в современное российское законодательство // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 32.

гильотины¹, осуществляемой в области установления обязательных требований (к продукции, в области строительства, промышленной безопасности, охраны труда и пр.) и сводящейся к сокращению контрольно-надзорных полномочий органов власти, замене устаревших и неэффективных юридических норм в этой области модернизированными предписаниями, соответствующими современному уровню социального и технологического развития².

Механизм регуляторной гильотины был впервые применен в Хорватии в середине 2000-х годов компанией «Джейкобс, Кордова и Партнеры» (Проект NitroRez) при реформировании предпринимательского законодательства для ускорения процесса вступления государства в Европейский Союз. Соответствующие мероприятия проводились с учетом успешного опыта Швеции и Южной Кореи на предмет определения законности, необходимости установленных обязательных требований, а также определения издержек от их соблюдения³, исходя из задач выявления устаревших нормативных правовых актов и неэффективных методов регулирования, продолжающих свое существование в различной экономической и политической обстановке в течение десятилетий, необходимости обеспечения контроля над возрастающим потоком принимаемых законопроектов и иных регуляторов посредством проведения оценки регулирующего воздействия, обеспечения консультаций и обсуждения проектов нормативных правовых актов, создания необходимой институциональной основы⁴. Сейчас эта технология успешно применяется в таких государствах, как Вьетнам, Мексика, Египет (ERRADA – Egyptian Regulatory Reform & Development Activity) и др.

Для целей реализации регуляторной гильотины предусматривается принятие новых законодательных актов. Так, в данный момент на рассмотрении Государственной Думы Федерального

¹ См. пункт 1.1.2 Основных направлений деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года, утв. Правительством РФ 29 сентября 2018 г.; План мероприятий («дорожная карта») по реализации механизма «регуляторной гильотины», утв. Правительством РФ 29 мая 2019 г. № 4714п-ПЗ6, и др.

² См.: Любимов Ю., Новак Д., Цыганков Д., Нестеренко А., Варварин А., Ибрагимов Р., Жаркова О., Москвитин О., Маслова Н., Верле Е. Регуляторная гильотина // Закон. 2019. № 2.

³ Пересмотр устаревших регуляций посредством Регуляторной гильотины. URL: <http://regulatoryreform.com/гильотины/>

⁴ The Regulatory Guillotine™ Strategy. Preparing the Business Environment in Croatia for Competitiveness in Europe. URL: https://pdf.usaid.gov/pdf_docs/PNADG614.pdf

Собрания Российской Федерации находятся законопроекты «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»¹, «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации»².

По поручению Председателя Правительства РФ федеральными органами исполнительной власти решается вопрос об отмене фактически утративших силу, неэффективных, содержащих значительное число обязательных требований актов советского периода. Только наименования актов СССР и РСФСР перечислены более чем на 2000 страниц и охватывают период с 1917 по 1991 г. Предполагается дополнение этого перечня иными актами советского периода, которые могут содержать избыточные административные барьеры, а также исключение из него актов, отмена которых влечет правовые риски (коллизии, пробелы и пр.). В более ранних публикациях мы говорили о необходимости проведения инкорпорации правовых актов советского периода в истинном значении этого слова, объединении таких актов в особый свод (сборник, собрание), что должно было, как представлялось, повысить эффективность правоприменительной практики, а в дальнейшем позволить оперативно решать вопросы о признании недействующими, консолидации этих актов³. Наличие свода советских актов позволило бы ускорить и усовершенствовать работу по расчистке нормативных правовых актов в рамках механизма регуляторной гильотины, более полно оценить возможные правовые риски отмены актов советского периода. В то же время не все эти акты перестанут существовать в результате реализации регуляторной гильотины. Тогда тем более оставшиеся акты потребуются систематизировать в единый свод, например, расположив по отраслям законодательства⁴. К примеру, проектом федерального закона «О нормативных

¹ Проект федерального закона № 851072-7 «Об обязательных требованиях в Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/851072-7>

² Проект федерального закона № 850621-7 «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/850621-7>

³ См.: Залоило М.В. Проблемы инкорпорации правовых актов советского периода // Основные тенденции и перспективы развития современного права: Материалы ежегодной Международной научной конференции памяти Ф.М. Рудинского, 19 апреля 2018 года / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М., 2018. С. 49–54.

⁴ См.: Залоило М.В. Трансформация юридических технологий в условиях цифровизации // «Черные дыры» в российском законодательстве. 2019. № 3. С. 21–24.

правовых актах в Российской Федерации», разработанным в инициативном порядке ИЖиСП¹, в ч. 4 ст. 76 предусмотрено ведение Правительством РФ в установленном им порядке общедоступной электронной информационной базы данных о продолжающих действовать на территории Российской Федерации законах и иных нормативных правовых актах органов Союза ССР, об утративших силу нормативных правовых актах правотворческих органов РСФСР, правотворческих органов Российской Федерации, прекративших свое существование. В последующем возможна дальнейшая консолидация оставшихся в силе актов советского периода в современное российское законодательство.

С развитием высоких технологий в начале эпохи шестого технологического уклада жизнедеятельность человека, общества и государства претерпевает серьезные изменения. Право как универсальный регулятор общественных отношений также находится в поле воздействия высоких технологий, при этом прогнозируются либо же начались такие процессы, как трансформация (сужение и одновременно расширение) сферы правового регулирования, появление новых субъектов и объектов права и т.п. Модифицируется система государственного управления, автоматизируются процессы создания и применения норм права², правотворческие и правоприменительные юридические технологии тесно сплетаются с цифровыми и иными современными технологиями³. Провозглашенная в России и многих зарубежных государствах, а также на международном уровне задача построения цифровой экономики приводит к цифровизации самого права.

Цифровые технологии обусловили новации в деле упорядочения правовых норм, то есть их систематизации. Они предусмотрены в законодательстве отдельных зарубежных государств. К примеру, Закон Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах» вводит понятие электронной инкорпо-

¹ О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона). 5-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М., 2019.

² См.: Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М., 2019; Пашенцев Д.А. Российская законодотворческая традиция перед вызовом цифровизации // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 5–13.

³ См.: Залоило М.В. Современные юридические технологии в правотворчестве: научное-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. М., 2020.

рации¹. Полным систематизированным собранием актов законодательства в электронной форме является эталонный банк данных правовой информации Республики Беларусь, формирование и ведение которого осуществляется Национальным центром правовой информации (ч. 3 ст. 72).

Закон Республики Казахстан от 6 апреля 2016 г. № 480-V ЗРК «О правовых актах» предусматривает осуществление такого вида систематизации нормативных правовых актов, как их учет, в электронной форме (ст. 53 и 66). Предусмотрено создание Министерством юстиции Республики Казахстан единой системы правовой информации (ст. 53).

Конституционный закон Азербайджанской Республики от 21 декабря 2010 г. № 21-IVKQ «О нормативных правовых актах» в ст. 95 регулирует электронную систематизацию законов Азербайджанской Республики в Собрании законов Республики, регулярно обновляемом и публикуемом в электронной форме. Учет актов осуществляется путем их включения в Государственный реестр правовых актов Азербайджанской Республики (ст. 78).

Одной из насущных задач, стоящих перед юридической общественностью, является создание верифицированных источников правовой информации, подобных справочным правовым системам «КонсультантПлюс», «Гарант». На сегодняшний день поиск правовой информации не по указанным справочным правовым системам существенно затруднен, нормативные правовые акты, как правило, публикуются в формате, затрудняющем поиск по тексту. Отсутствует единая база судебной практики.

Отсутствуют официальные (созданные на государственном уровне или признанные государством) источники правовой информации, где последняя была бы систематизирована по различным критериям. Функционирует официальный интернет-портал, предназначенный для официального опубликования правовых актов (<http://pravo.gov.ru>). Портал включает базы «Информационно-правовая система “Законодательство России”», «Свод законов Российской Империи» (в 16 томах), «Архив перио-

¹ Вид систематизации нормативных правовых актов, осуществляемый в электронной форме (в виде отдельных документов, баз и банков данных, иных информационных ресурсов, в том числе размещаемых в глобальной компьютерной сети Интернет) на основе системы классификации нормативных правовых актов без изменения установленного ими правового регулирования общественных отношений (ст. 72).

дических изданий»¹, «Тексты федеральных законов с внесенными изменениями» (последний функционирует в тестовом режиме). Вместе с тем, поиск правовой информации на данном портале усложнен, в отличие от уже упомянутых справочных правовых систем «КонсультантПлюс» или «Гарант», которыми пользуются в своей работе ученые-правовые, практикующие юристы и даже официальные лица, в частности судьи при принятии судебного решения. Такие справочно-правовые системы пользуются высокой степенью доверия, удобны для использования, содержат большой объем не только нормативно-правовой информации, но и судебную практику, научные публикации, формы договоров, консультации для юристов, материал в них хорошо систематизирован, в текстах документов имеются отсылки к другим правовым актам и судебной практике, комментариям, ранее действующим редакциям той или иной нормы и пр.²

Одновременно имеются и недостатки таковых: их неверифицированность, неофициальный характер, возможные ошибки и недостоверные сведения, отсутствие гарантий точного соответствия цифровой копии нормативного правового акта оригиналу³.

Наряду с признанием очевидных достоинств неофициальных информационно-справочных баз в литературе обосновывается важность создания именно официальной, государственно-властной системы, сконструированной по принципу «базы знаний», объединяющей разноплановую правовую информацию⁴, единой официальной общероссийской электронной платформы правотворчества, аккумулирующей проектируемые и действующие нормативные правовые акты и практику их реализации⁵. Это позволит достичь

¹ Собрание законодательства Российской Федерации; Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств Российской Федерации; Бюллетень международных договоров; Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации; Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти; Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации; Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ.

² См.: Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 99.

³ Там же.

⁴ Там же. С. 100.

⁵ См.: Залоило М.В. Некоторые вопросы цифровизации процедур оценки проектов нормативных правовых актов // Российское государственное управление. 2018. № 4. С. 138–149; Черногор Н.Н., Залоило М.В. Правовой мониторинг: инструментальная ценность и векторы развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 3. С. 8–21.

большой прозрачности государственного управления, обеспечит переход на безбумажное взаимодействие, ускорит согласование проектируемых актов, позволит в определенной мере устранить избыточное правовое регулирование.

Отличительной особенностью современного этапа правового развития стало появление в системе права новых структурных компонентов, таких как циклические правовые массивы, определяющие содержание и направления развития большинства или всех элементов системы права¹. Наиболее ярким примером циклического правового массива является антикоррупционное законодательство². Знание циклических правовых массивов уже определяет векторы систематизации юридических норм, образующих структуру указанных массивов³. Речь идет о систематизации федерального законодательства в сфере противодействия коррупции в форме консолидации посредством принятия Основ законодательства о противодействии коррупции, содержащих в том числе универсальные кросс-отраслевые нормы, отсылающие, в свою очередь, к укрупненным законодательным блокам, объединенным единым предметом регулирования (антикоррупционная экспертиза, конфликт интересов и пр.)⁴.

К циклическим правовым массивам относится и формирующееся цифровое законодательство⁵, о систематизации которого в данный момент, очевидно, говорить пока преждевременно. Сейчас цифровизация и формирование цифровой экономики регламентируются преимущественно документами стратегического планирования (национальными программами, национальными проек-

¹ См.: Хабриева Т.Я. Циклические нормативные массивы в праве // Журнал российского права. 2019. № 12. С. 5–18.

² См.: Законодательство в сфере противодействия коррупции: концептуальные основы и место в системе российского законодательства: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. М., 2020. С. 35–37.

³ Хабриева Т.Я. Циклические нормативные массивы в праве. С. 15.

⁴ См.: Хабриева Т.Я. Доклад на Восьмом Евразийском антикоррупционном Форуме «Законодательство о противодействии коррупции: феномен, эволюция и современные тренды» (20 марта 2019 г., Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации). URL: [https://izak.ru/upload/iblock/1cc/%D0%9C%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8B%20%D0%BA%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D1%83%2033%20\(%D1%81%D0%BE%D0%BA%D1%80\).docx](https://izak.ru/upload/iblock/1cc/%D0%9C%D0%B0%D1%82%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%B0%D0%BB%D1%8B%20%D0%BA%20%D0%B4%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4%D1%83%2033%20(%D1%81%D0%BE%D0%BA%D1%80).docx)

⁵ См.: Залоило М.В. Циклический правовой массив как нетипичное правовое явление в условиях цифровизации // Российское государствоведение. 2019. № 1. С. 21–22.

тами, стратегиями и пр.), изменения гражданского, финансового и прочих отраслей законодательства минимальны. Приняты лишь отдельные законодательные акты. Так, в Гражданском кодексе РФ получил закрепление новый объект гражданских прав — цифровые права, появилась электронная форма сделки¹. Принят закон о краудфандинге². В Государственной Думе на рассмотрении находится законопроект о криптовалютах и токенах³. Однако надлежит констатировать, что правовая природа документов стратегического планирования до конца неясна, правовой элемент в них выражен слабо. В сложившихся обстоятельствах создание всеобъемлющего законодательного регулирования общественных отношений, связанных с цифровизацией, было бы преждевременным и, несомненно, повлекло бы масштабное внесение изменений во вновь принятые законы в недалеком будущем. В связи с этим актуальна задача концептуального научного обоснования развития законодательного и подзаконного регулирования упомянутых общественных отношений. Вместе с тем, на смену стадии формирования цифрового законодательства должна прийти стадия его систематизации, как представляется, путем принятия системообразующего закона в этой области, а также обособления ряда его структурных элементов в укрупненных нормативных правовых актах по вопросам цифрового правотворчества, автоматизации правоприменения, искусственного интеллекта, цифровых прав и пр.

Список использованной литературы

1. Законодательство в сфере противодействия коррупции: концептуальные основы и место в системе российского законодательства [Текст]: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. — М., 2020.
2. Залоило М.В. Пределы и техника конкретизации юридических норм в правотворчестве [Текст] / М.В. Залоило // Журнал российского права. — 2014. — № 11. — С. 34–41.
3. Залоило М.В. Проблемы инкорпорации правовых актов СССР и РСФСР в современное российское законодательство [Текст] / М.В. Залоило // Журнал российского права. — 2017. — № 10.

¹ Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации».

² Федеральный закон от 02.08.2019 № 259-ФЗ «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

³ Проект федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах». URL: <http://sozd.duma.gov.ru/bill/419059-7>

4. *Залоило М.В.* Современные юридические технологии в правотворчестве [Текст]: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. — М., 2020.
5. *Залоило М.В.* Некоторые вопросы цифровизации процедур оценки проектов нормативных правовых актов [Текст] / М.В. Залоило // Российское государственное управление. — 2018. — № 4. — С. 138–149.
6. *Залоило М.В.* Циклический правовой массив как нетипичное правовое явление в условиях цифровизации [Текст] / М.В. Залоило // Российское государственное управление. — 2019. — № 1. — С. 21–22.
7. *Залоило М.В.* Проблемы инкорпорации правовых актов советского периода [Текст] / М.В. Залоило // Основные тенденции и перспективы развития современного права: Материалы ежегодной Международной научной конференции памяти Ф.М. Рудинского, 19 апреля 2018 года / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. — М., 2018. — С. 49–54.
8. *Залоило М.В.* Трансформация юридических технологий в условиях цифровизации [Текст] / М.В. Залоило // «Черные дыры» в российском законодательстве. — 2019. — № 3. — С. 21–24.
9. *Любимов Ю.* Регуляторная гильотина [Текст] / Ю. Любимов, Д. Новак, Д. Цыганков, А. Нестеренко, А. Варварин, Р. Ибрагимов, О. Жаркова, О. Москвитин, Н. Маслова, Е. Верле // Закон. — 2019. — № 2.
10. *Пашенцев Д.А.* Российская законотворческая традиция: онтология процесса [Текст] / Д.А. Пашенцев // Журнал российского права. — 2018. — № 8. — С. 5–13.
11. *Пашенцев Д.А.* Российская законотворческая традиция перед вызовом цифровизации [Текст] / Д.А. Пашенцев // Журнал российского права. — 2019. — № 2. — С. 5–13.
12. Соборное уложение 1649 года. Законодательство царя Алексея Михайловича [Текст] / сост., автор предисловия и вступительных статей В.А. Томсинов. — М., 2011.
13. *Хабриева Т.Я.* Циклические нормативные массивы в праве [Текст] / Т.Я. Хабриева // Журнал российского права. — 2019. — № 12. — С. 5–18.
14. *Хабриева Т.Я.* Право в условиях цифровой реальности [Текст] / Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор // Журнал российского права. — 2018. — № 1. — С. 99.
15. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений [Текст]: монография / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. — М., 2019.
16. *Черногор Н.Н.* Правовой мониторинг: инструментальная ценность и векторы развития [Текст] / Н.Н. Черногор, М.В. Залоило // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. — 2018. — № 3. — С. 8–21.

ОТРЕЧЕНИЕ ОТ ПРЕСТОЛА И ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДИНАСТИЧЕСКОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В РОССИЙСКОМ ПРАВЕ

Несмотря на то, что в России уже более 100 лет существует республиканский строй, вопросы, связанные с историко-правовыми оценками отречения от престола императора Николая II и дальнейшим обеспечением династической преемственности, продолжают активно обсуждаться в российском обществе.

Обстоятельства издания актов Николая II от 2 марта 1917 г. и великого князя Михаила Александровича от 3 марта 1917 г. и их правомерность представляют интерес, по крайней мере, для изучения истории государства и права.

Что касается правовых аспектов дальнейшей династической преемственности, то, с одной стороны, в настоящее время и в обозримом будущем предпосылок для восстановления в России монархического строя не наблюдается. В связи с этим многим представляется, что рассмотрение круга проблем, относящихся к наследованию престола и отречению от прав на него, носит чисто теоретический характер. Но, с другой стороны, примеры восстановления монархий в современном мире (в Испании в 1975 г., в Камбодже в 1993 г.) показывают, что полностью исключать такую возможность и в России было бы неправильно. Кроме того, Российский императорский дом Романовых, лишенный политической власти в 1917 г., сохранился на своих исторических правовых основах в качестве исторической институции¹ и с 1991 г. активно участвует в общественной жизни Российской Федерации². Поэтому вопросы, касающиеся династического права, имеют не только сугубо историческое, но и актуальное значение.

Отречение (лат. *abdicatio*) в древности в Греции, а затем и в Риме являлось действием, не связанным с проявлением воли личности, а направленным на нее извне. Оно заключалось в том,

¹ Подробнее: Закатов А.Н. Социокультурный суверенитет исторических институций: истоки и современность // Ценности и смыслы. 2016. № 1. С. 36–47.

² Подробнее: Закатов А.Н. Статус Российского императорского дома Романовых в Российской Федерации. СПб.: Типография Михаила Фурсова. 2017. 208 с.

что отец делал заявление об изгнании сына из семьи и о лишении его отеческого признания и покровительства¹.

В Средние века под отречением стали понимать добровольный отказ от власти или законных прав на нее; сложение с себя соответствующего титула, сана, должности.

В большинстве случаев слово «отречение» применяется к монархам, вступившим на престол и царствовавшим в течение того или иного времени, а затем сложившим власть. В отношении лиц, не пожелавших реализовать потенциально принадлежащие им права на престол, чаще используется термин «отказ».

Наиболее яркими примерами отречений от престола во всемирной истории являются сложение с себя верховной власти императором Священной Римской империи Карлом V (1556), королем Франции и Наварры Карлом X (1830), императором Германии Вильгельмом II (1918), императором Австро-Венгрии Карлом I (1918), царем Болгарии Фердинандом I (1918), королем Великобритании Эдуардом VIII (1936), королем Румынии Михаем I (1947). В последнее время имел место ряд отречений монархов, вызванных не революциями, поражениями в войнах или политическими кризисами, а желанием предоставить возможность своим наследникам вступить на престол в сравнительно молодом возрасте: отречения королей Нидерландов Юлианы (1980) и Беатрисы (2013), короля Бельгийцев Альберта II (2013), короля Испании Хуана-Карлоса I (2014).

В Русском государстве в период правления дома Рюриковичей (862–1598) аналогом отречения являлся отказ от «искания княжения», скрепленный клятвой или принятием монашества. Так, например, великий князь Киевский Игорь II Ольгович, тщетно пытаясь избежать смерти после его пленения в 1146 г., принял монашество с дозволения Изяслава II Мстиславича. Отказался от претензий на великое княжение Владимирское Суздальско-Нижегородский князь Дмитрий IV Константинович (1364). В период династического кризиса XV в., порожденного изменением порядка престолонаследия, в 1446 г. был вынужден «целовать крест» в отказе от возвращения к власти великий князь Василий II Темный, захваченный в плен и ослепленный своим кузеном Дмитрием Шемякой².

¹ При этом сын мог сохранить права наследования имущества, если лишение этих прав не было специально оговорено отцом.

² Вскоре освобожден от этой клятвы игуменом Кирилло-Белозерского монастыря Трифоном и в 1447 г. вновь занял великокняжеский престол.

Великий князь Дмитрий Иоаннович, в 1498 г. объявленный наследником своего деда государя всея Руси и великого князя Иоанна III Великого и венчанный в Успенском соборе, в 1502 г. был лишен Иоанном III этого статуса и отправлен в заточение. В данном случае имело место не отречение, а отрешение от прав наследования.

Своеобразной традицией «предсмертного отречения» явилось принятие рядом государей дома Рюриковичей монашества или схимы в последние часы жизни. Достоверно известно о таких пострижениях великого князя Киевского Всеволода II Ольговича; великих князей Владимирских Александра I Невского, Ярослава III Ярославича, Дмитрия I Александровича, Андрея III Александровича, великих князей Владимирских и Московских Иоанна I Калиты, Симеона I Гордого, Иоанна II Красного, Василия III; царей Иоанна IV Грозного и Бориса I Годунова; ряда удельных великих князей. Такого рода «отречения» носили не политико-правовой, а религиозный смысл.

Уникальными являются «отречения» Иоанна IV Грозного в 1565 г. и в 1575 г., которые были не столько реальными отказами от власти, сколько демаршами в политической борьбе с аристократической оппозицией за укрепление царской власти.

И Борис Годунов в 1598 г., и Михаил Романов в 1613 г., призванные соборами на царство на основании ближайшего свойства с угасшим царским домом Рюриковичей, первоначально отказывались от восприятия своих легитимных обязанностей и прав. Но эти отказы носили, скорее, ритуальный характер, и оба они в конечном итоге взошли на престол.

После призвания на царство дома Романовых (1613) имели место два отречения царствовавших императоров (Петра III и Николая II) и несколько отказов от потенциальных прав на престол.

Первым случаем такого рода оказалось клятвенное обещание сына Петра I царевича Алексея Петровича, в котором он изъявлял согласие с манифестом своего отца от 3 февраля 1718 г. о лишении его прав наследования, обещал «того наследства никогда ни в какое время не искать и не желать, и не принимать ни под каким видом» и признал законным наследником престола царевича Петра Петровича¹.

5 февраля 1722 Петр I издал именной указ «О праве наследия престолом», в соответствии с которым упразднился традиционный

¹ «Клятвенное обещание» приводится в приложении к «Манифесту об удалении от наследования престола царевича Алексея Петровича». Законодательство Петра I. М.: Юридическая литература, 1997. С. 60.

порядок престолонаследия по праву нисходящего мужского первородства. В 1722–1797 гг. «правительствующий император» мог сам, по своему усмотрению, назначать наследника и отрешать уже назначенного: «кому оной хочет, тому и определит наследство, и определенному, видя какое непотребство, паки отменит, дабы дети и потомки не впали в такую злость, как выше писано, имея сию узду на себе»¹.

В 1724 г. цесаревна Анна Петровна и ее жених герцог Карл-Фридрих Голштейн-Готторпский заключили брачный договор, по которому оба отказывались от возможных претензий на престол России. При этом сохранялась возможность наследования за их предполагаемым потомством².

Первое отречение царствующего императора произошло в 1762 г. Петр III, отказавшийся от борьбы за власть со своей супругой императрицей Екатериной Алексеевной, осуществившей переворот, 29 июня 1762 г.³ направил ей письмо, в котором признавал свою неспособность к управлению страной и объявил, что «сам в себе беспристрастно и непринужденно», «от правительства Российским государством на весь век мой отрицаюсь, не желая ни самодержавным, ниже иным каким-либо образом правительства во всю жизнь мою в Российском государстве владеть, ниже оного когда-либо или чрез какую-либо помощь себе искать, во чем клятву мою чистосердечную пред Богом и всецелым светом приношу нелицемерно»⁴.

Эти отречения состоялись до издания акта о престолонаследии Павла I 5 апреля 1797 г.⁵, создавшего «точнейший законный порядок, не допускающий уже никаких перетолкований и не оставля-

¹ Именной указ «О праве наследия престолом» // РГАДА. Ф. 2. Оп. 1. Д. 13. Л. 1–1 об.; Полное собрание законов Российской империи-1 (ПСЗРИ-1). Т. VII. № 3893.

² Что и произошло в 1761 г., когда, согласно волеизъявлению скончавшейся императрицы Елисаветы Петровны, на престол вступил сын цесаревны Анны Петр III.

³ Здесь и далее даты до 1918 г. указываются по юлианскому календарю.

⁴ Русский архив. 1911. № 5.

⁵ «Акт, высочайше утвержденный в день священной коронации его императорского величества и положенный для хранения на престол Успенского собора». ПСЗРИ-1. Т. XXIV. № 17910. При кодификации законодательства правила престолонаследия были закреплены в разделе II тома I Свода законов Российской империи 1832, в статьях 3–17. В издании Свода основных государственных законов Российской империи (СОГЗРИ) 1906 года порядок наследования верховной власти содержится в главе II «О порядке наследия престола», в статьях 25–39.

ющий места никакому выбору между несколькими лицами царствующего дома»¹.

Следует отметить, что в самом акте императора Павла I отсутствовали какие-либо указания относительно возможности отречения от престола или от прав на него. Законодательная регламентация данного вопроса стала возможной после появления первого в XIX в. прецедента — отказа цесаревича Константина Павловича.

Цесаревич Константин, являвшийся в силу закона прямым наследником своего бездетного старшего брата Александра I, 14 января 1822 г. направил ему «Грамоту», в которой, ссылаясь на отсутствие дарований, сил и духа «чтоб быть когда бы то ни было возведену на то достоинство, к которому по рождению моему могу иметь право», просил передать это право тому, кому оно принадлежит после него. Это отречение от потенциальных прав было утверждено Александром I в «Ответной грамоте» от 2 февраля 1822 г. и в «Манифесте, утверждающем отречение от наследия престола его императорского высочества цесаревича и великого князя Константина Павловича и утверждающем наследником его императорское высочество великого князя Николая Павловича» от 16 августа 1823 г. Но обнародование данных актов при жизни Александра I не состоялось. Поэтому манифест не приобрел силу закона, и после кончины августейшего брата 19 ноября 1825 г. цесаревич Константин Павлович (находившийся тогда в Варшаве) был объявлен императором, и ему принесли присягу. Лишь после того, как он в «Грамоте» от 26 ноября 1825 г. подтвердил свой отказ, великий князь Николай Павлович счел для себя возможным вступить на престол².

При кодификации законов в царствование Николая I к положениям о престолонаследии, содержащимся в акте 5 апреля 1797 г., были добавлены установления о правилах, связанных с равнородностью или неравнородностью браков членов династии³, и об отречении от прав на престол.

В издании Свода законов Российской империи 1832 г. и в следующих изданиях до 1906 г. статьи об отречении имели номера 15

¹ Тихомиров Л.А. Монархическая государственность. СПб., 1992. С. 443.

² При этом датой вступления на престол Николая I считался день кончины Александра I. См. манифест «О вступлении на престол государя императора Николая Павловича» 12 декабря 1825 г. // ПСЗРИ-2. Т. I, № 1.

³ На основании манифеста «О расторжении брака цесаревича Константина Павловича с великою княгиней Анною Феодоровною и о дополнительном постановлении об императорской фамилии» от 20 марта 1820 г. // ПСЗРИ-1. Т. XXXVII, № 28208.

и 16, а в Своде основных государственных законов Российской империи в редакции 1906 г. — номера 37 и 38.

Они сформулированы следующим образом:

«При действии правил, выше изображенных о порядке наследия Престола, лицу, имеющему на оный право, предоставляется свобода отречься от сего права в таких обстоятельствах, когда за сим не предстоит никакого затруднения в дальнейшем наследовании Престола» (ст. 15/37).

«Отречение таковое, когда оно будет обнародовано и обращено в закон, признается потом уже невозвратным» (ст. 16/38).

В XIX в. от своих потенциальных прав на престол отреклись несколько членов Российского императорского дома женского пола перед вступлением в равнородные браки¹. Великий князь Владимир Александрович в силу фамильного акта 16 августа 1874 года² дал обещание добровольно отречься от своих прав в том случае, если бы его супруга великая княгиня Мария Павловна не приняла православие и отказалась бы принять его при наступлении для Владимира Александровича возможности унаследовать престол³.

В XX в. от своих потенциальных прав на престол отреклись княжна императорской крови Татяна Константиновна перед вступлением в брак с потомком владетельных князей Мухрани князем Константином Александровичем Багратион-Мухранским (1911)⁴, княжна императорской крови Ирина Александровна перед вступлением в морганатический брак с князем Ф.Ф. Юсуповым (1914) и, уже после революции 1917 г., княжна императорской крови

¹ Великая княжна Ольга Николаевна перед вступлением в брак с наследным принцем Карлом Вюртембергским (буд. королем Карлом I), великая княжна Анастасия Михайловна перед вступлением в брак с великим герцогом Мекленбург-Шверинским Фридрихом-Францем III (1879).

² Думин С.В. Брак великого князя Владимира Александровича и фамильный акт 16 августа 1874 года // *Летопись историко-родословного общества в Москве*, 2009. Вып. 14/15 (58/59). 288 с. С. 186–199.

³ Этот акт утратил силу, так как великая княгиня Мария Павловна приняла православие в 1908 г. Великий князь Владимир Александрович скончался в 1909 г., при жизни старших его в порядке престолонаследия цесаревича Алексея Николаевича и великого князя Михаила Александровича.

⁴ Династический статус этого брака до революции не был в полной мере определен; с 1946 г., после издания главой Российского императорского дома великим князем Владимиром Кирилловичем по запросу Испанского королевского дома «Акта о признании царственного достоинства дома Багратионов», признается равнородным.

Екатерина Иоанновна перед вступлением в морганатический брак с маркизом Р. Фарраче де Виллафореста (1937).

Отречение могло быть только добровольным, но царствующий император имел право поставить его условием для своего соизволения на заключение брака, без которого, в силу статьи 183 ОГЗРИ, брак члена императорского дома являлся незаконным. В каждом конкретном случае император принимал решение о предъявлении или непредъявлении такого условия, исходя из своего видения государственных интересов. У члена императорского дома, которому предъявлялось это условие, оставалась возможность сохранить право престолонаследия, коего его никто не мог лишить помимо его воли, но тогда он должен был отказаться от вступления в данный брак.

Лишение члена императорского дома права престолонаследия помимо его воли и вопреки ей являлось абсолютно незаконным и невозможным при любых обстоятельствах, так как уничтожило бы основополагающий принцип акта о престолонаследии 5 апреля 1797 г. — «дабы наследник был назначен всегда законом самим»¹. Урожденный член императорского дома, как и любой иной подданный, мог быть подвергнут каким угодно наказаниям, вплоть до смертной казни, но права престолонаследия лишен быть не мог.

Самыми драматическими и поэтому наиболее обсуждаемыми стали отречение от престола императора Николая II и отложение восприятия верховной власти великим князем Михаилом Александровичем в марте 1917 г. На сей раз речь шла не только о царствовании и жизни конкретного монарха и его ближайших наследников, но о судьбе всей династии и самого государственного строя России.

¹ Когда под влиянием эмоций, вызванных первоначально негативным отношением к браку великого князя Кирилла Владимировича с великой княгиней Викторией Феодоровной, император Николай II поставил перед специально созданным Особым совещанием вопрос о возможности лишения великого князя прав престолонаследия, в «Мемории» на высочайшее имя, представленной по итогам заседания 29 января 1907 г., было почтительно указано: «устранение хотя бы и преслушного воле монаршей члена императорской фамилии, без его на то согласие, от прав на престолонаследие должно поколебать незыблемость коренного закона Империи о порядке наследия престола. Всякое же прикосновение к твердости этого закона, являющегося основой наследственной монархии, может в будущем сделаться причиною глубоких народных волнений, привести к раздорам в императорском доме и подорвать крепость и силу династического начала» (ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2138. Л. 119–127 об.).

С отречением Николая II связано много противоречивых мнений и мифов. Мы не будем рассматривать явно антинаучные конспирологические версии, отрицающие сам факт отречения или подлинность его текста, ввиду их полной беспочвенности. Собственноручные записи в дневнике Николая II¹ и весь комплекс исторических источников неопровержимо доказывают, что император подписал акт об отречении, и именно в той редакции, которая общеизвестна по современным событиям 1917 г. официальным и по последующим научным публикациям.

Остановимся на оценке актов 2 и 3 марта 1917 г. с точки зрения права.

Как известно, 22 февраля 1917 г. Николай II, являвшийся верховным главнокомандующим, в очередной раз отбыл из Петрограда в Ставку. 23 февраля в столице Российской империи начались волнения, изначально спровоцированные дефицитом хлеба, вскоре переросшие в массовые революционные беспорядки с участием вооруженных новобранцев. Совет министров во главе с князем Н.Д. Голицыным, командование Петроградским военным округом и городские власти оказались неспособными справиться с ситуацией, а руководство Государственной думы и большая часть ее депутатов фактически потакали распространению смуты, намереваясь благодаря ей добиться масштабных политических уступок.

Император получал противоречивые и зачастую недостоверные известия, что препятствовало принятию им решений, адекватных реальной обстановке.

Попытка великих князей Михаила Александровича, Кирилла Владимировича и Павла Александровича достичь компромисса с Государственной думой, чтобы «всячески, всеми способами сохра-

¹ «2-го марта. Четверг. Утром пришел Рузский и прочел свой длиннейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, т [ак] к [ак] с ним борется соц [иал] -дем [ократическая] партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал этот разговор в Ставку, а Алексеев всем главнокомандующим. К 2 ½ ч [аса] пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с кот [орыми] я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена и трусость, и обман!» (Дневники императора Николая II. М.: ORBITA, 1991. С. 625).

нить Ники на престоле»¹, путем издания манифеста о «предоставлении конституционного строя»² не увенчалась успехом³.

28 февраля Николай II принял решение вернуться в Петроград, но по дороге его поезд был блокирован на станции Дно, и он оказался вынужден направиться в Псков, куда прибыл 1 марта. Там 2 марта он получил телеграммы от большинства командующих фронтами, в которых в разных формах выдвигались требования отречения от престола.

Надеясь предотвратить гражданскую войну в условиях мировой войны, император подписал акт об отречении, ключевыми словами которого были: «В эти решительные дни в жизни России, почли мы долгом совести облегчить народу нашему тесное единение и сплочение всех сил народных для скорейшего достижения победы и, в согласии с Государственной думой, признали мы за благо отречься от престола Государства Российского и сложить с себя верховную власть».

При этом Николай II заявил: «не желая расстаться с любимым сыном нашим, мы передаем наследие наше брату нашему великому князю Михаилу Александровичу и благословляем его на вступление на престол Государства Российского. Заповедуем брату нашему править делами государственными в полном и ненарушимом единении с представителями народа в законодательных учреждениях, на тех началах, кои будут ими установлены, принеся в том ненарушимую присягу»⁴.

Таким образом, Николай II сложил с себя верховную власть, при этом объявив об устранении из порядка наследования своего прямого наследника и о передаче права на престол следующему в порядке престолонаследия члену династии, которому заповедал править на началах, вновь установленных «представителями народа в законодательных учреждениях».

Кто-то считает отречение Николая II проявлением величайшего благородства и самопожертвования, а кто-то, наоборот, — малодушия и своего рода дезертирства. И то, и другое является частными мнениями, основанными на чисто субъективном воспри-

¹ Переписка великого князя Павла Александровича с великим князем Кириллом Владимировичем. ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2098.

² Манифест великих князей // ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2095. Л. 1 об.; Ф. 5881. Оп. 2. Д. 369. Л. 10–11.

³ Подробнее: Закатов А.Н. Император Кирилл I в февральские дни 1917 г. М.: Новый век, 1998. 192 с.

⁴ ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2101-б. Л. 1; Вестник Временного Правительства. 1917. 5 марта. № 1 (46).

ятии. Нас же интересует вопрос: имел ли он на все это законное право?

Самодержавная монархия была правовым государством, а отнюдь не неограниченной тиранией, в которой государь мог делать все, что ему заблагорассудится. Император являлся источником закона, но мог отменять и изменять его только в соответствии с законной процедурой, а пока закон действовал, подчинялся ему. Что касается статей о престолонаследии, то они в силу статьи 39 вообще «неприкосновенны», то есть не подлежат изменению даже императором. Для теоретически возможного внесения изменений в эту часть Основных законов, помимо установленных общих для любых прочих законов юридических процедур, необходимо еще и разрешение от религиозной клятвы, приносимой по достижении династического совершеннолетия и повторяемой государем затем дважды — при вступлении на престол и при миропомазании в ходе коронации.

Если суммировать критические оценки акта 2 марта 1917 г., подвергающие сомнению или прямо отрицающие его законность и действительность, можно выделить следующие основные тезисы.

- 1) Отречение было не добровольным, а вынужденным.
- 2) Император в принципе не имел права отрекаться, так как в законе не регламентировано отречение от уже воспринятой верховной власти.
- 3) Незаконным является отречение не только за себя, но и за своего наследника.

Первый тезис несомненно, но он имеет значение в большей степени в сфере морали, чем в области права. Конечно, утверждать, что Николай II отрекся свободно и добровольно, невозможно. На него было оказано сильное давление путем фактического лишения свободы, обмана и массированного психологического воздействия. Но практически все наши действия вынуждены теми или иными обстоятельствами. Строго говоря, признать отречение Николая II незаконным и лишенным юридической силы в связи с его «вынужденностью» можно было бы только в том случае, если бы он сам прямо, четко и недвусмысленно заявил, что подвергся насилию и не желает исполнять навязанное ему против его воли решение¹. Поскольку такого заявления не последовало, данный аргумент представляется, по меньшей мере, дискуссионным.

¹ Так поступил, например, румынский король Михай I, когда оказался за пределами коммунистической Румынии.

Второй тезис заслуживает большего внимания. Действительно, в статье 37 буквально идет речь о «лице, имеющем на оный (престол — А.З.) право», а не о лице, уже это право реализовавшем.

Вообще, в России правовые нормы, регламентирующие престолонаследие, относятся к публичному праву, то есть восприятие верховной власти является, в первую очередь, не правом, а обязанностью.

При Рюриковичах мы еще наблюдаем некоторое смещение в этом вопросе публичного и частного права, как это в особенности свойственно феодальной Европе. Архиепископ Иоанн (Максимович) отметил: «Отношения великого князя к другим князьям были не столько государственно-правовыми, сколько семейно-нравственными»¹, и такой же подход касался взаимоотношений государя и народа. «Русская земля» и власть над нею рассматривались государями из дома Рюриковичей как «отчина и дедина», то есть как достояние, унаследованное от предков, наряду с имущественным владением.

После воцарения дома Годуновых, а особенно в период царствования дома Романовых «идея национального государства освободилась от вотчинно-владельческой формы, в которой постепенно окрепла при Даниловичах². «Дело государево» становится «делом земским», которое от Бога поручено наследственному носителю власти»³.

Отказ принять унаследованную по закону власть является, с точки зрения публичного права, нежеланием исполнять обязанность, то есть уклонением от своего долга. Но в этом случае имеет место внешнее сходство с наследованием имущества, относящимся к области частного права. Заставить царствовать путем насилия, вопреки воле человека, невозможно в еще большей степени, чем насильственно заставить владеть нежеланной собственностью.

Для принятия власти, являющейся осуществлением воли, необходимо согласие ее проявлять. В монархической системе для восшествия на престол необходимо согласие царствовать. Если же такого согласия нет, то навязывание власти является бессмысленным

¹ Иоанн (Максимович), архиеп. Происхождение закона о престолонаследии в России. Подольск, 1994. С. 3–4.

² Линия династии Рюриковичей, происходящая от князя Московского Даниила Александровича, сумевшая возглавить процесс объединения русских земель в централизованное государство и приобретающая статус царствующего дома.

³ Три века. Исторический сборник: в 6 т. Т. 1 / под ред. В.В. Каллаша. М.: Изд. И.Д. Сытина, 1912. С. 45.

и контрпродуктивным. Кроме того, когда дело касается исполнения функций верховной власти, то заставить принять ее просто некому, ибо не существует никакой власти выше верховной.

Поэтому 37 статья признает нежелание царствовать достаточным законным основанием для отречения. Причем не только от права на престол, но и от самого престола. Ведь обладание престолом является осуществлением права на него. Следовательно, отречение от престола является частным проявлением отречения от права на него.

Отречение царствующего императора, действительно, не прописано в законе буквально. Но это не является значимым аргументом. До отречения цесаревича Константина Павловича, как уже говорилось, в законе не было вообще регламентировано отречение кого бы то ни было, но соответствующие правовые нормы появились, когда возник первый прецедент. По этому пути, вне всякого сомнения, пошли бы и в том случае, если бы легитимная наследственная монархия в России после событий февраля-марта 1917 г. сохранилась в качестве образа правления. Были бы внесены соответствующие дополнения, регламентирующие процедуру сложения императором с себя верховной власти, правовой статус и титулование отрекшегося монарха.

Право на отречение ограничено условием: оно (право) представляется «в таких обстоятельствах, когда за сим не предстоит никакого затруднения в дальнейшем наследовании престола». Если рассматривать эту формулировку вне контекста, то следовало бы признать эту норму юридической фикцией (часто применяемой в римском праве), призванной подчеркнуть публично-правовой характер законов о престолонаследии. Император, теоретически, может не утвердить отречения своего прямого или потенциального наследника. Но принудить такого члена династии царствовать, если до него дойдет очередь наследования, невозможно. Еще более трудно себе представить, как заставить царствовать императора, принявшего решение сложить с себя верховную власть.

Смысл и значение условия, предъявляемого статьей 37, становятся понятными, исходя из следующей статьи 38. Чтобы отречение обрело силу закона, необходимо его обнародование и обращение в закон, после чего оно признается уже невозвратным. Но кто же может это сделать? С точки зрения Основных законов Российской империи, только верховная власть, то есть следующий законный наследственный император. Отрекающийся монарх продолжает обладать властью до момента обнародования своего отречения, но он уже не может сам обратиться в закон, ибо, как отметил со-

временный исследователь династического права М.А. Александров, «здесь его воля вступила бы в противоречие с его обязанностью. Освободить самого себя от своей же обязанности, и при том посредством полномочий, которые вытекают из этой же обязанности — это было бы верхом юридического абсурда»¹.

Царствующий император, **непосредственно осуществляющий** право на престол, при намерении отречься от него обязан действовать так же, как и наследники **потенциальные**, предоставляя обращение своей воли в закон своему легитимному наследственному преемнику. Этим обеспечивается непрерывность, присущая верховной власти по ее природе. Отречение от престола юридически допустимо только при наличии законного преемника². Де факто принудить царствовать отрекшееся лицо, разумеется, невозможно, но, в силу публично-правового принципа, де юре его царствование продолжается до момента восприятия его обязанностей и прав следующим законным монархом, обращающим отречение предшественника в закон (или до смерти отрекшегося, как произошло с Николаем II).

Таким образом, по Основным законам Российской империи император Николай II имел право отречься от престола за себя, но его отречение не обрело законной силы, так как при его жизни не было обращено в закон его преемником.

Что касается исключения из порядка престолонаследия цесаревича Алексея Николаевича, то оно противоречит Основным законам Российской империи и самому смыслу акта 5 апреля 1797 г., являющемуся источником законодательства о престолонаследии — «дабы наследник был назначен всегда законом самим».

Цесаревич Алексей Николаевич мог бы отречься от своих прав на престол только сам лично, и не ранее достижения им династического совершеннолетия, которое для наследника определено в 16 лет³ (то есть, не ранее 30 июля / 12 августа 1920 г.).

Конечно, в случае, если бы великий князь Михаил Александрович принял престол и монархия в России сохранилась бы, наверняка были бы установлены новые законодательные «начала», легитимизирующие создавшееся положение.

¹ Александров М.А. Отречение от прав на престол по законам Российской империи. URL: <http://www.imperialhouse.ru/rus/monograph/articles/3606.html> (дата обращения: 28 июня 2019 г.).

² О чем и гласит статья 37.

³ Статья 40 Основных государственных законов Российской империи (ОГЗРИ).

Но отложение принятия верховной власти Михаилом Александровичем создало «перерыв в праве», а дальнейшая эскалация революции сделала обеспечение даже чисто символической правовой преемственности уже совершенно недостижимым. Поэтому оценивать правомерность наследования в Российском императорском доме возможно только на основании соответствующих статей СОГЗРИ 1906 г.

Существует распространенное, но беспочвенное мнение о том, что великий князь Михаил Александрович «отрекся от своих прав на престол». Это не соответствует действительности.

На самом деле, 3 марта 1917 г. Михаил Александрович по итогам совещания с делегацией Государственной думы подписал акт, согласно которому отложил восприятие верховной власти и заявил, что готов принять ее только в том случае, «если такова будет воля великого народа нашего, которому и надлежит всенародным голосованием через представителей своих в Учредительном собрании установить образ правления и новые основные Законы Государства Российского»¹.

Этот акт противоречил установлениям Главы II СОГЗРИ «О порядке наследия престола» и статье 53 ОГЗРИ², оставляя престол на время вакантным и, тем самым, нарушая принцип непрерывности верховной власти. Однако он не являлся ни «отречением дома Романовых», ни «отречением ЗА дом Романовых», ни даже личным отречением от своих прав великого князя Михаила Александровича. В беспрецедентной революционной ситуации Михаил Александрович счел за благо предоставить народу право решить, останется ли Россия монархией или станет республикой, но от своих законных наследственных прав и обязанностей в случае сохранения или восстановления монархии он не отрекался.

Точно так же не отрекались от своих династических прав и обязанностей прочие великие князья, согласившиеся с позицией Михаила Александровича и подписавшие заявления по формуле, предложенной великим князем Николаем Михайловичем: «Относително прав наших, в частности и моего на престолонаследие я, горячо любя свою Родину, всецело присоединяюсь к тем мы-

¹ Биржевые Ведомости. № 16120. 1917. 5 марта.

² Статья 53 ОГЗРИ: «По кончине императора наследник его вступает на престол силою самого закона о наследии, присвояющего ему сие право. Вступление на престол императора считается со дня кончины его предшественника». Отречение императора, несомненно, тождественно кончине, так как и в том, и в другом случае происходит «невозвратное» устранение государя от верховной власти.

слям, которые выражены в акте отказа великого князя Михаила Александровича»¹.

Революционные потрясения неумолимо вели от частичных нарушений законности к полному попранию права и достигнутых договоренностей. 1 сентября 1917 г. председатель Временного правительства А.Ф. Керенский, не дожидаясь созыва Учредительного собрания, провозгласил республиканский образ правления². 25 октября 1917 г. Временное правительство было низложено в результате большевистского переворота. Учредительное собрание, начавшее заседать 5/18 января 1918 г. и разогнанное на следующий день большевиками, успело провозгласить Россию федеративной демократической республикой, но это состоялось в отсутствие кворума. А новая коммунистическая власть начала созидать свою собственную легитимность с нуля.

Великий князь Михаил Александрович стал первой среди Романовых жертвой развязанного после Революции террора. Его расстреляли 30 мая / 12 июня 1918 г. в окрестностях Перми. 4/17 июля 1918 г. в Екатеринбурге по приговору Уральского областного совета рабочих и солдатских депутатов были казнены Николай II, вся его семья и находившиеся с ними приближенные. Таким образом, все мужское потомство Александра III (Николай II, цесаревич Алексей и великий князь Михаил) было физически уничтожено, и обязанности и права императоров всероссийских по Основным государственным законам Российской империи перешли в род следующего сына Александра II великого князя Владимира Александровича (1847–1909) — к великому князю Кириллу Владимировичу (1876–1938)³.

Фактически он заявил о вступлении в права преемства сначала 26 июля / 8 августа 1922 г., издав в Каннах акт о своем «блюстителстве престола», а затем уже окончательно 31 августа / 13 сентября 1924 г., подписав в Кобурге манифест о принятии им титула Императора Всероссийского в изгнании. В этих актах Кирилл Владимирович игнорировал факт отречения от престола Николая II.

В Обращении о «блюстителстве государева престола» великий князь еще выражал надежду на сохранение жизни Николая II и ут-

¹ Биржевые Ведомости. № 16134. 1917. 14 марта; ГАРФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 1263. Л. 3.

² ГАРФ. Ф. 1779. Оп. 1. Д. 170. Л. 13.

³ Подробнее: Закатов А.Н. Становление династии Романовых в изгнании // Исторический вестник. Т. 3 (150), Романовы: династия и эпоха. М., 2013. апрель. С. 208–253; Т. 6 (153), История — свидетельница времен. М., 2013. декабрь. С. 146–237.

верждал, что в этом случае он должен вернуться на престол: «Мы уповаем на то, что жив государь Николай Александрович, и что весть о его убиении распространена теми, для коих его спасение было бы угрозою. Не может наше сердце отказаться от надежды на то, что вернется он, пресветлый, к престолу своему»¹.

В манифесте 31 августа / 13 сентября 1924 г.² о восприятии Кириллом Владимировичем прав и обязанностей императора констатируется факт мученической кончины Николая II, его сына и родного брата, но не упоминается об актах 2 и 3 марта 1917 г. В письме на имя вдовствующей императрицы Марии Феодоровны, Кирилл I, чтя ее материнские чувства, заверял: «Если осуществится чудо, в которое ты веришь, что возлюбленные сыновья твои и внук остались живы, то я первый и немедленно объявлю себя верноподанным моего законного государя и повергну все, мною содеянное, к его стопам»³. То есть, Кирилл Владимирович, в полном соответствии с Основными законами Российской империи, не считал отречение Николая II вступившим в законную силу, а обращать его в закон посмертно не видел смысла.

По законам Российской империи до дня своей казни Николай II юридически оставался легитимным императором, а с 4/17 июля 1918 г. эти обязанности и права перешли к Кириллу Владимировичу, хотя сам он объявил об их принятии лишь спустя 6 лет, в обстоятельствах, исключающих исполнение обязанностей монарха на государственном уровне. В условиях отсутствия в России престола как юридического лица, царственное служение заключается в возглавлении Российского императорского дома как исторической институции и в обеспечении его преемственности на основе системы исторических правовых установлений, духовных ценностей, идейных принципов и социокультурных традиций.

Список использованной литературы

1. Александров М.А. Отречение от прав на престол по законам Российской империи [Текст] / М.А. Александров. — URL: <http://www.imperialhouse.ru/rus/monograph/articles/3606.html> (дата обращения: 28.06.2019).

¹ Граф Г.К. Августейший блюститель государева престола государь великий князь Кирилл Владимирович. Мюнхен, 1922. С. 25–27.

² Сборник высочайших актов и исторических материалов. Ко дню годовщины издания его императорским величеством государем императором Кириллом I манифеста 31 августа 1924 г. София: Издание Представительства его императорского величества в Царстве Болгарском, 1925. С. 19–21.

³ Там же. С. 49.

2. *Думин С.В.* Брак великого князя Владимира Александровича и фамильный акт 16 августа 1874 года [Текст] / С.В. Думин // *Летопись историко-родословного общества в Москве*. — 2009. — Вып. 14/15 (58/59). — 288 с. — С. 186–199.
3. *Закатов А.Н.* Становление династии Романовых в изгнании — Исторический вестник [Текст] / А.Н. Закатов. Т. 3 (150): Романовы: династия и эпоха. — М., 2013, апрель. — Т. 6 (153): История — свидетельница времен. — М., 2013, декабрь.
4. *Закатов А.Н.* Император Кирилл I в февральские дни 1917 г. [Текст] / А.Н. Закатов. — М., 1998.
5. *Закатов А.Н.* Социокультурный суверенитет исторических институций: истоки и современность [Текст] / А.Н. Закатов // *Ценности и смыслы*. — 2016. — № 1 (41).
6. *Закатов А.Н.* Статус Российского императорского дома Романовых в Российской Федерации [Текст] / А.Н. Закатов. — СПб.: Типография Михаила Фурсова, 2017. — 208 с.
7. *Иоанн (Максимович), архиеп.* Происхождение закона о престолонаследии в России [Текст] / архиепископ Иоанн (Максимович). — Подольск, 1994.
8. *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность [Текст] / Л.А. Тихомиров. — СПб., 1992.
9. Три века. Исторический сборник под ред. В.В. Каллаша [Текст]: в 6 т. Т. 1. — М., 1912.

РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА¹

Правовые основы (источники) цифровой трансформации российского законодательства в настоящее время представляют собой развитую разветвленную систему документов нормативного и программного характера, складывающуюся на протяжении уже многих лет.

Начало цифровой трансформации российского законодательства было положено Концепцией правовой информатизации России, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 28 июня 1993 г. № 966, согласно которой в России на рубеже веков предполагалось создать действенные механизмы, обеспечивающие за счет более полной правовой информированности граждан повышение эффективности права и его применения (усиление «правовой плотности общества»). При этом при осуществлении информатизации общества предполагалось решение двуединой задачи: информатизация правовой сферы — с одной стороны, и обеспечение законодательного регулирования правоотношений в сфере информатизации — с другой.

Правовую информатизацию было признано целесообразным осуществлять одновременно по следующим направлениям:

- информатизация правотворческой деятельности;
- информатизация правореализационной деятельности;
- правовое обеспечение процессов информатизации.

Положения указанной Концепции правовой информатизации России имеют научную и практическую ценность и по сей день.

Согласно подпунктам «н» и «о» пункта 26 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203, в числе направлений формирования информационного пространства знаний названы формирование и развитие правосознания граждан и их ответственного отношения к использованию информационных технологий, в том числе потребительской и пользовательской культуры, а также обеспечение создания и развития систем нормативно-правовой, информационно-консультативной, технологической и технической помощи в об-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, научный проект 18-29-16219 «Новации механизмов правотворчества и правореализации в условиях развития цифровых технологий».

нарушении, предупреждении, предотвращении и отражении угроз информационной безопасности граждан и ликвидации последствий их проявления. При этом в соответствии с подпунктами «б» и «з» пункта 29 данной Концепции для устойчивого функционирования информационной инфраструктуры Российской Федерации, в том числе, необходимо:

обеспечить поэтапный переход государственных органов и органов местного самоуправления к использованию инфраструктуры электронного правительства, входящей в информационную инфраструктуру Российской Федерации;

обеспечить единство сетей электросвязи Российской Федерации, в том числе развитие и функционирование сетей связи государственных органов и органов местного самоуправления, а также интегрированной сети связи для нужд обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка.

В правоповедении в последнее время возрастает внимание к теме робототехники и искусственного интеллекта, а также включению данной тематики в сферу права¹. Можно говорить о закладке в настоящее время основ нового научного, а затем и правового института (возможно впоследствии отрасли законодательства) «цифрового права» и «робоправа».

Принят Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» (вступает в силу с 1 октября 2019 г.), согласно которому Гражданский кодекс Российской Федерации, в частности, дополнен статьей 141.1, закрепляющей понятие цифровых прав (названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установ-

¹ См., напр.: Архипов В.В., Наумов В.Б. О некоторых вопросах теоретических оснований развития законодательства о робототехнике: аспекты воли и правосубъектности // Закон. 2017. № 5. С. 157–170; Серова О.А. Роботы как участники цифровой экономики: проблемы определения правовой природы // Гражданское право. 2018. № 3. С. 22–24; Незнамов А.В., Наумов В.Б. Стратегия регулирования робототехники и киберфизических систем // Закон. 2018. № 2. С. 69–89; Габов А.В., Хаванова И.А. Эволюция роботов и право XXI века // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 435. С. 215–233; Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2020. С. 149–155 и др.

ленным законом признакам). Согласно указанной статье, если иное не предусмотрено законом, обладателем цифрового права признается лицо, которое в соответствии с правилами информационной системы имеет возможность распоряжаться этим правом. В случаях и по основаниям, которые предусмотрены законом, обладателем цифрового права признается иное лицо. При этом переход цифрового права на основании сделки не требует согласия лица, обязанного по такому цифровому праву.

Также вышеуказанным Законом Гражданский кодекс Российской Федерации дополнен положениями о возможности выполнения требований к письменной форме сделки путем использования электронных или иных технических средств (изменения в пункт 1 статьи 160 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Разработаны и находятся на рассмотрении в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации законодательные инициативы, направленные на установление особенностей урегулирования имущественных и финансовых отношений в цифровой сфере (предусматривающие, в том числе, введение в правовой оборот таких новых правовых институтов, как «цифровой финансовый актив», «криптовалюта», «токен» и «смарт-контракт»)¹.

Совершенствование информационного взаимодействия провозглашается в качестве одной из приоритетных задач на международном уровне. В частности, согласно пунктам 1 и 2 статьи 23 Договора о Евразийском экономическом союзе (подписан в г. Астане 29 мая 2014 г.) (далее — Договор о ЕАЭС), в целях информационного обеспечения интеграционных процессов во всех сферах, затрагивающих функционирование Евразийского экономического союза (далее — ЕАЭС), разрабатываются и реализуются мероприятия, направленные на обеспечение информационного взаимодействия с использованием информационно-коммуникационных технологий и трансграничного пространства доверия в рамках ЕАЭС².

¹ См.: проект Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах». URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/419059-7>; проект Федерального закона № 419090-7 «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ». URL: <http://sozd.parliament.gov.ru/bill/419090-7> (дата обращения: 17 февраля 2019 г.).

² Основополагающие принципы информационного взаимодействия и координации его осуществления в рамках ЕАЭС, а также порядок создания и развития интегрированной информационной системы определяются согласно приложению № 3 к Договору о ЕАЭС (Протокол об информационно-коммуникационных технологиях и информационном взаимодействии в рамках Евразийского экономического союза).

При этом информационное взаимодействие при реализации общих процессов в рамках ЕАЭС планируется осуществлять с использованием интегрированной информационной системы ЕАЭС, обеспечивающей интеграцию территориально распределенных государственных информационных ресурсов и информационных систем уполномоченных органов, а также информационных ресурсов и информационных систем Евразийской экономической комиссии.

Согласно Концепции методологии систематизации и кодирования информации, а также совершенствования и актуализации общероссийских классификаторов, реестров и информационных ресурсов, утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 10 мая 2014 г. № 793-р, предполагается определение и правовое закрепление основных подходов, правил, методов и способов систематизации и кодирования информации, направленных на улучшение качества взаимодействия органов государственной власти и органов местного самоуправления с физическими и юридическими лицами, а также органов государственной власти и органов местного самоуправления между собой.

Качественные изменения в условиях цифровизации в деятельности органов публичной власти и предпринимателей выражаются в повышении степени открытости для общества их деятельности:

вводятся в эксплуатацию различные государственные и негосударственные информационные системы, появляются и совершенствуются официальные сайты с целью обеспечения возможности ознакомления заинтересованных лиц с необходимой им информацией, а также в установленных случаях — принятия участия в обсуждении проектов нормативных правовых актов¹, общественных инициатив и иных решений органов власти и организаций²;

модернизируются процессы предоставления государственных (муниципальных) услуг и осуществления государственных (муниципальных) функций с использованием информационных технологий;

¹ См.: Черногор Н.Н., Залоило М.В. Совершенствование правового регулирования общественного обсуждения проектов нормативных актов // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 4. С. 74–92.

² См.: Залоило М.В. Технологии краудсорсинга в правотворчестве в условиях цифровизации // Право и закон в программируемом обществе (к 100-летию со дня рождения Даниела Белла): сборник научных статей / отв. ред. В.В. Лазарев. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2020. С. 313–318.

вырабатываются различные формы взаимодействия органов власти и предпринимательского сообщества путем внедрения и совершенствования механизмов обсуждения нормотворческих и иных инициатив с привлечением представителей бизнес-сообщества, а также уменьшается степень властного воздействия в отдельных чувствительных для бизнеса сферах путем применения инструментов саморегулирования, государственно-частного партнерства, концессий и инвестиционных соглашений.

С учетом указанных выше условий и пронизывающих все сферы экономической, политической и правовой жизни процессов цифровизации неизбежно меняется система источников (форм) права с точки зрения изменившихся потребностей общества и государства¹.

Создание организационных, финансовых и законодательных механизмов, обеспечивающих гармонизацию научной, научно-технической, инновационной, промышленной, экономической и социальной политики, и готовность Российской Федерации к большим вызовам предполагается подпунктом «а» пункта 39 Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. № 642, на первом этапе ее реализации (2017–2019 годы).

В соответствии с подпунктами «о»–«р» пункта 26 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 (далее – Стратегия развития информационного общества), в числе направлений формирования информационного пространства знаний названы:

обеспечение создания и развития систем нормативно-правовой, информационно-консультативной, технологической и технической помощи в обнаружении, предупреждении, предотвращении и отражении угроз информационной безопасности граждан и ликвидации их последствий;

совершенствование механизмов ограничения доступа к информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено федеральным законом, и ее удаления;

совершенствование механизмов законодательного регулирования деятельности средств массовой информации и средств обеспечения доступа к информации, которые по многим признакам могут быть отнесены к средствам массовой информации, но зако-

¹ См.: Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М., 2019. С. 115–126.

подательно в настоящее время не признаются таковыми (интернет-телевидение, новостные агрегаторы, социальные сети, сайты в сети «Интернет», мессенджеры).

Согласно подпунктам «а» и «в» пункта 33 Стратегии развития информационного общества:

для решения задачи защиты данных в Российской Федерации предполагается совершенствовать нормативно-правовое регулирование в сфере обеспечения безопасной обработки информации (включая ее поиск, сбор, анализ, использование, сохранение и распространение) и применения новых технологий, уровень которого должен соответствовать их развитию и интересам общества;

в целях обеспечения функционирования социальных, экономических и управленческих систем в российском сегменте сети «Интернет» необходимо, в том числе, выработать технические и законодательные меры по предотвращению нарушений работы сети «Интернет» на территории Российской Федерации в результате целенаправленных действий.

Кроме того, в подпунктах «л» и «м» пункта 42 Стратегии развития информационного общества в числе национальных интересов в области цифровой экономики названы совершенствование антимонопольного законодательства, в том числе при предоставлении программного обеспечения, товаров и услуг с использованием сети «Интернет» лицам, находящимся на территории Российской Федерации, а также выполнение требований законодательства Российской Федерации иностранными участниками российского рынка наравне с российскими организациями.

С учетом вышеуказанного в пунктах «ж» и «и» пункта 43 Стратегии развития информационного общества в целях реализации национальных интересов в области цифровой экономики поставлены следующие задачи:

внести в законодательство Российской Федерации изменения, направленные на обеспечение соответствия нормативно-правового регулирования темпам развития цифровой экономики и устранение административных барьеров;

законодательно регламентировать доступ организаций к данным о гражданах и юридических лицах, в том числе содержащимся в государственных информационных системах, порядок обработки данных, а также порядок государственной защиты персональных данных граждан на территории Российской Федерации.

Программа «Цифровая экономика Российской Федерации», утвержденная распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р (далее — Программа «Цифровая

экономика»), разработана в целях создания организационных, финансовых и законодательных механизмов, обеспечивающих гармонизацию научной, научно-технической, инновационной, промышленной, экономической и социальной политики и готовности Российской Федерации к большим вызовам.

Согласно разделу IV указанной Программы предполагается формирование комплексного законодательного регулирования отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики.

Конкретные мероприятия в направлении нормативного регулирования развития цифровой экономики в Российской Федерации перечислены в разделе 1 предусмотренной в составе Программы «Цифровая экономика» «Дорожной карты». К числу указанных мероприятий, в частности, отнесены:

разработка концепции комплексного правового регулирования отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики;

устранение ключевых правовых ограничений в отдельных отраслях законодательства, препятствующих развитию цифровой экономики;

создание правовых условий для формирования единой цифровой среды доверия (обеспечение участников цифровой экономики средствами доверенных цифровых дистанционных коммуникаций);

формирование правовых условий для эффективного использования результатов интеллектуальной деятельности в условиях цифровой экономики;

адаптация антимонопольного законодательства к потребностям цифровой экономики;

обеспечение условий для внедрения и использования инновационных технологий на финансовом рынке, а также для внедрения и использования технологий децентрализованного ведения реестров и удостоверения прав;

формирование правовых условий для внедрения новых правил сбора отчетности, в том числе статистической информации, включающих дублирование собираемой информации, предусматривающих способы ее дистанционного получения и направленных на обеспечение потребностей общества и государства необходимыми данными в режиме реального времени;

формирование правовых условий для защиты прав потребителей в условиях цифровой экономики;

обеспечение комплексного правового регулирования отношений, возникающих в связи с развитием цифровой экономики;

принятие нормативных правовых актов в целях стимулирования развития цифровой экономики;

формирование правовых условий для функционирования специальных правовых режимов, создающих условия для максимально комфортного развития организаций, обеспечивающих деятельность в приоритетных видах деятельности цифровой экономики, в том числе экономическую деятельность по сбору и использованию данных;

принятие методических документов для развития компетенций юристов в сфере цифровой экономики и для развития компетенций государственных служащих и иных лиц, участвующих в процессе подготовки, принятия и применения нормативных правовых актов в сфере цифровой экономики.

В литературе подчеркивается, что в нынешние времена цифровой революции прежнее нормативно-правовое регулирование различных сфер социальной жизни нуждается в существенной модернизации: наступило время конкретизации прав и свобод человека применительно к цифровой реальности, в том числе «цифровых прав» (права людей на доступ, использование, создание и публикацию цифровых произведений, на использование в различных целях электронных устройств и коммуникационных сетей, включая сеть Интернет)¹. При этом в качестве одной из форм систематизации в соответствии с потребностями времени информационного законодательства рассматривается принятие Информационного кодекса, концепция проекта которого подготовлена Институтом государства и права Российской академии наук в 2014 г.

С учетом необходимости поиска баланса частных и публичных интересов, при установлении механизмов правового регулирования сферы цифровых технологий следует учитывать ее технологическую сложность и многоаспектность, что приводит к недостаточной возможности точного прогнозирования позитивных или негативных экономических и социальных эффектов цифровизации конкретной сферы общественных отношений. Это предопределяет необходимость проведения при установлении мер правового регулирования цифровых правоотношений правовых экспериментов².

¹ См.: Зорькин В.Д. Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума // Российская газета. 30 мая 2018 г. № 115 (7578).

² См.: Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма: ИНФРА-М, 2020. С. 60–65.

В частности, согласно основным направлениям реализации цифровой повестки¹ Евразийского экономического союза до 2025 года, утвержденным решением Высшего Евразийского экономического совета от 11 октября 2017 г. № 12 (далее — Основные направления), предполагается создание «регулятивных песочниц» в качестве специально согласованных режимов проработки и пилотирования решений, в том числе регуляторных, для определения эффективной модели взаимодействия и построения бизнес-процессов в какой-либо новой сфере регулирования. При этом такую «регулятивную песочницу» предполагается использовать в первую очередь для проработки механизмов и правил регулирования экономических процессов в рамках цифровых инициатив и проектов.

Указанная цифровая повестка реализуется в ЕАЭС в сферах экономического сотрудничества, определенных Договором о ЕАЭС, и не ограничивается только применением информационно-коммуникационных технологий, а предполагает также использование новых бизнес-процессов, цифровых моделей и создание цифровых активов.

При этом в числе общих подходов к реализации цифровой повестки, указанных в разделе II Основных направлений, названы совершенствование права ЕАЭС с учетом тенденций глобальной цифровой трансформации и выработка эффективных механизмов реализации проектов и накопления компетенций.

В главе 3 раздела III Основных направлений цифровая трансформация процессов управления интеграционными процессами в ЕАЭС включает в себя в том числе введение этапа предварительного моделирования процессов при подготовке нормативных документов с последующим переходом к алгоритмическому регулированию.

Специальным проектом в данном направлении являются расширение возможностей интегрированной информационной системы ЕАЭС и развитие на ее основе цифровой платформы ЕАЭС, а также создание государствами-членами необходимых сервисов для хозяйствующих субъектов и граждан, обеспечение хозяйствующим субъектам, гражданам и бизнес-сетям доступа к межгосударственным

¹ Согласно определению, приведенному в главе 2 раздела I Основных направлений, цифровая повестка представляет собой круг актуальных для ЕАЭС вопросов по цифровой трансформации в рамках развития интеграции, укрепления единого экономического пространства и углубления сотрудничества государств-членов, определенный в Заявлении о цифровой повестке Евразийского экономического союза от 26 декабря 2016 года и Основных направлениях.

электронным услугам (цифровым услугам), создание условий для использования цифровых платформ при межгосударственном информационном взаимодействии, развития цифровых экосистем, формирования системы единой нормативно-справочной информации.

В целях внедрения в России вышеуказанного механизма «регулятивных песочниц» в цифровой сфере Минэкономразвития России разработан проект Федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации», которым предполагается определить порядок инициирования, установления, реализации, мониторинга реализации, оценки результативности экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций, состоящих во временном адресном контролируемом установлении экспериментального (в отсутствие существующего или отличающегося от существующего) нормативного правового регулирования для применения цифровых инноваций или осуществляемой с их использованием деятельности в Российской Федерации.

Согласно статье 4 указанного законопроекта экспериментальный правовой режим в сфере цифровых инноваций будет устанавливаться в целях:

оценки возможности возникновения вследствие установления нового правового регулирования, в том числе изменения правового регулирования с имеющегося на предусмотренное экспериментальным правовым режимом, рисков для охраняемых Конституцией Российской Федерации и федеральными законами ценностей;

оценки полезности внедрения цифровой инновации в предлагаемом экспериментальным правовым режимом формате в общественные отношения;

оценки соразмерности рисков от предусмотренного экспериментальным правовым режимом правового регулирования и полезности внедрения цифровой инновации;

отработки оптимальных вариантов будущего правового регулирования соответствующих общественных отношений;

определения возможных положительных и (или) отрицательных последствий введения нового правового регулирования в отношении проектов актов с трудно прогнозируемыми последствиями их принятия для субъектов предпринимательской и иной экономической деятельности.

Следует отметить, что помимо правового регулирования и сопутствующих ему традиционных источников права (нормативный пра-

овой акт, прецедент, правовой обычай) в системе регулирования цифровых правоотношений значительное место занимают также положения, устанавливаемые субъектами саморегулирования. В частности, применительно к субъектам интернет-отношений ученые отмечают, что при осуществлении ими саморегулирования своих отношений основное значение имеют общая культура, моральные и нравственные принципы, правосознание, правовое воспитание, юридические знания, образование и психология. При этом мораль (нравственность) в виртуальном пространстве выступает как совокупность действующих и общепризнанных в разных государствах норм интернет-права, правил поведения, согласно которым одни поступки субъектов интернет-отношений расцениваются как правильные, заслуживающие одобрения, другие — как недопустимые, вызывающие осуждение, порицание¹.

С учетом вышеизложенного можно сделать вывод о том, что правовые основы (источники) цифровой трансформации российского законодательства представляют собой разветвленную систему стратегических документов, нормативных правовых актов и норм саморегулирования, задачей которых является регламентация правил поведения участников «цифровых» отношений. Развитие названной системы зависит от реальных потребностей цифровой модернизации технологической сферы общества, политических приоритетов и интересов бизнеса.

Список использованной литературы

1. *Залоило М.В.* Технологии краудсорсинга в правотворчестве в условиях цифровизации [Текст] / М.В. Залоило // Право и закон в программируемом обществе (к 100-летию со дня рождения Даниела Белла): сборник научных статей / отв. ред. В.В. Лазарев. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2020.
2. *Залоило М.В.* Национальный правопорядок России в условиях цифровизации [Текст] / М.В. Залоило, Д.А. Пашенцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2019. — № 2.
3. *Зорькин В.Д.* Право в цифровом мире. Размышление на полях Петербургского международного юридического форума [Текст] / В.Д. Зорькин // Российская газета. — 30 мая 2018 г. — № 115 (7578).
4. *Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка* [Текст]: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019.

¹ См.: Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. М., 2009.

5. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона) [Текст] / рук. авт. коллектива Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2019.
6. *Рассолов И.М.* Право и Интернет. Теоретические проблемы [Текст] / И.М. Рассолов. — М., 2009.
7. Современные юридические технологии в правотворчестве [Текст]: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. — М., 2020.
8. Философия права [Текст]: учебное пособие / отв. ред. Н.Н. Черногор, О.Ю. Рыбаков; Ин-т законодат. и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. — М.: Статут, 2018.
9. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений [Текст]: монография / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. — М., 2019.
10. *Черногор Н.Н.* Совершенствование правового регулирования общественного обсуждения проектов нормативных актов [Текст] / Н.Н. Черногор, М.В. Залоило // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2018. — № 4.

СИСТЕМНОЕ УПОРЯДОЧЕНИЕ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ И ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЕЕ ВЕРИФИКАЦИИ

Тема систематизации в юриспруденции получила свое развитие в отношении нормативных правовых актов, в первую очередь законодательных. Систематизация законодательства представляет собой упорядочение правовой системы, группировку правовых норм по определенной схеме, осуществляемые для целей дальнейшего развития законодательства¹.

Как известно, систематизация осуществляется в таких формах, как учет, инкорпорация, консолидация и кодификация. При этом учет является простейшей формой систематизации, предполагающей сбор, расположение по рубрикам, каталогизирование правового материала². Инкорпорация — это внешнее упорядочение действующих нормативных правовых актов, заключающееся в их объединении в своды, сборники в определенном порядке (алфавитном, хронологическом и пр.) без изменения их содержания³. В отличие от инкорпорации консолидация заключается в объединении нескольких нормативных правовых актов в один укрупненный акт без изменения содержания⁴. В свою очередь, кодификация — это наиболее сложная форма систематизации, предполагающая создание единого, внутренне согласованного и логически цельного нормативного правового акта, выражающего специфику обособленного подразделения системы права⁵.

В настоящее время проблемы систематизации актуальны не только для российского законодательства⁶, но и для иных элементов правовой системы страны, включая судебную практику. Конституцией Российской Федерации и федеральными консти-

¹ Систематизация законодательства в Российской Федерации / под ред. А.С. Пиголкина. СПб., 2003. С. 30.

² Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. М., 1982. С. 254.

³ Алексеев С.С. Государство и право. Начальный курс. М., 1994. С. 125.

⁴ Систематизация законодательства как способ его развития / отв. ред. В.А. Сивицкий. М., 2010. С. 15–16.

⁵ Систематизация законодательства в Российской Федерации. С. 44; Теоретические вопросы систематизации советского законодательства / под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самощенко. М., 1962. С. 10–12.

⁶ См., например: Залоило М.В. Проблемы инкорпорации правовых актов СССР и РСФСР в современное российское законодательство // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 24–36; Он же. Проблемы обеспечения качества закона // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 154–160.

туционными законами¹ предусмотрено полномочие Верховного Суда по изучению, обобщению и разъяснению судебной практики в целях обеспечения единообразного применения законодательства Российской Федерации.

В связи с этим большое значение имеет упорядочение практики судебных органов власти, обеспечивающее возможность ознакомления с ней. При этом такое упорядочение актуально не только для Верховного Суда РФ, который впоследствии обобщает судебную практику, но и для граждан, организаций, адвокатов, участвующих в судебном процессе, а также вообще для всех субъектов права, вступающих в регулируемые правом общественные отношения, поскольку, по нашему мнению, судебная практика является важнейшим источником права, хотя формально в России не отнесена к таковым².

Вместе с тем судебная практика, выраженная в форме разъяснений Пленума Верховного Суда РФ, обязательна не только для судебных органов, но и для физических, юридических лиц, органов государственной власти и местного самоуправления и их должностных лиц. В надзорном производстве нарушение выраженного в разъяснениях Верховного Суда РФ единообразия в толковании и применении судами норм права является согласно положениям процессуального законодательства основанием для отмены или изменения судебных постановлений. Помимо этого, изучение и обобщение материалов судебной практики позволяет Верховному Суду РФ обнаружить пробелы, коллизии и иные дефекты действующего законодательства, а также сформулировать предложения по их устранению.

Однако в настоящее время отсутствует единая официальная база судебной практики, которая была бы удобна для использования и поиска релевантной информации.

Функционирующая государственная автоматизированная система «Правосудие» (ГАС «Правосудие») содержит раздел «Поиск по делам и судебным актам», но сам поиск усложнен, осо-

¹ Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»; Федеральный конституционный закон от 05.02.2014 № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации».

² Власенко Н.А., Залоило М.В. Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики // Журнал российского права. 2016. № 8. С. 43–57; Черногор Н.Н., Залоило М.В. Актуальные проблемы правотворчества: учебное пособие. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 2018. С. 71 и др.

бенно в том случае, если требуется информация не по конкретному делу, а по определенной правовой тематике, в частности, для анализа и обобщения судебной практики в целях проведения научно-правового исследования, правового консультирования. Для поиска в ГАС «Правосудие» в обязательном порядке требуется определить регион нахождения и наименование суда, при этом в форме представлены не все субъекты Российской Федерации (перечислены лишь Республика Карелия, Удмуртская Республика, Краснодарский, Приморский края, Вологодская, Курганская, Новгородская, Орловская, Самарская, Свердловская области), не по всем делам имеются в свободном доступе судебные акты.

Конечно, существуют всем известные справочные правовые системы «КонсультантПлюс», «Гарант», где помимо нормативных правовых актов федерального и регионального уровней (действующих и утративших силу), представленных в актуальной редакции, а также в редакциях, утративших силу, систематизирована практика их применения судами (преимущественно арбитражная), а также юридическая доктрина, представлены конструкторы договоров и иная правовая информация. Такие неофициальные, коммерческие справочные правовые системы наряду со своими очевидными достоинствами (поиск материала по многим параметрам, кросс-отраслевые ссылки и пр.) имеют и недостатки, о чем говорят известные правоведа¹. К числу таких недостатков отнесен как раз неофициальный характер указанных баз данных, потенциальные неточности и ошибки, сложность верификации включенной в них правовой информации, определения соответствия «цифрового двойника» официальному тексту².

В связи с этим следует поддержать идею создания единой официальной общероссийской электронной платформы, аккумулирующей проектируемые и действующие нормативные правовые акты и практику их реализации, включая судебную практику³. При этом возможно опубликование на этой платформе и графических копий

¹ См.: Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 98–100.

² Там же. С. 99.

³ См.: Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. М., 2020. С. 159; Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М., 2019. С. 114; Черногор Н.Н., Залоило М.В. Правовой мониторинг: инструментальная ценность и векторы развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2018. № 3. С. 8–21.

судебных решений, что позволит обеспечить надлежащую степень верификации информации о судебной практике.

Список использованной литературы

1. *Алексеев С.С.* Государство и право. Начальный курс [Текст] / С.С. Алексеев. — М., 1994.
2. *Алексеев С.С.* Общая теория права [Текст]. Т. 2 / С.С. Алексеев. — М., 1982.
3. *Власенко Н.А.* Конкретизация и толкование права как творческое содержание судебной практики [Текст] / Н.А. Власенко, М.В. Залоило // Журнал российского права. — 2016. — № 8.
4. *Залоило М.В.* Проблемы инкорпорации правовых актов СССР и РСФСР в современное российское законодательство [Текст] / М.В. Залоило // Журнал российского права. — 2017. — № 10.
5. *Залоило М.В.* Проблемы обеспечения качества закона [Текст] / М.В. Залоило // Журнал российского права. — 2017. — № 1.
6. Систематизация законодательства в Российской Федерации [Текст] / под ред. А.С. Пиголкина. — СПб., 2003.
7. Систематизация законодательства как способ его развития [Текст] / отв. ред. В.А. Сивицкий. — М., 2010.
8. Современные юридические технологии в правотворчестве [Текст]: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. — М., 2020.
9. Теоретические вопросы систематизации советского законодательства [Текст] / под ред. С.Н. Братуся и И.С. Самошенко. — М., 1962.
10. *Хабриева Т.Я.* Право в условиях цифровой реальности [Текст] / Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор // Журнал российского права. — 2018. — № 1.
11. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений [Текст]: монография / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. — М., 2019.
12. *Черногор Н.Н.* Правовой мониторинг: инструментальная ценность и векторы развития [Текст] / Н.Н. Черногор, М.В. Залоило // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. — 2018. — № 3.
13. *Черногор Н.Н.* Актуальные проблемы правотворчества [Текст]: учеб. пособие / Н.Н. Черногор, М.В. Залоило. — М., 2018.

**УЧАСТИЕ ОТДЕЛЬНЫХ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА
В КОДИФИКАЦИИ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА:
ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ СОВЕТСКОГО ОПЫТА И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ**

Современное российское законодательство характеризуется высокой динамикой его развития. Увеличение числа законодательных актов обусловлено во многом расширением сферы законодательного регулирования, возникновением новых направлений общественных отношений, требующих правовой регламентации. Данные обстоятельства с учетом необходимости периодического обновления традиционных сфер законодательства с заменой устаревших и малоэффективных норм доказывают необходимость дальнейшей работы по упорядочиванию и систематизации отечественного законодательства, в том числе в высшей его форме — кодификации. Как известно, без последовательного упорядочивания законодательства и повышения степени его кодифицированности ориентирование в законодательном массиве, даже состоящем из хороших законов, будет затруднено¹.

Практически всегда в процессе кодификации законодательства приходится решать проблему обеспечения актуальности положений кодификационного акта, отражения им социально-экономических и культурно-идеологических изменений в обществе, влияющих на характер общественных отношений, которые подлежат урегулированию². Представляется, что одним из потенциальных способов обеспечения актуальности готовящихся кодификационных актов является использование при их подготовке возможностей институтов гражданского общества, позволяющее согласовать задачи государственной законодательной политики с имеющимися общественными запросами³.

¹ Рахманина Т.Н. Актуальные вопросы кодификации российского законодательства // Журнал российского права. 2008. № 4. С. 39.

² Абрамова А.И. Кодификация российского законодательства: современность и перспективы развития // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 29.

³ В юридической науке под институтом гражданского общества понимается способ коммуникации власти и общества; обусловленный принципами народовластия и приоритета прав и свобод человека и гражданина структурно-правовой способ легального самовыражения и социализации личности; способ непосредственного выражения мнений, предложений позиций граждан по вопросам общественной жизни; способ прямого участия в принятии социально значимых решений (см.: Тихомиров Ю.А. Гражданское общество в фокусе права // Журнал российского права. 2013. № 10. С. 39).

Такие институты гражданского общества, как субъекты общественного контроля, в частности Общественная палата России, на которые возложены функции по общественной проверке, анализу и общественной оценке актов, издаваемых органами государственной власти и органами местного самоуправления и др., могут быть непосредственно задействованы при подготовке кодифицирующих актов.

Также в ходе кодификации законодательства с успехом может применяться институт публичного обсуждения, которое в советский период нашей истории было известно под названием «всенародное обсуждение» и применялось в том числе к кодифицирующим актам¹.

В сравнении с работой общественных палат публичное обсуждение имеет свои положительные и отрицательные стороны. С одной стороны, сама природа публичного обсуждения и отсутствие какого-либо отбора при привлечении граждан к публичному обсуждению создают проблемы, связанные с отсутствием у них специальных знаний, слабым владением юридическим языком, а также децентрализованным и спонтанным характером формулирования предложений к проекту нормативного правового акта². С другой стороны, публичное обсуждение позволяет максимально расширить круг участников подготовки проекта нормативного правового акта и привлечь к законотворческому процессу лиц, общественные отношения с участием которых и призван регулировать готовящийся закон³. Кроме того, сущность публичного обсуждения как одного из институтов непосредственной демократии позволяет повысить авторитет и общественную значимость нормативного правового

¹ В частности, через всенародное обсуждение прошли такие кодифицирующие акты, как Основы земельного законодательства 1968 г. (утверждены Законом СССР от 13.12.1968 № 3401-VII) и Основы водного законодательства 1970 г. (утверждены Законом СССР от 10 декабря 1970 года).

² Базыкин А.Ю., Залоило М.В. Новейшие технологии общественного конструирования и редактирования текста юридического документа (проекта нормативного правового акта): современное состояние и тенденции развития // Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. С. 48.

³ Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Норма, 2020. С. 114 и др.

акта, что особенно важно для кодифицирующих актов ввиду их ключевого положения в системе национального законодательства.

При этом институт публичного обсуждения зависит от вовлеченности участников и его популярности в обществе. Процедура обсуждения может быть успешной только при условии, что значительная часть граждан готова посвятить ей свое время и видит пользу личную либо общественную от своего участия. Необходимый уровень вовлеченности может быть достигнут как с помощью работы других институтов гражданского общества, таких как СМИ и общественные организации, так и с помощью современных информационных и телекоммуникационных технологий, в частности, сети Интернет, которые позволяют значительно упростить и усовершенствовать процедуру публичного обсуждения¹.

Таким образом, институты гражданского общества могут сыграть важную положительную роль в процессе дальнейшей кодификации российского законодательства, позволив сделать его соответствующим духу времени и чаяниям общества.

Список использованной литературы

1. *Абрамова А.И.* Кодификация российского законодательства: современность и перспективы развития [Текст] / А.И. Абрамова // Журнал российского права. — 2016. — № 12.
2. *Базыкин А.Ю.* Новейшие технологии общественного конструирования и редактирования текста юридического документа (проекта нормативного правового акта): современное состояние и тенденции развития [Текст] / А.Ю. Базыкин, М.В. Залоило // Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. — 2019.
3. *Залоило М.В.* Национальный правопорядок России в условиях цифровизации [Текст] / М.В. Залоило, Д.А. Пашенцев // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. — 2019. — № 2.
4. *Рахманина Т.Н.* Актуальные вопросы кодификации российского законодательства [Текст] / Т.Н. Рахманина // Журнал российского права. — 2008. — № 4.
5. *Современные юридические технологии в правотворчестве [Текст]: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. — М., 2020.*
6. *Тихомиров Ю.А.* Гражданское общество в фокусе права [Текст] / Ю.А. Тихомиров // Журнал российского права. — 2013. — № 10.

¹ Залоило М.В., Пашенцев Д.А. Национальный правопорядок России в условиях цифровизации // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2019. № 2.

Раздел II

СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОТРАСЛЕВОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА: НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ ТРАДИЦИИ И НОВАЦИИ

ДОРСКАЯ Александра Андреевна

СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ 1649 ГОДА И ПРОБЛЕМЫ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ИСТОЧНИКОВ ЦЕРКОВНОГО ПРАВА

Согласно классическому подходу при исследовании причин принятия Соборного уложения 1649 г., в основном, выделяются внутригосударственные события и тенденции, а именно — городские восстания, начавшиеся против отдельных представителей царской администрации в 1648 г. И хотя данная точка зрения сохраняется до сих пор¹, по нашему мнению, огромное значение имела также внешнеполитическая составляющая.

Соборное уложение — памятник права, принимавшийся в очень сложный и даже драматический период общеевропейской и даже мировой истории. В 1648 г. состоялся Вестфальский конгресс, который подвел итоги Тридцатилетней войны, ставшей первой общеевропейской войной. Началось формирование нового порядка в Европе, основанного на развитии теории Ж. Бодена о государственном суверенитете, понимаемой, правда, в основном, как суверенитет монарха от Церкви.

Существуют разные сведения об участии Московского государства в данной войне. Большинство исследователей считают, что война, которую вела Россия за возвращение Смоленских и Черниговских земель в 1632–1634 гг., способствовала победе Франции и Швеции в Тридцатилетней войне, поскольку в период осады Смоленска были оттянуты силы Габсбургов. Ю.Я. Баскин и Д.И. Фельдман в своей знаменитой «Истории международного права» отмечали, что Московия выступила на стороне Франции

¹ Куница Е.В., Куница В.В., Девятова Н.В., Новосельская Н.А., Кривенцов М.А., Куница В.Н., Егоров Г.Н. Предпосылки Соборного уложения 1649 года // Наука сегодня: опыт, традиции, инновации. Материалы международной научно-практической конференции. Вологда: Маркер, 2016. С. 136–138.

и даже есть сведения о том, что в качестве военной помощи был отправлен конный отряд¹.

То, что Россия восприняла идею государственного суверенитета в трактовке Вестфальского мира, доказывает тот факт, что параллельно с проектом церковной реформы, разрабатываемой патриархом Иосифом, свой, «светский» проект создал «кружок ревнителей благочестия» во главе со Стефаном Внифатьевым, в который входил, в том числе, царь Алексей Михайлович. Это соответствовало тому, что происходило в Европе в рамках установления Вестфальской системы, т.к. основным результатом войн «конфессионального века» (с середины XVI до середины XVII в.) стала секуляризация религии и политики².

Последовавшая реформа патриарха Никона также была в русле данного процесса, т.к. государство через введение единообразных церковных обрядов решало целый комплекс внешнеполитических и внутривнутриполитических проблем.

Как известно, в Соборном уложении впервые в истории российского права была предложена классификация преступлений, в том числе религиозных. Современные исследователи отмечают многослойность Соборного уложения, переплетение в нем правовых и религиозных идей³. Его нормы опирались и на Священное Писание, и на правила Святых Апостол и Святых Отцов⁴. Тот факт, что Соборное уложение начинается с главы I «О богохульниках и о церковных мятежниках», также свидетельствует, что Российское государство восприняло идею Вестфальского конгресса о государственном суверенитете. Систематизация преступлений против Церкви позволила выделить такие виды, как богохульство, прерывание службы, оскорбление патриарха, митрополита, архиепископов и других священнослужителей, убийства и драки в церковных зданиях, подача челобитных Государю в церкви и т.д.⁵

¹ Баскин Ю.Я., Фельдман Д.И. История международного права. М.: Международные отношения, 1990. С. 97.

² Ивонина Л.И. Суверенитет и власть в Европе после Вестфальского мира // *Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени*. 2019. Т. 5. № 1. С. 102.

³ Зипунникова Н.Н. Соборному уложению — 360 лет // *Академический юридический журнал*. 2009. № 3 (37). С. 56.

⁴ Федорова А.Н. Соборное уложение 1649 г. в системе источников права // *Вестник Самарского юридического института*. 2014. № 3 (14). С. 58.

⁵ Соборное уложение 1649 г. // *Полное собрание законов Российской империи. Собрание I*. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии, 1830. Т. 1. № 1. С. 3.

Вопрос об источниках церковного права снова остро встал, когда Второе отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии начало работу по систематизации российских нормативно-правовых актов. Служащий Святейшего Синода Я. Гиновский предпринял первую попытку объединения и приведения в некоторую систему церковного законодательства, издав в 1827–1828 гг. первую и вторую части «Оглавления законов Греко-российской Церкви»¹. Однако все закончилось арестом тиража, т.к. против такой систематизации резко выступил митрополит Московский и Коломенский Филарет (Дроздов), считавший невозможной совместную публикацию церковных и гражданских законов².

Концепция включения религиозных преступлений в источники светского права была реализована в Своде законов Российской империи. Преступления против веры составили раздел II книги I тома XV. К ним были отнесены: богохульство и порицание веры; вероотступничество и отступление от веры; любая принадлежность к ересьям и расколу; мошенничество в отношении проявления чудес; колдовство и чародейство; разнообразные действия по нарушению благочиния в церквях; святотатство, к которому были отнесены как кража церковных денег, так и разрытие могил, похищение вещей погребенных.

Когда Свод законов Российской империи был подготовлен, встал вопрос о дальнейшей систематизации источников церковного права. Обер-прокурор Святейшего Синода С.Д. Нечаев, получив разрешение Императора Николая I, в марте 1835 г. поручил провести систематизацию синодального архива с точки зрения подготовки выборки постановлений, прямо или косвенно относящихся к вопросам церковного управления. Понимая всю сложность и важность данной работы, М.М. Сперанский, будучи фактическим руководителем кодификационных работ Второго отделения, поручил данный проект А.П. Куницыну, который с 1828 г. работал в комиссии для составления законов.

Работа заняла достаточно большое время и была закончена только в 1839 г. Несмотря на то, что сменивший в 1836 г. С.Д. Нечаева на посту обер-прокурор Н.А. Протасов, в целом, не возражал против завершения данной систематизации и даже отмечал, что Святейшему Синоду теперь будет легче получать различные исторические справки, он считал, что результаты работы должны

¹ Гиновский Я.М. Оглавление законам греко-российской церкви. В 3 ч. СПб.: Синодальная типография, 1827–1828. Ч. 1. 135 с. Ч. 2. 146 с.

² Белякова Е.В. Церковный суд и проблемы церковной жизни. М.: Культурный центр «Духовная библиотека», 2004. С. 25.

оставаться только для служебного пользования и ни в коем случае официально не публиковаться. Вкладом самого графа Н.А. Протопова в процесс систематизации источников церковного права стало возобновление работы, которую Святейший Синод начал в 1734 г., но затем приостановил, по изданию на двух языках — русском и греческом — важнейших канонических постановлений Православной Церкви¹.

Понимая всю сложность и деликатность проблемы, М.М. Сперанский начал реализацию предложенной формы обнародования результатов систематизации источников церковного права. Еще в 1834 г. увидело свет новое издание Кормчей книги в Никоновской редакции. Таким образом, перевод и толкование Номоканона показывал важность положений данного источника византийского права, хотя он относился к VI веку и появился в Древнерусском государстве еще в период крещения. Затем работа продолжилась. В 1839 г. была издана Книга правил Святых Апостол, вселенских и поместных соборов и Святых Отцов. Издание было подготовлено на греческом и русском языках.

В 1841 г. в Уставе Духовных консисторий впервые Соборное уложение 1649 г. не называлось среди источников церковного права, теперь первым светским действующим источником считался Духовный регламент 1721 г. Естественно, что это был результат работы Второго отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии по систематизации российских нормативно-правовых актов в целом. В статье 6 Устава действующие источники права Русской Православной Церкви были определены в следующем порядке. Закон Божий, правила Святых Апостол, святых вселенских и поместных соборов и святых отцов составили церковные источники. Среди источников позитивного права, регулировавших вопросы церковной жизни, были выделены Духовный регламент 1721 г., указы императоров, затрагивавшие церковные вопросы, определения Святейшего Синода, другие действующие узаконения государства по делам Церкви.

Однако идеи, заложенные в Соборном уложении 1649 г., продолжали развиваться в отношении закрепления религиозных преступлений в нормативно-правовых актах государства. Раздел второй Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. имел название — «О преступлениях против веры и о нару-

¹ Чистович И.А. Рецензия на «Историю Московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870)» С. Смирнова. СПб.: Типография Академии Наук, 1880. С. 12.

шении ограждающих веру оную постановлений». Преступления против Церкви, как и в Уложении 1649 г., занимали первенствующую позицию в классификации преступлений. Если учесть, что первый раздел Уложения о наказаниях содержал исключительно положения общей части уголовного права, а третий раздел был посвящен преступлениям против государства, то становится понятно, какое значение религиозным преступлениям придавал законодатель. Они рассматривались как преступления против государственной идеологии, в которой одним из важнейших пунктов было признание Русской Православной Церкви «первенствующей и господствующей». Таким образом, Соборное уложение 1649 г. никоим образом не противоречило теории официальной народности и содержащейся в ней идее о трех основах жизни российского государства и общества — православие, самодержавие, народность.

Раздел Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. о преступлениях против веры был разбит на пять глав. Фактически они соответствовали той классификации религиозных преступлений, которая была предложена в Своде законов Российской империи¹.

При составлении Уголовного уложения 1903 г. авторы максимально попытались убрать канонический «компонент» и сосредоточиться на уголовно-правовом. Несмотря на то, что система преступлений против веры подверглась значительным изменениям, однако, в целом, подход сочетания светского и церковного начал, примененный в Соборном уложении 1649 г., сохранился. С одной стороны, Н.С. Таганцев и И.Я. Фойницкий как главные составители Уложения оставили многие составы преступлений, которые были определены в более ранних источниках (богохульство, осмеяние религиозных верований, нарушение уважения к усопшим и т.д.). С другой стороны, большое внимание было уделено религиозной свободе, которая еще не была облечена в известную со времен эпохи Просвещения формулу свободы совести, но уже активно обсуждалась на научном уровне. В частности, к преступлениям против веры относилось нарушение свободы ее отправления, которое выражалось в принуждении к выполнению какого-либо религиозного действия или в воспрепятствовании таковому.

Однако, в целом, необходимо констатировать, что кодификации норм церковного права в Российской империи так и не произошло.

¹ Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его императорского Величества канцелярия, 1846. Т. XX. Отделение I. С. 628–644.

В этой связи огромную роль играли доктринальные источники — систематизации источников церковного права, которые предлагали светские и церковные специалисты в области церковного права.

Мнения ученых-канонистов относительно места Соборного уложения 1649 г. среди источников церковного права разделились.

Так, архимандрит Гавриил, написавший первую специальную работу по церковному праву в России в 1844 г., считал, что источники церковного права делятся на две большие группы: 1) первоначальные, к которым относились как церковные, так и светские источники, причем перечень последних начинался с Духовного регламента 1721 г., и 2) вспомогательные — сочинения древних церковных писателей, произведения митрополита московского и коломенского Филарета и епископа Иннокентия, систематическое и хронологическое изложение прав прочих церквей¹. Таким образом, в первой специальной работе по церковному праву в России Соборного уложения не было среди источников церковного права.

Эту идею поддерживали и исследователи более позднего времени. К примеру, митрополит Макарий делил источники церковного права на основные, исторические и практические, однако даже во второй группе источников отсутствовало Соборное уложение 1649 г.²

Однако существовал и другой подход к этой проблеме. Например, известный российский ученый-канонист, профессор Юрьевского университета М.Е. Красножен считал, что источники церковного права нужно разделить на три группы. К первой он относил источники, которые появились на Руси из Византии вместе с христианской религией (Номоканон VI в., переводы которого получили название Кормчих книг; Эклога 726 г. и Прохирон 879 г.). Вторую группу составляли решения соборов русских епископов: постановления Собора во Владимире на Клязьме 1274 г., Московского собора 1503 г., Стоглавого собора 1551 г., Московского собора 1620 г., Большого Московского собора 1666–1667 гг., а также определения Святейшего Синода. Наконец, третью группу составляло государственное законодательство по делам церкви от церковных уставов великий князей Владимира Святого и Ярослава Мудрого до Устава

¹ Гавриил, архимандрит. Понятие о церковном праве и его история. Казань: Университетская типография, 1844. С. 7–9.

² Макарий. Введение в православное богословие. СПб.: Типография Е. Фишера, 1847. С. 674.

Духовных консисторий редакции 1883 г.¹ Естественно, что среди данных источников почетное место занимало Соборное уложение 1649 г., что подчеркивает, что даже в XIX веке оно рассматривалось как важный источник регулирования церковной жизни.

Необходимо отметить, что Соборное уложение 1649 г. серьезно повлияло на развитие церковно-судного права. Как отмечает В.Д. Черных, именно с Уложения право судить церковных людей по гражданским и уголовным делам было отнято у всех иерархов, кроме Патриарха (глава XII)². Это привело к тому, что судебные прецеденты церковных судов не стали источниками церковного права. В частности, о них ничего не говорилось в уже упоминавшейся статье 6 Устава духовных консисторий 1841 г. И это при том, что духовные консистории были созданы при епископах еще в 1744 г. как присутственные места для осуществления управления и духовного суда³.

Когда в годы Первой российской революции в раках Высочайше утвержденного Предсоборного совещания при Святейшем Синоде была создана специальная комиссия для разработки проекта Церковного судейника, встал вопрос об источниках церковного права и их системе. В статье 12 подготовленного проекта закреплялся такой же перечень источников, как и в статье 6 Устава духовных консисторий 1841 г.⁴

Таким образом, можно считать, что вплоть до начала XX века, когда в Уголовном уложении 1903 г. был изменен взгляд на саму юридическую природу религиозных преступлений, продолжала развиваться линия, заложенная в Соборном уложении 1649 г.: государство боялось кодифицировать нормы церковного права, имеющие как канонический, так и государственный, позитивный характер, и включало церковно-правовые нормы в светские источники права. Систематизация источников церковного права имела

¹ Красножен М.Е. Краткий очерк церковного права. Юрьев: Типография К. Маттисена, 1900. С. 37–42.

² Черных В.Д. Государственная политика по отношению к Русской Православной Церкви в положениях Соборного уложения 1649 г. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 5–4 (11). С. 211.

³ Устав духовных консисторий от 27.03.1841 // Полное собрание законов Российской империи. Собрание II. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Его императорского Величества канцелярия, 1842. Т. XI. № 14409.

⁴ Комиссия Высочайше утвержденного Предсоборного совещания при Святейшем Синоде. Церковный судейник. Б/м., б/г. С. 3.

для России большое теоретическое и практическое значение, однако не была завершена в дореволюционный период, т.к. затрагивала важнейшие вопросы государственно-правовой жизни страны, включая официальную идеологию и ее положение на международной арене.

Список использованной литературы

1. *Баскин Ю.Я.* История международного права [Текст] / Ю.Я. Баскин, Д.И. Фельдман. — М.: Международные отношения, 1990.
2. *Белякова Е.В.* Церковный суд и проблемы церковной жизни [Текст] / Е.В. Белякова. — М., 2004.
3. *Гавриил, архимандрит.* Понятие о церковном праве и его история [Текст] / архимандрит Гавриил. — Казань: Университетская типография, 1844.
4. *Гиновский Я.М.* Оглавление законам греко-российской церкви [Текст]: в 3 ч. Ч. 1, 2 / Я.М. Гиновский. — СПб.: Синодальная типография, 1827–1828.
5. *Зипунникова Н.Н.* Соборному уложению — 360 лет [Текст] / Н.Н. Зипунникова // Академический юридический журнал. — 2009. — № 3 (37).
6. *Ивошина Л.И.* Суверенитет и власть в Европе после Вестфальского мира [Текст] / Л.И. Ивошина // Proslogion: Проблемы социальной истории и культуры Средних веков и раннего Нового времени. — 2019. — Т. 5. — № 1. — С. 102.
7. *Красножен М.Е.* Краткий очерк церковного права [Текст] / М.Е. Красножен. — Юрьев, 1900.
8. *Куница Е.В.* Предпосылки Соборного уложения 1649 года [Текст] / Е.В. Куница, В.В. Куница, Н.В. Девятова, Н.А. Новосельская, М.А. Кривенцов, В.Н. Куница, Г.Н. Егоров // Наука сегодня: опыт, традиции, инновации. Материалы международной научно-практической конференции. — Вологда, 2016.
9. *Макарий.* Введение в православное богословие [Текст] / Макарий. — СПб., 1847.
10. *Федорова А.Н.* Соборное уложение 1649 г. в системе источников права [Текст] / А.Н. Федорова // Вестник Самарского юридического института. — 2014. — № 3.
11. *Черных В.Д.* Государственная политика по отношению к Русской Православной Церкви в положениях Соборного уложения 1649 г. [Текст] / В.Д. Черных // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. — 2011. — № 5–4.
12. *Чистович И.А.* Рецензия на «Историю Московской духовной академии до ее преобразования (1814–1870)» С. Смирнова [Текст] / И.А. Чистович. — СПб., 1880.

**«ГОСУДАРЬСКАЯ ЧЕСТЬ», ИЛИ ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ
ЗАЩИТЫ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ**

Защита интересов публичной власти в лице ее соответствующих органов и должностных лиц всегда являлась одной из основных государственных задач. История развития государства и права свидетельствует, что в качестве мер, обеспечивающих неприкосновенность власти, выступали не только элементы мифологизации и религиозной сакрализации, но и прямое физическое воздействие — наказание, подавление и ликвидация угрозы. Начиная от инсигний римских царей в виде трапеи и диадемы или же Мономаховой Державы Бориса Годунова — символических знаков могущества и элементов конкретной функции власти — и заканчивая совершенно осязаемым фактическим и юридическим правоприменением фасций — в законах Нумы Помпилия¹, батогами — в «Русской правде» (XI в.) или кнутом — «торговой казни» — в Судебнике Ивана III (1497 г.), государство всегда стремилось обеспечить надлежащий уровень защиты своих публичных интересов. Инструментарий применяемых мер менялся со временем, но неизменным оставался спор в отношении их допустимости, а также соразмерности характеру деяния.

В части соблюдения требований пропорциональности, как ретроспективной реакции государства за совершенные правонарушения (преступления), представляет существенный интерес анализ развития норм права в процессе его систематизации и кодификации, что позволяло обеспечить прежде всего реализацию превентивных функций правового регулирования. В этом смысле представляется актуальным исследование кодифицированного памятника русского права² — Соборного уложения 1649 года.

Не останавливаясь на многочисленных прогрессивных элементах данного исторического документа, сфокусируемся на анализе правовых механизмов защиты публичной власти, сконцентрированных преимущественно в главах 2 и 3, и позволим некоторые правовые аллюзии на нормы действующего российского законодательства.

¹ Подробнее см.: Кофанов Л.Л. *Lex et ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э. М.*, 2016.

² Судебная практика в современной правовой системе России: монография / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.В. Габов [и др.]; под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М., 2017.

Разработчики Уложения закрепляют весьма понятную с точки зрения религиозно-правовой парадигмы того времени структуру документа: преступления против церкви («О богохульниках и о церковных мятежниках») имеют первостепенное значение — им отводится первая глава Уложения. Клерикальное мировоззрение требовало безусловного и непосредственного исполнения Слова, реченного устами римского гражданина и первоверховного апостола Павла, ставшего неотъемлемой частью православного вероучения, — «...нет власти не от Бога; существующие же власти от Бога установлены» (Послание к Рим. 13:1).

Категорический запрет на «всякую хулу» либо «непристойные речи» или обращение во время церковного пения к государю или «иным властям» о своих делах «бити челом» требовал безупречного поведения. В противном случае нарушитель будет «вкнут в тюрьму, на сколько государь укажет»¹.

Несмотря на то, что Уложение не содержит прямых указаний на природу власти государя, источник ее происхождения был очевиден — «Итак, будьте покорны всякому человеческому начальству, для Господа: царю ли, как верховной власти» (1 Послание Петра 2:13). Религиозный аспект богодуховности царской власти закономерно находил проявление в ее правовом обосновании в виде государственного титула — «царь». Помимо собственно «звания» (от лат. *titulus* — «звание, надпись») титул указывает на правовое основание соответствующего права. Как отмечает М.А. Исаев, титул, равно как и право на него, всегда являлись важнейшим видом государственных прав. Титул удостоверял либо фактическое состояние дел, либо содержал требования о признании подразумеваемого статуса и вытекающих из него привилегий. С юридической точки зрения титул — не что иное, как «символ права на ту или иную вещь»². При этом «вещь» может толковаться достаточно широко — от участка земли до государства в целом. Титул указывает на право, непосредственно таковым не являясь. Титул — это «имя права», «символ права» на государственную территорию³. Именно по этой причине титул, являющийся свидетельством основания возникновения права в сфере цивилистических отношений, сохраняет частноправовые элементы в публично-правовой сфере, имея, однако, уже иную природу. Здесь монарх становится сувереном, является символом публичной власти и государства в целом.

¹ См.: п. 1, 8, 9 главы 1 Соборного уложения 1649 г.

² Исаев М.А. История российского государства и права. М., 2012. С. 240.

³ Там же.

Особенности указанного правового статуса предполагают наличие соответствующих инструментов и средств защиты монарха, когда любое деяние (действие или бездействие), физическое или словесное в отношении него квалифицируется как покушение на основы государственного устройства и суверенитет. Титул царя, самодержавного и наследного монарха, определенный Соборным уложением 1649 года, требовал от эпонимного «законодателя» — членов Земского собора во главе с князьями Н.И. Одоевским, С.В. Прозоровским, Ф.А. Волконским разработки сообразных мер его правового обеспечения. Последнее находит свое отражение в попытках отраслевого выделения норм государственного и уголовного права, введения рубрикаций, исполнения иных правил, которые соответствуют требованиям юридической техники XVII века.

В главе II «О государьской чести и как его государское здорвье оберегать» и главе III «О государеве дворе, чтоб на государеве дворе ни от кого никакого бесчинства и брани не было» Уложения перечислены преступления против личности государя и его семьи, а также целый ряд таких государственных преступлений, как измена, бунт, заговор, извет¹. Для наших целей представляют интерес присутствующие здесь нормы, устанавливающие ответственность за поругание чести государя: прежде всего это хула и брань, клевета и оскорбление. Соборное уложение выделяет следующие объекты оскорбления: служитель церкви (гл. I ст. 2–7), государев двор (гл. III ст. 1–5), а также суд, судья и третейский судья (гл. X ст. 105, 106, гл. XV ст. 5).

Юридическая квалификация оскорбления была достаточно своеобразной. Данная категория включала в себя так называемые «невместные слова» — неподобающие, неприличные, неуместные². При этом указанная неуместность являлась более элементом статусного недопущения, нежели прямого оскорбления лица словом³.

¹ Правовая защита лиц, сообщающих о фактах коррупции: научно-практическое пособие / В.Ю. Артемов, Н.А. Голованова, А.Ю. Закон [и др.]; отв. ред. А.М. Цирин, Е.И. Спектор. М., 2016; Глоссарий юридических терминов по антикоррупционной тематике: словарь-справочник / сост. Н.А. Влащенко, А.М. Цирин, Е.И. Спектор [и др.]. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2016.

² Ефремова Т.Ф. Толковый словарь русского языка. М., 2000.

³ Исторические примеры использования данного словообразования прямо свидетельствуют об этом. См., например: «Боярину Морозову невместно было сидеть рядом с Годуновым; но царскому шуту пристойно быть за царским столом с Грязными и Басмановыми» (А.К. Толстой, Князь Себряный) // Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. ➔

Как указывает М.Н. Воробьев, невместные слова — это не брань: «Скажем, человек какой-то с пьяных глаз говорил, что государь-де наш не жалец на этом свете — это и было невместное слово. А просто брань в пьяном виде — это была хула, оскорбление, непристойная речь»¹.

По тексту Уложения мы также встречаем такие составы умаления государственной чести, как «злое умышление» или «злое дело мыслить» на царское величество (ст. 1 гл. II), или «обесчестить кого-либо словом» при государе или в его дворе, «не опасаясь чести царского величества» (ст. 1 гл. III) и др. За содеянное полагались различные виды наказания: от заключения в тюрьму до — «казнить смертию».

Защита чести и достоинства лица — олицетворителя верховной власти — разработчиками Соборного уложения выражена значительно ярче, нежели защита жизни и здоровья царя как физического лица. Подобная законодательная линия в полной мере соответствует указанному выше пониманию правового титула — лицо, владеющее им, объемлет все основные элементы государства: власть, территорию и население. Отсюда признание царской ипостаси в качестве высшей ценности и обеспечение максимальной защиты его как единственного носителя титула. Нельзя сказать, что закрепление такой юридико-идеологической парадигмы является абсолютно уникальным. В исторической летописи разных государств мы найдем весьма схожие примеры правового регулирования². Интерес представляет содержательное развитие подобных институтов и современное их состояние. Как известно, в нашей стране отправным моментом официальной ликвидации всех титулов, в том числе титула императора Российской Империи, стали события 1917 года³. Вместе с этим, титул не является исключительно атрибутом монархии. Кроме того, даже в монархических государствах его содержание может иметь совершенно иные идеоло-

➤ исследований; под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стер. М.: Рус. яз.: Полиграфресурсы, 1999; «Хотя я и лишен сана, все же невместно мне навоз убирать» (Максим Горький) // Толковый словарь Ушакова. Д.Н. Ушаков. 1935–1940.

¹ Воробьев М.Н. Русская история. Ч. I. М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 1999. С. 97–98.

² Напомним лишь, что и само Соборное уложение 1649 года представляло собой отчасти переработанные тексты Судебника 1497 года, Судебника 1550 года, Литовского статута 1588 года, Кормчей книги (византийского права), Челобитных и др.

³ Пашенцев Д.А., Чернявский А.Г. История отечественного государства и права. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 314–317.

гические и юридические составляющие: во множестве современных правовых режимов должность монарха низведена до должности — уполномоченного народом лица.

В российском государстве некоторые институты публичной власти не только не утратили своих исторических корней, но, напротив, получили свое закономерное историческое развитие и новое юридическое содержание. В соответствии с частью 1 статьи 3 основного Закона в нашей стране единственным источником власти и носителем суверенитета является многонациональный народ Российской Федерации. Главой государства является Президент Российской Федерации, который выступает гарантом Конституции Российской Федерации, прав и свобод человека и гражданина. Президент страны принимает необходимые меры по охране суверенитета, независимости и государственной целостности Российской Федерации (ч. 1, 2 ст. 80 Конституции России).

Приведенные конституционные правоположения закрепляют светские основания происхождения современной высшей власти (народ как источник власти), персонализируя ее в конкретном статусе Президента РФ, содержанием которой выступает конституционная гарантия основополагающих прав и свобод, а также конституционных полномочий по обеспечению внешнего суверенитета и внутренней целостности страны. Позволим себе сказать, что данные элементы отчасти выступают современными атрибутами титула верховного лица государства — титула Президента. Именно титул Президента инкорпорирует в себя все исторически-традиционные элементы такого правового феномена. В частности, в качестве внутреннего содержания титула будут выступать элементы легитимности его избрания (исполнение избирательных процедур, обеспечивающих реализацию правомочия «народа» как источника власти), в качестве внешних атрибутов власти, его инсигний, — Штандарт, или Флаг Президента России.

Вместе с этим, юридическая завершенность правового титула Президента требует присутствия специальных механизмов, обеспечивающих не только его физическую безопасность, но также защиту чести и достоинства владельца титула — подобно наказаниям за «невместные слова», хулу и «злые умысления» Соборного уложения 1649 года.

Законодательство современного периода, бесспорно, находится на совершенно ином этапе владения юридической техникой¹. Од-

¹ См., например: Власенко Н.А., Залоило М.В. Состояние законодательства, уровень законодательной культуры и стандартизация законотворчества // Юридическая техника. 2016. № 10. С. 78–89.

нако ее основы, положенные в том числе в Уложении 1649 года, нашли свое закономерное историческое развитие вместе с многими составами разноотраслевых деяний. В этом смысле представляют интерес нормы Федерального закона от 18.03.2019 № 28-ФЗ «О внесении изменений в Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях». Указанными изменениями законодателем вводится административная ответственность за распространение информации, которая выражает явное неуважение к государству, его официальным символам или органам, осуществляющим государственную власть, в неприличной форме, оскорбляющей человеческое достоинство и общественную нравственность (ч. 3 ст. 20.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях — далее — «КоАП РФ»).

Обратим внимание, что для современного мира, в котором информация является ценнейшим инструментом обеспечения целостности и единства, законодатель устанавливает ответственность не только за прямое неуважение к Государственному флагу Российской Федерации, Государственному гербу Российской Федерации или Государственному гимну Российской Федерации (ст. 17.10 КоАП РФ; ст. 329 Уголовного кодекса Российской Федерации — далее — «УК РФ») — инсигниям современного публичного порядка¹, но и за опосредованные формы уничтожения атрибутов государства и его правового титула в виде «распространения» соответствующей информации.

В части установления ответственности за неуважение к государству или органам, осуществляющим государственную власть, отметим следующее. Действующее уголовное законодательство, например, содержит такой самостоятельный состав, как «неуважение к суду», под которым понимается оскорбление участников судебного разбирательства либо судьи, присяжного заседателя или иного лица, участвующего в отправлении правосудия (ст. 297 УК РФ). Также отметим, что традиционная категория преступлений против государственной власти (раздел X УК РФ) включает в себя такой состав, как оскорбление публичной власти (ст. 319 УК РФ). Кроме

¹ Подробнее см.: Хорунжий С.Н. Религиозная мораль в историческом контексте нормативного содержания современной правовой среды // Юридическая наука. 2016. № 2. С. 54–57; Он же. Юридико-этические «архаизмы» современной общественной морали: философский аспект // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2015. № 1 (15). С. 48–53; Он же. Ортодоксия в юриспруденции и теологии как элемент современной правовой среды // Мониторинг правоприменения. 2015. № 2. С. 4–11.

того, действующее законодательство содержит и цивилистические механизмы защиты чести и достоинства как самостоятельных нематериальных благ (ст. 150 и 152 Гражданского кодекса Российской Федерации).

Достаточно сложным здесь может стать рассмотрение вопроса об отграничении оскорбления или неуважения от критики. Как указывает Верховный Суд Российской Федерации, допустимые рамки критики публичных лиц являются гораздо более широкими, чем в отношении частных лиц: особое доминирующее положение правительства обязывает его быть сдержанным, особенно при решении вопроса об уголовном преследовании за «неоправданные нападки и критику со стороны его противников»¹. Решение указанного вопроса представляется вполне возможным при соблюдении баланса конституционно защищаемых ценностей, принципа пропорциональности частноправовой и публично-правовой сфер правового регулирования².

Вместе с этим вводятся и новые, «технологические», способы обеспечения защиты публичных интересов. В частности, Федеральным законом от 18.03.2019 № 30-ФЗ «О внесении изменения в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» предусматривается возможность удаления информации, указанной в ч. 3 ст. 20.1 КоАП РФ. В противном случае ограничивается доступ к информационному ресурсу, содержащему подобную информацию, в том числе, к сайту в сети Интернет.

Проведенный выше сравнительно-исторический анализ некоторых норм Соборного уложения 1649 года, а также современных правоположений, позволяет сформулировать ряд выводов в части определения условий общности механизмов защиты публичной власти.

Первый: единство юридической природы в квалификации власти, а также ее персонализации в статусе публичного лица, обладающего специальным титулом, который указывает на источник

¹ Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 16.03.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 10.

² См.: Обзор практики рассмотрения судами Российской Федерации дел о защите чести, достоинства и деловой репутации, а также неприкосновенности частной жизни публичных лиц в области политики, искусства, спорта // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2007. № 12; Хорунжий С.Н. Конституционный баланс как самостоятельная ценность // Современный юрист. 2017. № 1 (18). С. 60–71.

возникновения права и является основанием для осуществления впоследствии соответствующих государственных полномочий. Различия присутствуют лишь в определении конкретного первоисточника власти и оснований ее происхождения в зависимости от конкретных исторических периодов развития: Богодуховность «государской чести» (Средневековья) и конституционный титул Президента как гаранта реализации представляемого им многонационального народа как единственного источника власти (XXI века).

Второй: единство внешних атрибутов власти (инсигний), сохранившихся не столько количественно, сколько содержательно. Действующее законодательство под угрозой наказания императивно запрещает какие-либо формы проявления неуважения к внешним символам государства и власти: Государственному флагу Российской Федерации, Государственному гербу Российской Федерации, а также Государственному гимну Российской Федерации. В одном случае действия сопряжены с физическим уничтожением, в другом — моральным, информационно-публичным, уничтожением власти и ее титульных атрибутов.

Третий: единство и многообразие правового инструментария защиты публичной власти и ее представителей. Одни из первых попыток систематизации и кодификации законодательства, принятые разработчиками Соборного уложения 1649 года, а также последующее совершенствование юридической техники привели, в конечном счете, к межотраслевому регулированию рассмотренных нами институтов защиты публичной власти. Последние включают в себя нормы уголовного, административного и гражданского законодательства. Кроме того, указанное межотраслевое регулирование дополняется современными технологическими средствами правовой защиты конституционно значимых ценностей.

Исследование исторических корней современных правовых институтов и механизмов, понимание истории их развития всегда является важным инструментом в деле совершенствования действующего законодательства, что обеспечивает сохранение конституционно значимых правовых ценностей и перспективное развитие регулируемых законом правоотношений.

Список использованной литературы

1. *Власенко Н.А.* Состояние законодательства, уровень законодательной культуры и стандартизация законотворчества [Текст] / Н.А. Власенко, М.В. Залоило // Юридическая техника. — 2016. — № 10.

2. *Воробьев М.Н.* Русская история [Текст]. Ч. I / М.Н. Воробьев. — М.: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 1999.
3. Глоссарий юридических терминов по антикоррупционной тематике [Текст]: словарь-справочник / сост. Н.А. Власенко, А.М. Цирин, Е.И. Спектор [и др.]. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2016.
4. *Исаев М.А.* История российского государства и права [Текст] / М.А. Исаев. — М., 2012.
5. *Кофанов Л.Л.* Lex и ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н.э. [Текст] / Л.Л. Кофанов. — М., 2016.
6. *Пашенцев Д.А.* История отечественного государства и права [Текст] / Д.А. Пашенцев, А.Г. Чернявский. — М., 2016.
7. Правовая защита лиц, сообщающих о фактах коррупции [Текст]: научно-практическое пособие / В.Ю. Артемов, Н.А. Голованова, А.Ю. Заксон [и др.]; отв. ред. А.М. Цирин, Е.И. Спектор. — М., 2016.
8. Судебная практика в современной правовой системе России [Текст]: монография / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.В. Габов [и др.]; под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. — М., 2017.
9. *Хорунжий С.Н.* Конституционный баланс как самостоятельная ценность [Текст] / С.Н. Хорунжий // Современный юрист. — 2017. — № 1 (18).

**СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ 1649 ГОДА И РЕГУЛИРОВАНИЕ
ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ СУБЪЕКТОВ ПУБЛИЧНОГО И ЧАСТНОГО
ПРАВА**

Обеспечение экономического роста и достойного уровня жизни населения являются важнейшими задачами государства, в том числе и российского. Достижение этих задач во многом определяется правовым регулированием деятельности субъектов предпринимательства. В связи с этим происходит постоянный поиск форм взаимодействия государства с субъектами предпринимательской деятельности, посредством которых субъект публичного права (органы государственной власти и местного самоуправления) на определенных им условиях привлекает субъекта предпринимательской деятельности для реализации экономических и социальных задач. Эта проблема весьма актуальна как с практической, так и с научной точек зрения.

В российском законодательстве становление нормативного обеспечения взаимодействия субъектов публичного и частного права имеет значительную историю, связанную с формированием соответствующей традиции¹. Так, нормы договора Руси с Византией 911 г. гласят о взаимопомощи сторон договора, потерпевшим кораблекрушение, о сохранении их товара, а также о торговых преференциях (ст. 8). Впоследствии такая поддержка получила свое развитие при установлении отношений Русских земель, граничивших с иностранными государствами. Например, нормы договора Новгорода с Готским берегом и немецкими городами от 1189–1199 гг., или нормы договора Смоленска с Ригою и Готским берегом от 1229 г.

Власть перекладывала некоторые функции по организации работ по содержанию и ремонту объектов общественного пользования на частных лиц, передавая им также право получения натурального довольствия с населения за выполненные работы, что нашло отражение в Русской правде, устанавливающей порядок уплаты населением податей строителям и ремонтникам мостов.

Инструментом оформления отношений субъектов публичного и частного права в области землевладения, землепользования, освоения земельных угодий и различных промыслов являлись жалованные грамоты. Например, таковой была жалованная грамота Нижегородского Великого князя Бориса Константиновича Спас-

¹ Пашенцев Д.А. Российская правовая традиция перед вызовом глобализации // Юридическая наука. 2016. № 1. С. 29.

скому и Благовещенскому монастырям от 8 декабря 1393 года, выданная на освоение рыбных ловель и бобровых гонов.

Другой формой является институт прекарного (условного) держания земли. При помощи грамот на такое держание земле-владельцы, не теряя права собственности на землю, предоставляли ее в пользование иным лицам. Ярким примером предоставления такого держания могут служить некоторые митрополичьи грамоты XVI в., например, жалованная грамота митрополита Даниила крестьянину Мелетию Новикову от 3 апреля 1527 г., предоставлявшая десятилетние оброчные льготы при освоении указанных в документе земель, а также наделявшая крестьянина правом выдавать льготные урочные грамоты привлекаемым для освоения территории лицам.

Новым шагом в развитии правового регулирования взаимодействия субъектов публичного и частного права стал период вхождения России в цивилизацию Нового времени, что нашло определенное отражение в ряде статей Соборного уложения 1649 г.

Последствия Смутного времени в России вызвали необходимость использования рычагов мелкотоварного производства, товарно-денежных отношений для возрождения российского государства, что явилось зачатком рыночных отношений в отечественной экономике. Это привело к созданию новых форм производства с разделением и механизацией труда, обозначив процесс перехода России к более современному экономическому развитию.

Наряду с уже вошедшими в юридический быт порядными крестьянскими грамотами¹ в первой половине XVII в. получает широкое распространение такая разновидность порядных грамот, как поручные записи, предметом которых становились вопросы пользования имуществом, зачастую государственными землями.

Таким образом, государство в лице своих служащих при применении поручной записи использовало принцип круговой поруки в отношении с частными лицами — крестьянами, поскольку наличие его в тексте защищало интерес субъекта публичного права от неисполнения своих обязательств частными лицами.

Формы взаимодействия субъектов публичного и частного права сыграли далеко не последнюю роль в хозяйственном освоении ре-

¹ См., напр.: Порядная грамота Григория Андреева помещику Прокофью Матвееву Сыну Елагина на поселение в пустоши Тиханово в Борановской волости Оршанского стана Пусторжевского уезда // Дьяконов М.А. Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве. Вып. I. Крестьянские порядные. Юрьев: Тип. К. Матисена, 1895. С. 15–16.

гиона, известного под названием Слобожанщина, — территории левобережной Украины, входившей в состав Дикого Поля. Хозяйственное освоение новых земель в связи с растущим спросом на товары на складывающемся российском рынке было необходимо. К этому подвигало также и техническое развитие, требовавшее большого количества ресурсов. В 20-е годы XVII в. на Слобожанщине начинается развитие отрасли по выварке селитры, требовавшейся при изготовлении пороха. Становление новой отрасли промышленности происходило с использованием форм разделения труда на производстве.

Вышеозначенные шаги по регулированию взаимодействия субъектов публичного и частного права стали в середине XVII в. основой для выработки целого ряда законодательных инициатив в сфере предоставления льготного пользования имуществом публичного собственника. Данные инициативы нашли свое отражение в Соборном уложении 1649 г.

Во-первых, продолжалось совершенствование правовой регламентации поместного землевладения. Данный вопрос касался, с одной стороны, служилого сословия, требовавшего за исполнение своих обязанностей определенного вознаграждения, а с другой стороны, государства, стремившегося к максимальному включению пустых («порозжих») земель в хозяйственный оборот.

Включение в хозяйственный оборот земель приграничных городов и Слобожанщины в тексте Уложения нашло отражение в ст. 35, гл. 16: «А что до Московского и после Московского пожару в Северских городех, в Рьльску, в Путивле, в Белегороде, детем Боярским тех городов даваны в поместье пустые порожние бортные ухожьи в оклады за четвертную пашню, а иным даваны оброчныя земли в поместье же и в оброк, и будет впредь о таких бортных ухожьях и о оброчных землях тех городов дети Боярские учнут Государю бити челом в поместья же: и такие порожние бортные ухожьи давати в поместья, сыскивая большими сыски накрепко, будет те бортные ухожьи прямо порозжи, и спору об них ни с кем не будет. А оброчных земель и бортных ухожьев оброчных же в поместье в четвертную пашню никому не давати»¹.

Другая норма решения вопроса о поместном землевладении содержится в ст. 40, согласно которой: «украинных городов детем Боярским, которые бьют челом Государю в поместье на порозжия земли, на дикое поле давати ис порозжих земель из диких поль: которым оклады по четыреста четвертей, и тем по семидесят чет-

¹ Ст. 35 гл. 16 Соборного уложения 1649 г. // ПСЗ-1. Т. I. № 1.

вертей; а которым по три ста четвертей, и тем по шестидесят четвертей, а которым по двести по пятидесят четвертей, и тем по пятидесят четвертей; а которым по двести и по сту по пятидесят четвертей, и тем по сороку четвертей; а которым по сту четвертей, и тем по тридцати четвертей; а которым оклады по семидесят четвертей, и тем по двадцати по пяти четвертей; а давать такие земли челобитчиком в меру»¹.

Используя правовые формы взаимодействия субъектов публичного и частного права, государство, таким образом, решало сразу несколько задач, как в сфере земельного вопроса, так и в экономической области.

Кроме того, важным методом совершенствования правовой регламентации взаимодействия субъектов публичного и частного права явились мероприятия по установлению государством ряда пошлин на получение жалованных грамот (ст. 8, гл. 18)² и откупов (ст. 21, гл. 18)³. Кроме того, государством предусматривалась выдача дополнительной льготы откупщикам в виде своеобразной судебной неприкосновенности на период предоставленного откупа: «А которым откупщиком в Государевых грамотах будет написано, что в городех до тех мест, покаместа за ними откупы будут, суда на них и на товаришев их не давати: и с тех грамот имати с челобитья, сколько их в челобитье будет, по полуполтине с человека» (ст. 22, гл. 18)⁴.

Еще одним дополнительным способом стимулирования развития хозяйства явились действия российского законодателя по защите интересов крупных представителей частного предпринимательства, что нашло отражение в ст. 94 гл. 10 Соборного уложения 1649 г.: «А будет кто обезчестит имянитых людей Строгоновых, или Гостя или гостиныя и суконныя и казенныя и черных сотен и слобод и городовых посадских людей, или ямщиков, или дворцовых сел и черных волостей крестьян, или Боярских людей, или помещиковых и вотчинниковых крестьян, или гулящих людей, а по суду, или по сыску про то сыщется допряма: и им правити за безчестие: Строгоновым по сту рублей человеку; Гостю по пятидесять рублей человеку; Гостиныя сотни большой статьи по дватцати рублей человеку; средней статьи по пятнатцати рублей человеку; меньшей статьи по десяти рублей человеку; Суконныя сотни большой статьи по пятнатцати рублей человеку; средней статьи по десяти рублей

¹ Ст. 40 гл. 16 Соборного уложения 1649 г. // ПСЗ-1. Т. I. № 1.

² Ст. 8 гл. 18 Соборного уложения 1649 г. // ПСЗ-1. Т. I. № 1

³ Ст. 21 гл. 18 Соборного уложения 1649 г. // ПСЗ-1. Т. I. № 1

⁴ Ст. 22 гл. 18 Соборного уложения 1649 г. // ПСЗ-1. Т. I. № 1.

человеку; меньшей статьи по пяти рублей человеку; казенные слободы по пяти рублей человеку; черных сотен и слобод и посадским тяглым лутчим людем по семи рублей человеку; средним по шти рублей человеку; меньшей статьи по пяти рублей человеку; ямским охотником по пяти же рублей человеку; дворцовых сел и черных волостей Государевым крестьяном по рублю человеку. А будет кто Государевых крестьян учнет бити, и быючи изувечит, глаз выколит, или руку, или ногу переломит, или иное какое увечье учинит: и на том имати Государевым крестьяном за увечье и за безчестие по десяти рублей человеку. А будет кто Государева крестьянина зашибет, а увечья никакова не учинит: и на том имати Государевым крестьяном за бой и безчестие по два рубли человеку; Боярским служилым людем по пяти рублей человеку, а деловым людем и монастырским и помещиковым и вотчиниковым крестьяном и бобылем, за безчестие и за увечье учинити указ против Государевых дворцовых сел крестьян; гулящим людем по рублю человеку»¹.

Стоит особо отметить, что к моменту вступления в силу положений Соборного уложения династия Строгановых, например, обладая весьма обширными территориями, приобрела известность как семья крупных заводчиков и промышленников, а также спонсоров освоения российским государством территории Сибири (именно Строгановы выступили инициаторами походов войск атамана Ермака). Все это стало возможным благодаря пожалованиям крупных земель на льготных условиях, сделанных еще Иваном IV.

Как следует из содержания вышеприведенной статьи, представители семейства Строгановых подлежали охране со стороны государства на высочайшем уровне. Помимо «именитых людей», особой государственной заботе подлежали представители гостиной и суконной сотен, посадские люди, представителям которых зачастую предоставлялись различные пожалования на устройство предприятий или держание откупов.

Соборное уложение содержит также положения по содействию в развитии внешнеэкономических связей. Именно к середине XVII в. в России вырабатываются основы проведения политики протекционизма — защиты национального производителя, что закреплено в ст. 55 гл. 18 Соборного уложения, где предоставляются лишь некоторые льготы иностранным гражданам при ведении дел в России: «А котория Государевы проезжая грамоты даны будут из Посольскаго приказу иноземцом Англиченом и Голланцом и вольных Городов, и иных разных Государств гостем и торговым

¹ Ст. 94 гл. 10 Соборного уложения 1649 г. // ПСЗ-1. Т. I. № 1.

людem, и которые иноземцы учнут бити челом Государю на Русских людей в торговлях о управе, и по кабалам в займех, и по записям: и с Английских и с Галанских гостей, которым Государева жаловальная грамота дана, печатных пошлин не имать, а с иных со всех иноземцев печатныя пошлины имати, так же как и с Руских людей емлют»¹.

Нормативным актом, проводившим в жизнь протекционистскую политику, стал Новоторговый устав 1667 г., среди положений которого находят свое отражение нормы, касающиеся коммерческой деятельности иностранных лиц на территории российского государства: «От города Архангельского и из Великого Новгорода и Пскова пропускать к Москве и в иные города тех иноземцов, у которых будут великого государя жалованные грамоты о торгах за красною печатью»².

Таким образом, Соборное уложение 1649 г. способствовало развитию форм взаимодействия субъектов публичного и частного права, что происходило по нескольким направлениям: 1) земельное (различные виды жалованных грамоты по вопросам землевладения), 2) инфраструктурное (предоставление откупов на различные виды казенного имущества), 3) промысловое и мануфактурное (пожалование льготами при организации всевозможных форм производств). Отличительной чертой всех видов взаимодействия субъектов публичного и частного права стала преимущественная инициатива со стороны частных лиц на применение институтов взаимодействия, о чем говорит челобитный характер всех жалований. Соборное уложение 1649 г. внесло определенный вклад в регулирование взаимодействия субъектов публичного и частного права, что получило дальнейшее развитие в последующие периоды истории Российского государства.

Список использованной литературы

1. *Дьяконов М.А.* Акты, относящиеся к истории тяглого населения в Московском государстве [Текст]. Вып. I. Крестьянские порядные / М.А. Дьяконов. — Юрьев, 1895.
2. *Пашенцев Д.А.* Российская правовая традиция перед вызовом глобализации [Текст] / Д.А. Пашенцев // Юридическая наука. — 2016. — № 1.

¹ Ст. 55 гл. 18 Соборного уложения 1649 г. // ПСЗ-1. Т. I. № 1.

² Ст. 85 Новоторгового устава от 22.04.1667 // ПСЗ-1. Т. I. № 408.

**ПУБЛИЧНЫЕ ЗАКУПКИ: СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОВОГО
РЕГУЛИРОВАНИЯ И СОВРЕМЕННАЯ НЕГАТИВНАЯ ДИНАМИКА
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Любые явления, в том числе и те, которые обладают явно цивилистической проблематикой, мы, как правило, начинаем изучать с истории, с генезиса его правового регулирования. Закупки — не исключение. В частности, мы проводили историко-правовое исследование, показавшее, что все институциональные особенности современной системы публичных закупок зародились весьма давно¹. Конечно, если обратиться ко времени царствования Алексей Михайловича, хотя в Соборном уложении было урегулировано практически все, то собственно закупок в этом памятнике права мы не обнаружим. Более того, в то время существовали лишь отдельные царские указы и в современном понимании закупочной системы не существовало. Хотя отдельные закупки для своих нужд царский двор объявлял.

К 1649 г. относится появление весьма интересного памятника нашей правовой культуры — Указа Алексея Михайловича, имевшего довольно адресное предназначение: им для архангельских купцов были установлены контрольные цифры закупки талеров (то есть иностранной валюты), которые они были обязаны сдавать в царскую казну. Это и есть в своем роде зачатки государственного регулирования публичных закупок.

Чуть позже, но опять же во время царствования Алексея Михайловича, появляется документ, который сейчас считают прообразом современных неконкурентных закупок, — это указ о приглашении к царскому двору конкретных монахов для «поверки перевода Библии». То есть это экспертиза, контроль качества ранее оказанной царскому двору услуги.

И, наконец, 1654 г. — это появление самого известного документа, с которого все современные исследователи ведут отсчет истории становления закупочного законодательства. Им стал Указ Алексея Михайловича «О подрядной цене на доставку в Смоленск муки и сухарей»². В указе говорилось, что всем боярам и воеводам

¹ См. подробнее: Беляева О.А. Генезис торгов в отечественной истории и российском праве // Гражданское право и современность: сб. статей, посвященных памяти М.И. Брагинского / под ред. В.Н. Литовкина, К.Б. Ярошенко. М., 2013. С. 445–456; Она же. Торги: основы теории и проблемы практики: монография. М., 2015. С. 13–24.

² См. об этом: Веденеев Г., Кобзев Г., Гончаров Е. Откуда есть пошли торги // Московские торги. 2000. № 12. С. 26, 27.

надлежит говорить всяким людям, кто захочет повезти в Смоленск муку и сухари, что нигде с них пошлин не возьмут. В этом указе царь также установил конкретную цену закупки.

В современном понимании закупочное законодательство получает становление в эпоху Петра Великого.

А теперь о том, что происходит с нашим законодательством о закупках в настоящее время. По нашему мнению, вектор развития этого законодательства является неправильным. Стройность и единообразии законодательства — это идеологические установки права, которые зачастую трансформируются в принципы правового регулирования, принципы права. Ключевые проблемы нам видятся, если обозначить их тезисно, в формате доклада, в следующем.

1. В нынешнем закупочном законодательстве мы наблюдаем катастрофическую детализацию норм, которая, на наш взгляд, является недопустимой для такого акта, как федеральный закон. Норма именно федерального закона должна все же носить общий характер, ее задача — быть применимой к максимально возможному числу похожих, но не одинаковых ситуаций¹. Мы же сталкиваемся с тем, что статус федерального закона игнорируется. Но ведь следует понимать, что подзаконное регулирование — это «ручная настройка», есть общие правила для всех, а есть нестандартные ситуации, регулирование которых «спускается» на подзаконный уровень².

Характерным примером путаницы уровней регулирования является ситуация с преференциальными закупками у субъектов малого и среднего предпринимательства. С одной стороны, установление особенностей проведения таких закупок — это прерогатива Правительства Российской Федерации³, с другой стороны, в статье 3.4 Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц» с особой тщательностью описан алгоритм конкурентной закупки в электронной форме для таких субъектов (особый вид закупки, особый ее формат, ограниченный круг участников)⁴.

¹ О характере законодательных норм и необходимом их свойстве в виде правовой неопределенности см.: Интервью О.А. Беляевой о закупках на канале «Закупочная жизнь». URL: <https://www.youtube.com/watch?v=x1j0zF3RFIs>

² О недопустимости нарушения иерархии правовых актов, необходимости четкого соблюдения уровня регулирования (обобщенного либо конкретного) см. также: Беляева О.А. Закупки при реализации инвестиционных проектов: ad deliberandum // Аукционный вестник. 2019. № 426. С. 1, 2.

³ См.: Положение об особенностях участия субъектов малого и среднего предпринимательства в закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц, годовом объеме таких закупок и порядке расчета указанного объема, утв. постановлением Правительства РФ от 11.12.2014 № 1352.

⁴ Введена Федеральным законом от 31.12.2017 № 505-ФЗ.

2. Игнорируется системность нашего законодательства. Именно в закупочной сфере законы¹ постоянно пытаются превратить в своеобразную «инструкцию по применению», законы становятся похожими на азбуку: один закон «от А до Я» должен выдавать ответы на все вопросы. Но так не бывает: ни один закон не может иметь обособленного применения и обособленного существования в правовой системе. Каждый закон в правовую систему интегрирован, а «закупочные» законы интегрированы, в первую очередь, в гражданское законодательство. Игнорирование основных начал гражданского законодательства (статья 1 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее — ГК РФ) происходит сейчас повсеместно, но является категорически недопустимым.

Главное начало гражданского закона — права осуществляются свободно, любое попираание этих прав должно быть объяснено интересами обороноспособности и безопасности государства. Сделать такое обоснование, как правило, очень сложно. Кроме того, инициация новых правил не только бессистемна, она не имеет под собой каких-либо прогнозов². Юридической прогностики попросту нет, законодательные эксперименты приводят зачастую к волне банкротств предприятий³.

¹ Отечественное законодательство о публичных закупках представлено в настоящее время тремя федеральными законами: Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для государственных и муниципальных нужд»; Федеральный закон от 18.07.2011 № 223-ФЗ «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»; Федеральный закон от 29.12.2012 № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе». Отметим, что такая дифференциация нехарактерна для зарубежных правовых порядков. См. об этом: Публичные закупки в зарубежных странах: динамика правового регулирования: монография / отв. ред. О.А. Беляева, В.А. Вайпан, К.В. Кичик. М., 2017. С. 738 и др.

² См. также: Тихомиров Ю.А. Право: прогнозы и риски. М., 2015; Агамиров К.В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 25–35; Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019; О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона). 5-е изд., перераб. и доп. / рук. авт. коллектива Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М., 2019.

³ Недавний пример — это перевод в 2017 г. унитарных предприятий в контрактную систему и затем последующее возвращение их в сферу регулирования предыдущего закона. Попробовали — эффективность закупок не повысилась. Вернули все на круги своя. Судьба огромного числа предприятий незавидна (см. Федеральные законы от 03.07.2016 № 321-ФЗ, от 07.06.2017 № 108-ФЗ и от 29.06.2018 № 174-ФЗ).

Любое правило поведения, в том числе и норма закона, имеет смысл, если его соблюдение контролируемо и обеспечивается санкциями. Законодательство должно быть гармоничным, а главное — инициация любого правила поведения должна опираться на прогнозы его реализации¹. Мы же наблюдаем обратную ситуацию: огромное число законодательных инициатив попросту неосуществимо в практическом измерении².

Что говорить об основных началах, когда игнорированию подвергаются сами по себе общие правила ГК РФ. К примеру, некоторое время назад Минфином России был инициирован законопроект о порядке исчисления сроков в контрактной системе, в то время как общие правила определения сроков закреплены в главе 11 ГК РФ, они не требуют ни уточнения, ни дублирования в специальном законе³.

3. Турбулентность законодательства. Как бы мы ни развивали юридическую прогностику, все равно мы не можем уйти от опытного пути оценки эффективности того или иного законодательного воздействия⁴. Турбулентность — это априори плохо, большинство законодательных поправок должно проходить опытную настройку, к примеру, внедренное правило хотя бы в течение года не должно подвергаться изменениям⁵. Необходимо время для того, чтобы оценить эффективность правила, проанализировать практику его применения. Поэтому сейчас все чаще обсуждаются идеи введения моратория на принятие всевозможных законодательных поправок⁶.

¹ См. также: Беляева О.А. Образы трансформации контрактных отношений: есть ли у них перспективы в 2019 году? // Госзаказ. Управление. Размещение. Обеспечение. 2019. № 55. С. 5.

² См.: Беляева О.А. Квотирование закупок у колоний: невозможное возможно? // Аукционный вестник. 2019. № 425. С. 1, 2.

³ Текст законопроекта см.: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=72996>. Комментарий О.А. Беляевой // Аукционный вестник. 2017. № 356. С. 3.

⁴ См.: Философия права / отв. ред. Н.Н. Черногор, О.Ю. Рыбаков; Ин-т законодат. и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. М.: Статут, 2018; Черногор Н.Н., Залоило М.В. Правовой мониторинг: инструментальная ценность и векторы развития // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: юриспруденция. 2018. № 3. С. 8–21.

⁵ См. также: Беляева О.А. Закупки у взаимозависимых лиц: в поисках оптимальной модели регулирования // Юрист. 2019. № 1. С. 53–57.

⁶ С такой идеей в отношении законодательства о публичных закупках выступили в свое время аудиторы Счетной палаты России. Идея была поддержана во многих органах исполнительной власти. См.: <http://www.kommersant.ru/doc/3171485>.

Мы долгое время придерживались мнения о том, что настройка должна происходить на уровне правоприменительной практики, а не путем систематической пертурбации законодательных предписаний, однако текущая ситуация именно в сфере публичных закупок демонстрирует, что и судебная практика развивается неверно, отвернувшись, по сути, от позитивного права¹.

В последнее время серьезным образом возрос интерес к историко-правовому измерению явлений нашей действительности². И это неслучайно. Тем самым мы пытаемся найти концептуальные ориентиры, изучая вопросы становления порядка регламентации тех или иных отношений.

Список использованной литературы

1. *Беляева О.А.* Генезис торгов в отечественной истории и российском праве [Текст] / О.А. Беляева // Гражданское право и современность: сб. статей, посвященных памяти М.И. Брагинского / под ред. В.Н. Литовкина, К.Б. Ярошенко. — М., 2013.
2. *Беляева О.А.* Закупки у взаимозависимых лиц: в поисках оптимальной модели регулирования [Текст] / О.А. Беляева // Юрист. — 2019. — № 1.
3. *Беляева О.А.* Коллапс судебной практики в спорах о корпоративных закупках [Текст] / О.А. Беляева // Журнал российского права. — 2018. — № 10.
4. *Беляева О.А.* Образы трансформации контрактных отношений: есть ли у них перспективы в 2019 году? [Текст] / О.А. Беляева // Госзаказ. Управление. Размещение. Обеспечение. — 2019. — № 55.
5. *Беляева О.А.* Торги: основы теории и проблемы практики [Текст]: монография / О.А. Беляева. — М., 2015.
6. Квотирование закупок у колоний: невозможное возможно? [Текст] // Аукционный вестник. — 2019. — № 425.
7. *Кикавец В.В.* История правового регулирования государственных закупок в России: финансовый аспект [Текст]: монография / В.В. Кикавец. — М., 2019.
8. О нормативных правовых актах в Российской Федерации (инициативный проект федерального закона) [Текст] / рук. авт. коллектива Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. — 5-е изд., перераб. и доп. — М., 2019.
9. *Пашенцев Д.А.* Цифровизация правотворчества: поиск новых решений [Текст]: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, О.А. Иванов, А.А. Головина; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019.

¹ См. подробнее: Беляева О.А. Коллапс судебной практики в спорах о корпоративных закупках // Журнал российского права. 2018. № 10. С. 25–35.

² См.: Кикавец В.В. История правового регулирования государственных закупок в России: финансовый аспект: монография. М., 2019. 128 с.

10. *Прянишников Е.А.* Страницы истории и очерки о научных школах Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации [Текст] / Е.А. Прянишников, Т.Я. Хабриева, В.И. Лафитский [и др.]. — 4-е изд., доп. и перераб. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015.
11. Публичные закупки в зарубежных странах: динамика правового регулирования [Текст]: монография / отв. ред. О.А. Беляева, В.А. Вайпан, К.В. Кичик. — М., 2017.
12. Философия права [Текст] / отв. ред. Н.Н. Черногор, О.Ю. Рыбаков; Ин-т законодат. и сравнит. правоведения при Правительстве РФ. — М.: Статут, 2018.
13. *Черногор Н.Н.* Правовой мониторинг: инструментальная ценность и векторы развития [Текст] / Н.Н. Черногор, М.В. Залоило // Вестник Московского государственного областного университета. — Серия: Юриспруденция. — 2018. — № 3.

ИСТОРИЧЕСКИЕ И ИНЫЕ МЕСТНЫЕ ТРАДИЦИИ И ОБЫЧАИ КАК ИСТОЧНИК ОТЕЧЕСТВЕННОГО МУНИЦИПАЛЬНОГО ПРАВА

Традиции и обычаи являются, как правило, источником права, характерным для стран, входящих в англосаксонскую правовую семью. Принято считать, что традиции и обычаи являлись основой для возникновения обычного права (англ. *customary law*), возникшего с образованием государства и связанного с системой устоявшихся длительное время в обществе социальных норм и правил поведения, часть из которых впоследствии была юридически закреплена государством в соответствующих правовых актах. Частью обычного права всегда являлись местные традиции и обычаи, которые в качестве источника права применялись судами в странах с англосаксонской правовой системой.

В качестве примера кодификации норм обычного права, в котором нашли свое отражение в письменной форме переработанные и адаптированные в интересах общества традиции и обычаи, можно привести Саксонское зеркало, Швабское зеркало, Салическую правду, Русскую правду и др.

В настоящее время в российской правовой системе, относящейся, как известно, к числу стран с романо-германской правовой системой, происходят большие перемены, объясняемые как переходным состоянием российского государства и общества, так глобализацией международных отношений, что выражается в сближении правовых систем и фактическом признании традиций и обычаев в качестве источника права в ряде отраслей российского права. К числу таковых можно отнести обычаи делового оборота в гражданском праве, торговый обычай и обычай портовый в морском праве, преимущественное право супруги на воспитание детей при расторжении брака в семейном праве, местные традиции и обычаи при осуществлении местного самоуправления в муниципальном праве и др. При этом не вызывает сомнения, что традиции и обычаи могут быть признаны в качестве источника права только в случае их признания государством правовыми в силу их общественной полезности.

Важно отметить особую роль традиций и обычаев в обеспечении и сохранении как общенациональной идентичности народа Российской Федерации, так и идентичности отдельных наций, народностей, этносов.

А.С. Милосердов необходимость правового закрепления исторических и иных местных традиций в качестве правового обычая — источника муниципального права связывает с тем, что: во-первых, «в каждой стране развитие местного самоуправления имеет свои особенности, которые определяются историческим прошлым данной страны, менталитетом ее населения», во-вторых, «формирование оптимальной и эффективной модели местного самоуправления невозможно без учета и творческого использования накопленного исторического опыта»¹.

В Российской Федерации, начиная с 2014 г., наблюдается еще большее, чем в других европейских государствах, желание обеспечить преемственность в развитии институтов национального права в целях сохранения своей публично-правовой идентичности, поскольку на эти процессы оказывают влияние не только общемировые указанные факторы, но и санкционная политика Запада, направленная на изоляцию России, принижение ее роли в решении общемировых геополитических проблем.

К числу важнейших черт национальной идентичности российского народа, которая должна определять и правовую идентичность России, следует отнести традиционный для нашего народа коллективизм в управлении государственными и общественными делами, как на государственном, так и местном (муниципальном) уровне публичной власти.

По точному выражению В.Д. Зорькина, коллективизм российского народа «сформирован, выкован суровой природой, бесчисленными оборонительными войнами, необходимостью объединить множество наций и народностей “общей судьбой на своей земле”, на основе конституционных принципов правового, демократического и социального государства, с созданием конкурентной экономической и политической среды»².

Таким образом, несмотря на признание в Российской Федерации концепции либеральной демократии, лежащей в основе ряда положений Конституции РФ 1993 г., можно утверждать, что национальной идентичности российского народа соответствуют характерные в большей мере коллективистской концепции демо-

¹ Милосердов А.С. Учет исторических и иных местных традиций, как принцип в системе организации местного самоуправления: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.02. М., 2016. С. 3.

² См. об этом подробно: Зорькин В.Д. Конституционная идентичность России: Доктрина и практика: Доклад на Международной конференции в Конституционном Суде РФ (Санкт-Петербург, 16 мая 2017 г.) // Журнал конституционного правосудия. М., 2017. № 4 (38). С. 14.

кратии коллективистские, общественные начала и формы жизнедеятельности и понимания прав и свобод человек и гражданина, в том числе — на осуществление самоуправления.

В этой связи с точки зрения формирования конституционной идентичности России представляется обоснованной точка зрения ученых о том, что «западный концепт гражданского общества в России не может быть воспринят в своем изначальном виде, он должен быть переосмыслен, подвергнут трансформации, адаптирован к таким базовым составляющим российского менталитета (российской национальной и правовой идентичности), как коллективизм, державность и патриотизм»¹.

О выделении традиций и обычаев в качестве источника муниципального права Российской Федерации можно утверждать на основании положений ч. 1 ст. 131 Конституции и ч. 2 ст. 1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в которых при определении понятия местного самоуправления говорится о том, что оно осуществляется не только исходя из интересов населения, но и учетом исторических и иных местных традиций.

Вместе с тем, ст. 4 указанного Федерального закона при определении правовых основ местного самоуправления, основываясь на уже отмеченной выше и официально принятой в Российской Федерации романо-германской правовой системе, к числу источников муниципального права относит только соответствующие международные, федеральные, региональные и муниципальные нормативные правовые акты.

Следует признать, что до настоящего времени в Российской Федерации отсутствуют какие-либо правовые акты, в которых детализируются и конкретизируются приведенные выше положения ч. 1 ст. 131 Конституции и ч. 2 ст. 1 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», например, в части определения понятия, видов исторических и иных местных традиций, их места и роли в системе правового регулирования вопросов местного значения.

В связи с такого рода пробелами в правовом регулировании общественных отношений, возникающих на уровне осуществления местного самоуправления, весьма актуальными, неоднозначными и обоснованными представляются возникающие в юридической

¹ См. об этом: Исмаилов Р.Ф., Романовская Л.Р., Сальников П.П. Предпосылки формирования и институционализации гражданского общества в России // Юридическая наука: История и современность. СПб., 2015. № 7. С. 51–59.

науке и практике муниципального строительства вопросы о возможности рассмотрения исторических и иных местных традиций в качестве источника муниципального права, а также — определении их места в иерархии таких источников.

Это тем более важно с учетом понимания того, что источник муниципального права должен отражать особенности правотворческой деятельности органов местного самоуправления по установлению, изменению или отмене общеобязательных правил поведения, связанные, во-первых, с ее осуществлением исходя из интересов населения, с учетом исторических и иных местных традиций, во-вторых, посредством четко регламентированных соответствующих юридических процедур.

Таким образом, с учетом отмеченных выше пробелов в законодательстве Российской Федерации о местном самоуправлении, а также переходного состояния российской правовой системы представляется актуальным системно-правовое исследование проблематики, связанной с рассмотрением возможности выделения исторических и иных местных традиций в качестве источника муниципального права, определения места в иерархии таких источников, а также тех сфер, в которых правовое регулирование вопросов местного значения осуществляется с учетом указанных традиций.

В свете выделения отдельных видов исторических и иных местных традиций и соответствующих основных направлений деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по их систематизации и правовому закреплению в региональном законодательстве и муниципальных правовых актах (санкционированию в качестве правового обычая и источника муниципального права) важное значение имеет системно-правовой анализ положений Федерального закона от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации», в которых определяются сферы, в которых правовое регулирование вопросов местного значения должно осуществляться с учетом исторических, культурных, национальных и иных местных традиций и особенностей.

В частности в указанном Законе выделяются следующие сферы организации местного самоуправления или вопросы местного значения:

наименование представительного органа муниципального образования, главы муниципального образования, местной администрации (исполнительно-распорядительного органа муниципального образования) (абзац 2 пункта 3 статьи 34);

определение административного центра сельского поселения, муниципального района, в котором находится представительный орган соответствующего муниципального образования (абзац 21 пункта 1 статьи 2);

установление муниципальными образованиями в соответствии с федеральным законодательством и геральдическими правилами официальных символов (пункт 1 статьи 9);

выделение исторически сложившихся земель населенных пунктов, прилегающих к ним земель общего пользования, территории традиционного природопользования населения соответствующего поселения (подпункт 3 части 1 статьи 11).

Приведенные положения федерального законодательства в большинстве случаев находят отражение в соответствующем законодательстве субъектов Российской Федерации и в ряде случаев реализуются в правоприменительной деятельности органов местного самоуправления.

Например, Закон Московской области от 31 марта 2005 г. № 98/2005-03 «О наименованиях органов местного самоуправления муниципальных образований Московской области» устанавливает единые для муниципальных образований наименования представительного органа муниципальных образований Московской области — совет депутатов с добавлением указания на видовую принадлежность муниципальных образований, в которых они созданы и действуют (совет депутатов муниципального района, совет депутатов городского поселения и т.д.). Единообразный подход к определению наименований представительных органов используется также, например, в Республике Карелия и Омской области. Представительные органы здесь именуются советами.

В Республике Башкортостан исходя из исторических и иных местных традиций осуществляется не только наименование органов местного самоуправления, но закреплено право муниципальных образований на формирование востребованных местным сообществом и работающих на общественных началах таких традиционных народных институтов самоуправления, как старосты, советы аксакалов, советы старейшин, к которым повсеместно обращаются жители городских поселений и сел и которые оказывают содействие местным властям. На сегодняшний день советы аксакалов, хотя отчасти и имеют исторические корни, в большей степени остались традиционными институтами советской эпохи, при-

шедшими на смену советам ветеранов, так как состоят в основном из ветеранов и уважаемых в муниципальном образовании граждан¹.

В качестве примера правового регулирования вопросов, связанных с определением административного центра сельского поселения, муниципального района с учетом исторических, культурных, национальных и иных местных традиций и особенностей, можно привести Закон Хабаровского края от 14 марта 2005 года № 264 «Об административных центрах сельских поселений и муниципальных районов Хабаровского края». В ст. 1 указанного Закона указано, что административным центром сельского поселения, муниципального района является населенный пункт, который определен с учетом местных традиций и сложившейся социальной инфраструктуры и в котором находится представительный орган соответствующего муниципального образования².

Как уже было отмечено выше, муниципальные образования в соответствии с требованиями пункта 1 статьи 9 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» вправе иметь официальные символы, отражающие исторические и иные местные традиции и обычаи. Традиционно к таковым относятся гербы, флаги, должностные и наградные знаки, эмблемы.

Как отмечается в Методических рекомендациях по разработке и использованию официальных символов муниципальных образований, утвержденных Геральдическим советом при Президенте РФ 28 июня 2006 г., герб является основным официальным символом муниципального образования, на основе которого строятся все прочие такого рода символы. Герб представляет собой условный знак, образуемый определенными фигурами и цветами, составленный по геральдическим правилам и употребляемый в соответствии с традициями геральдики и правовыми актами. Исторически назначение герба — обозначать своего владельца. Это в полной мере относится и к муниципальным образованиям.

Официальные символы муниципального образования призваны подчеркнуть их специфику, служить основным средством визуальной идентификации муниципалитетов, выполнять и репрезентативную функцию — они, как правило, имеют торжественный,

¹ См. об этом: Усманова Р.М. Учет исторических традиций органами местного самоуправления при издании правовых актов (на примере Республики Башкортостан) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. № 4. 2014. С. 8–14.

² См.: Собрание законодательства Хабаровского края от 16 апреля 2005 г. № 3 (32).

парадный характер. Через официальные символы зачастую можно проследить историческую преемственность муниципальных образований¹.

В качестве примера правового регулирования выделения исторически сложившихся земель населенных пунктов, прилегающих к ним земель общего пользования можно привести Закон г. Москвы от 6 ноября 2002 г. № 56 «Об организации местного самоуправления в городе Москве», в п. 3 ст. 1 которого указано на то, что образование муниципальных образований, установление их территорий и наименований осуществляются законом г. Москвы по представлению Мэра Москвы в том числе с учетом исторических и иных местных традиций, географических, градостроительных и других особенностей территорий².

В постановлении от 3 ноября 1997 г. № 15-П «По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 2 Федерального закона от 26 ноября 1996 года “Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления” в связи с запросом Тульского областного суда» Конституционный Суд сформулировал свою правовую позицию о том, что территориальное устройство местного самоуправления жестко не связано с административно-территориальным делением, перечень территорий муниципальных образований является открытым и эти территории устанавливаются в соответствии с законами субъектов РФ с учетом исторических и иных местных традиций³.

Следует обратить внимание на то, что вопросы установления границ муниципальных образований и наделения соответствующим статусом исходя из соблюдения требований подпункта 3 части 1 статьи 11 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» № 131-ФЗ от 06.10.2003 о том, что при этом обязательно должны учитываются исторически сложившиеся земли населенных пунктов, являются предметом споров, рассматриваемых в суде.

В качестве примера можно привести решение Ленинградского областного суда от 17 декабря 2009 г. по гражданскому делу

¹ См.: Интернет-портал «Российская символика» — официальный государственный информационный ресурс, формируемый под контролем Геральдического совета при Президенте РФ и Министерства связи и массовых коммуникаций РФ (<http://www.rossimvolika.ru/> / gerald.sovet/metodmaterial).

² См.: Ведомости Московской городской Думы. 2002. № 12.

³ См.: Собрание законодательства Российской Федерации. 1997. № 45.

№ 3-204/2009 по заявлениям о признании недействующими Приложений 8 и 17 Областного закона от 10 марта 2004 г. № 17-оз «Об установлении границ и наделении соответствующим статусом муниципальных образований Всеволожский район и Выборгский район и муниципальных образований в их составе» в части и об обязанности Законодательного собрания Ленинградской области привести Приложения 8 и 17 Областного закона № 17-оз от 10 марта 2004 года «Об установлении границ и наделении соответствующим статусом муниципальных образований Всеволожский район и Выборгский район и муниципальных образований в их составе» в соответствие с федеральным законодательством.

В своем решении суд, признав, что оспариваемый нормативный правовой акт не противоречит федеральному закону или другому нормативному правовому акту, имеющим большую юридическую силу, принял решение об отказе в удовлетворении соответствующего заявления.

Исследовав и изучив представленные по делу доказательства в соответствии, суд посчитал необоснованными доводы представителей заявителя о том, что при принятии указанного закона субъекта Российской Федерации были нарушены требования подпункта 3 части 1 статьи 11 Федерального закона 131-ФЗ от 6 октября 2003 г. о том, что при установлении и изменении границ муниципальных образований обязательно учитываются исторически сложившиеся земли населенных пунктов, прилегающие к ним земли общего пользования, территории традиционного природопользования населения соответствующего поселения, рекреационные земли, земли для развития поселения¹.

В качестве примера правового регулирования выделения территории традиционного природопользования населения соответствующего поселения можно привести муниципальные образования, на территориях которых проживают и ведут традиционный образ жизни коренные малочисленные народы Севера. Несомненно, что обычаи населения, ведущего кочевой образ жизни, оказали влияние на правовую регламентацию отдельных вопросов организации местного самоуправления в районах их проживания, в частности — структуры администрации муниципального образования. Так, в целях обеспечения оперативной работы с обращениями граждан из числа коренных малочисленных народов Севера в структуре администрации Тазовского района Ямало-Ненецкого автономного

¹ Текст решения официально опубликован не был.

округа предусмотрено создание кочевой приемной главы муниципального образования¹.

А.М. Васильев и Н.М. Михайленко исторические и местные традиции осуществления местного самоуправления в России связывают с правовым регулированием деятельности казачьих организаций и казачьего местного саморегулирования. При этом представляется актуальным их предостережение об опасности замены в некоторых республиках Северного Кавказа норм права неписаными правовыми обычаями, которые принимаются за возродившиеся традиции обычного права. «При этом совершенно не учитывается, что обычное право под влиянием мусульманского права, законодательства Российской империи, а затем проводимых советских преобразований неузнаваемо изменилось»².

Таким образом, можно сделать следующие выводы.

1. Исторические и иные местные традиции являются важным фактором обеспечения публично-правовой идентичности России.

2. Исторические и иные местные традиции могут являться источником муниципального права в случае их признания в нормах федерального законодательства в качестве правового обычая, а также их детализации и конкретизации в региональном законодательстве и муниципальных правовых актах, осуществляемых исходя из интересов населения.

3. Источник муниципального права должен отражать особенности правотворческой деятельности органов местного самоуправления по установлению, изменению или отмене общеобязательных правил поведения, связанные, во-первых, с ее осуществлением исходя из интересов населения, с учетом исторических и иных местных традиций, во-вторых, посредством четко регламентированных соответствующих юридических процедур.

4. Правовое закрепление исторических и иных местных традиций в качестве правового обычая — источника муниципального права отражает публично-правовую сущность местного самоуправления, призванного выражать интересы населения муниципального образования, отражать идентичность отдельных наций, народностей,

¹ См. об этом: Муниципальное право России: учебник / отв. ред. Г.Н. Чеботарев. М.: Юристъ. 2005. С. 104; Харючи Н.Н. Правовые основы организации местного самоуправления в местах проживания коренных малочисленных народов Севера: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. С. 21.

² См.: Васильев А.М., Михайленко Н.М. Роль правового обычая в правовой культуре общества (на примере Северного Кавказа) // Теория и практика общественного развития. 2014. № 8. С. 155–158.

этносов, исторические и иные особенности организации местного самоуправления в отдельных муниципальных образованиях.

5. Выделенные в Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» сферы, в которых вопросы местного значения должны решаться с учетом исторических и иных местных традиций, следует рассматривать одновременно в качестве основных направлений правотворческой и правоприменительной деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления по их систематизации и обязательному правовому закреплению в региональном законодательстве и муниципальных правовых актах в качестве источника муниципального права исходя из интересов населения муниципальных образований.

6. В целях устранения имеющихся, по мнению автора, пробелов федерального законодательства в части определения понятия исторических и иных местных традиций в качестве источника муниципального права предлагается дополнить пункт 1 статьи 4 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» положением о том, что правовую основу местного самоуправления также составляют «исторические и иные местные традиции в случае их признания в нормах федерального законодательства в качестве правового обычая, а также их детализации и конкретизации в региональном законодательстве и муниципальных правовых актах, осуществляемых исходя из интересов населения муниципального образования»¹.

Список использованной литературы

1. *Васильев А.М.* Роль правового обычая в правовой культуре общества (на примере Северного Кавказа) [Текст] / А.М. Васильев, Н.М. Михайленко // Теория и практика общественного развития. — 2014. — № 8.
2. *Залоило М.В.* Понятие и формы конкретизации юридических норм [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / М.В. Залоило. — М., 2011. — 20 с.
3. *Исмаилов Р.Ф.* Предпосылки формирования и институционализации гражданского общества в России [Текст] / Р.Ф. Исмаилов, Л.Р. Рома-

¹ Подробнее о детализации и конкретизации юридических норм в правотворчестве см.: Залоило М.В. Пределы и техника конкретизации юридических норм в правотворчестве // Журнал российского права. 2014. № 11. С. 34–41; Он же. Понятие и формы конкретизации юридических норм: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 20 с.

новская, П.П. Сальников // Юридическая наука: История и современность. — СПб., 2015. — № 7. .

4. *Милосердов А.С.* Учет исторических и иных местных традиций, как принцип в системе организации местного самоуправления [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А.С. Милосердов. — М., 2016.
5. Муниципальное право России [Текст]: учебник / отв. ред. Г.Н. Чеботарев. — М., 2005.
6. *Усманова Р.М.* Учет исторических традиций органами местного самоуправления при издании правовых актов (на примере Республики Башкортостан) [Текст] / Р.М. Усманова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. — 2014. — № 4. — С. 8–14.
7. *Харючи Н.Н.* Правовые основы организации местного самоуправления в местах проживания коренных малочисленных народов Севера [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Н.Н. Харючи. — Тюмень, 2004.

**СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ 1649 ГОДА
И АРТИКУЛ ВОИНСКИЙ 1715 ГОДА: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА
И СИТУАЦИИ ПРАВОМЕРНОГО ВРЕДА
(ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, ИСКЛЮЧАЮЩИЕ ПРЕСТУПНОСТЬ ДЕЯНИЯ)**

Соборное уложение 1649 г., являющееся, по справедливому мнению ряда исследователей, вершиной русской средневековой правовой культуры¹, отразило качественно новый этап в развитии российского права. В нем были собраны основные действующие к тому времени законоположения государства, которые были классифицированы по отраслям. Это уже не просто сборник правил, касающихся нескольких сфер общественной жизни с нечеткой структурой, а весьма объемный, систематизированный, охватывающий множество вопросов нормативный документ. Такой подход существенно упростил систему российского законодательства, обеспечивал ее стабильность.

Следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что право времен Уложения 1649 г. развивалось как общероссийское. В отличие от западноевропейских государств Россия не рассматривала как колонии даже земли Сибири. Общим принципом являлось сохранение на этих землях действий обычного права. В гл. 10 Уложения имеется норма, подтверждающая правовой обычай населения Сибири и охраняющая их земельные права².

В сфере уголовного права Уложение 1649 г. вобрало в себя многие традиции, выработанные законодателем и судебной практикой в течение предшествующего времени — XV–XVI веков. Однако Общая часть в нем еще не выделена, хотя, естественно, нормы Общей части здесь имеются.

Источниками Уложения 1649 г., кроме национального русского права, были греко-римские юридические акты, а также, в частности, Литовский статут (в редакции 1529 г.)³. Последний оказал особое влияние на конструирование, в частности, уголовно-правовых норм. Так, гл. XXII «За какие вины чинити смертная казнь, и за какие вины смертью не казнити, а чинити наказание» почти

¹ Синоков В.Н. Российская правовая культура. Саратов, 1994. С. 107.

² Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 3. М., 1987. С. 15.

³ Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период. М., 1990. С. 55–112.

целиком взята из Статута, но эти заимствования делались с учетом тогдашних российских реалий¹.

В «Русской правде» под преступлением (обидой) понимался непосредственный ущерб конкретному человеку (его личности или имуществу). Но в Уложении 1649 г. под преступлением уже понимается всякое **противление царской воле, нарушение порядка, установленного государством**. Так, в ст. 10 гл. XXII, предусматривающей ответственность за увечья, указано «А будет кто не бояся Бога, и не опасаяся государския опалы и казни, учинит над кем нибудь мучительское надругательство, отсечет руку или ногу».

Таким образом, Уложение 1649 г. под страхом наказания запрещало, прежде всего, совершать деяния, противные царской воле, причиняющие вред сложившейся системе общественных отношений. Да и порядок расположения преступлений показывает, что Уложение 1649 г. защищает принятый в интересах правящей элиты порядок. На первом месте расположены преступления против Церкви, являющейся идеологической основой государства. Далее идут государственные преступления (действия, направленные против личности государя или его семьи, бунт, заговор, измена), преступления против порядка управления (о проезжих грамотах в другие государства, фальшивомонетничество, «ябедничество», содержание питейных заведений без особого разрешения и т.д.), преступления против благочиния (содержание притонов, укрывательство беглых, продажа краденого или чужого имущества), должностные преступления (лихоимство, неправосудие), воинские преступления (мародерство, побег из расположения войска). После этого помещены преступления против личности (убийство, нанесение увечий, побои), имущественные преступления (татьба, конокрадство, грабеж).

В целом следует отметить, что система преступлений и их юридическое описание в Уложении 1649 г. более совершенны. Основным критерием при отнесении деяния к преступлению стала уже не столько злая воля виновного лица, сколько серьезность, основательность нарушения им государевой воли. Хотя общего определения понятия преступления Уложение 1649 г. не знает. В этом значении используются термины «вина», «лихое дело», «головщина», «воровство»².

¹ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1994. С. 99.

² Маньков А.Г. Уложение 1649 года — кодекс феодального права России. Л., 1980. С. 216.

Понимание в Уложении 1649 г. преступления как деяния, нарушающего сложившиеся общественные отношения, привело к тому, что наложение и исполнение уголовных наказаний перестает быть делом личным или семейно-родовым и становится делом государевым. Соответственно этому значение потерпевшего в раскрытии преступления и осуществлении наказания виновного существенно сужено, их примирение практически исключалось. Преследование обидчика (лица, совершившего убийство или причинившего вред здоровью или имуществу) становится обязанностью органов государства, которое, по мнению М.Ф. Владимирского-Буданова, к этому времени окончательно принимает на себя прежнюю роль частных лиц и общин в преследовании преступлений¹.

Идея о том, что преступление есть посягательство на порядок общественной жизни (общественных отношений), установленный правящей элитой (царской волей), являющейся основой формирования в Уложении 1649 г. конкретных преступлений, была воспринята всеми последующими уголовными русскими, советскими и современными российскими законами.

Особенно рельефно идея о существовании преступления, как деяния, противоречащего интересам правящей (господствующей) социальной группы (класса), была отражена в первых советских уголовных законах. Так, в ст. 5 Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 г. указывалось, что преступление есть «нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом, и как действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений». В УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г. под преступлением признавалось всякое общественно опасное действие или бездействие, угрожающее основам советского строя и правопорядку, установленному рабоче-крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени.

В теории права касательно понимания преступления как деяния, нарушающего сложившиеся под влиянием правящей элиты (господствующего класса) общественные отношения, позиции разные. Одни исследователи исходят именно из такого понимания преступления. Так, П.А. Сорокин, отмечая, что более сильная часть общества навязывает остальным свои шаблоны поведения посредством двойного рода стимулов — положительных (награды) и отрицательных (кара), ссылаясь в качестве иллюстрации на опыт

¹ Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. С. 335–336.

отдельных социумов, где в качестве преступления признавалось принятие в пищу свинины или коровьего молока, наступление на тень человека и т.д.¹ Объективно эти действия ущерба людям не несли. Но в силу различных обстоятельств в соответствующем обществе элементом установившегося там порядка было исключение из предметов питания свинины или молока и т.д. Лица, нарушавшие установившиеся правила, привлекались к ответственности.

А.А. Пионтковский подчеркивал, что объективным свойством каждого преступления в системе советского права является его социальная опасность в связи с тем, что оно посягает на общественные отношения, обеспечивающие классовое господство пролетариата². А.А. Герцензон также отмечал, что именно господствующий класс устанавливает порядки, выгодные и удобные ему³.

Другие авторы исходят из того, что под преступлением понимается деяние, направленное на норму права, на изменение окружающей действительности, на повреждение правового блага, нарушение охраняемого уголовным законом интереса, на причинение вреда людям (как физическим лицам, как некоторой множественности, именуемой юридическими лицами, и как социуму)⁴.

По нашему мнению, позиция, в соответствии с которой непосредственным объектом преступления выступают не общественные отношения, а вещи, правовая норма, люди, блага, не позволяет объяснить ряд вопросов. В частности, почему в одних случаях лишение жизни человека является убийством (ст. 105 УК России), в других — посягательством на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК России), а в третьих — невиновным лишением жизни (ст. 29 УК России); каким образом и чему причиняется вред при хищении, если похищенный предмет никаким образом не изменился, и т.д.?

¹ Сорокин П.А. Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб.: Изд-во РХГИ, 1999. С. 94–108.

² Пионтковский А.А. Советское уголовное право: в 2 т. Т. 1. М., Л.: Госюр-издат, 1929. С. 61, 265–266.

³ Герцензон А.А. Уголовное право. Общая часть. М.: РИО ВЮА, 1948. С. 253–254.

⁴ Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Часть Общая: в 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1994. С. 17; Ковалев М.И. Понятие преступления в советском уголовном праве. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1987. С. 18; Курс уголовного права: в 5 т. Т. 1 / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002. С. 208; Мотин О.А. Частный интерес в системе уголовно-правовой охраны. Самара, 2006. С. 30–31; Новоселов Г.П. Учение об объекте преступления. М., 2001. С. 60.

Возвращаясь к Уложению 1649 г., следует отметить, что усложнение общественной жизни и вызываемое этим расширение сферы воздействия уголовного права, а также развитие юридической техники и накопление юридического материала создали условия для выделения в Уложении 1649 г. совокупности норм, могущих рассматриваться как обстоятельства, исключаящие преступность деяния. Однако самостоятельного отражения они в Уложении 1649 г. еще не находят. Их регулирование осуществляется применительно к конкретным случаям причинения вреда охраняемым законом отношениям.

Необходимая оборона, задержание лица, совершившего преступление, крайняя необходимость, неведение, исполнение долга и другие аналогичные ситуации, как правило, исключали наказание. Причем терминологически это выражалось по-разному. Так, убийство при обороне от посягательства в ходе судебного разбирательства обороняющегося «никакой казнию не казните» (ст. 105 гл. X). Убийство при отражении посягательства на «боронящегося» и на его дом «не ставилось в вину» (ст. 200, 283 гл. X); а при случайном убийстве «того в убийство не ставити, и наказание за такое дело никому не чинити» (ст. 18 гл. XXII) или «никого смертию не казнити, а тюрьму не сажати» (ст. 20 гл. XXII).

Частный случай крайней необходимости (причинение вреда лицу, не причастному к посягательству, в результате убийства собаки «ручным боем, а не из ружья, бороняся от себя») отражен в ст. 283 гл. X. В этой статье наряду с другими статьями определяется порядок разбирательства дел в случае причинения вреда животными и устанавливается уголовная и гражданско-правовая ответственность.

В тексте Уложения 1649 г. наряду с обороной (ст. 105, 200, 283 гл. X), крайней необходимостью (ст. 283 гл. X) имеются правовые предписания, схожие с такими ситуациями правомерного вреда, как задержание лица, совершившего преступление (убийство вора, оказывающего сопротивление, при погоне за ним — ст. 88, 89 гл. XXI); исполнение долга (убийство изменника и при бороне «того, кому он служит» — ст. 15 гл. II; ст. 16 и 21 гл. XXI); случайность (убийство «потому, что лошадь от чего испужавшись, и узду изорвав разнесет, и удержати ее будет не мощно» — ст. 18 гл. XXI), неведение (не несли ответственности близкие изменника, если не знали о готовящейся измене, а также те люди, у которых были подложные письма, но они их подложности не знали — ст. 10 гл. II, ст. 4 г. IV; ст. 77 гл. XXI), помилование со стороны государя (вернувшийся изменник мог быть помилован государем — ст. 11 гл. II).

В то же время Уложение 1649 г. зачастую не проводит четкой грани между причинением вреда при обороне и задержании лица, совершившего преступление, или крайней необходимостью. Примером этому может быть ст. 88 гл. XXI, в которой допускается убийство «татя с поличным в доме своем» и убийство татя «на дороге, или на поле, или в лесу если тот татя изымати себя не даст и учнет драться».

В норме о лишении жизни вследствие испуга лошади (ст. 18 гл. XXI) содержатся также отдельные положения крайней необходимости, «как обстоятельства уничтожающего наказание, даже в случае преступления против жизни»¹.

Причинение вреда, как правило, в виде лишения жизни человека и причинения телесных повреждений, признается правомерным при пресечении измены (ст. 15 гл. II), при защите жизни и здоровья, как обороняющегося, так и тех лиц, которым он служит (ст. 16 и 21 гл. XXI), интересов правосудия (ст. 105 гл. X, ст. 88 гл. XXI), а также имущества (ст. 200 гл. X, ст. 88 гл. XXI).

Вместе с тем, следует особо подчеркнуть, что Уложение 1649 г. устанавливает определенные условия, при которых соответствующие вредоносные действия признаются правомерными. Так, лишение жизни нападавшего при обороне «себя и дом свой» «в вину не ставилось» при условии, если «побитых привезут к судьям» (ст. 200 гл. X); убийство собаки «в вину не ставится» также только при условии, если это совершено «ручным боем не из ружья» (ст. 283 гл. X).

Таким образом, лишение жизни признавалось правомерным при отражении посягательства в доме или во дворе, либо при погоне, то есть при реальном посягательстве и исключало наказание при условии заявления обороняющимся о факте лишения жизни нападавшего, доставлении его к судье или в приказ. Лишение жизни вне установленных законом условий рассматривалось как самоуправство. Так, в соответствии со ст. 88 гл. XXI если кто-либо, поймав татю (вора), станет его пытать у себя в доме и причинит увечье, то ему вменяется уплатить за увечье. Представляется, что установление временных и пространственных пределов, только в рамках которых и допускалось лишение жизни вора или изменника или их ранение, знаменует существенный поворот к признанию лишения

¹ Бернер А.Ф. Учебник уголовного права. Часть Общая. С примечаниями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному магистра уголовного права Н. Неклюдова. СПб., 1865. С. 421.

жизни любого человека и причинения телесных повреждений действием вредоносным.

Реальность опасности была одним из обязательных условий также и для крайней необходимости. Об этом можно сделать вывод из содержащегося в ст. 283 гл. X указания о том, что убийство собаки не ставится в вину, при условии, что это совершено «ручным боем», то есть при отражении непосредственного нападения собаки. В то же время общего требования о соразмерности защиты посягательству в Уложении 1649 г. закреплено не было.

Уложение 1649 г. закрепляло не только право на отражение посягательства на жизнь, телесную неприкосновенность, имущество как самого обороняющегося, так и других лиц, но в отдельных случаях обязывало под страхом уголовного наказания оборонять других лиц, в том числе и путем причинения вреда. В соответствии со ст. 59 гл. XXI люди, которые слышали крики о помощи при разбойном нападении или в погоне за разбойниками, «на крик и на воп не пойдут и их выдадут», «чинити жестокое наказание, бити кнутом нещадно». Если слуги уклонятся от защиты господ от того, «кто умысля воровски придет в чей дом и похочет того дому над госпожею какое дурно учинити, или ея ис того дому похочет куды увести», то «после того про такое их дело сыщется, и тех воров, кто таким умыслом в чужой дом приедет, и которыя люди им на такое воровство учинят помочь, всех казнити смертию» (ст. 16 гл. XXI).

Уложение 1649 г. много внимания уделяет необходимой обороне. А.Ф. Кони в своей работе, написанной в 1866 г. для получения степени кандидата по юридическому факультету, отмечал, что право необходимой обороны в Уложении 1649 г. определено ясно и границы его указаны. Постановления Уложения составляют огромный шаг вперед против господствующего до этого самосуда. Вместе с тем он подчеркивал, что постановления о необходимой обороне не сложились еще в отдельные связанные между собой правила, не составляют особой рубрики статей, но уже ясно видно представление о праве необходимой обороны как одного из важнейших прав граждан. Время Уложения 1649 г. — время сильной правительственной централизации, время полного господства власти, отрицающей всякий самосуд, и поэтому право необходимой обороны, как неразрывно связанное с развитием государства и упадком общего самосуда, определяется гораздо яснее прежнего и все более и более выделяется из других сродных понятий¹.

¹ Кони А.Ф. О праве необходимой обороны. М., 1866. С. 84, 90.

Таким образом, в Уложении 1649 г. система преступлений, а также отдельные положения института обстоятельств, исключаяющих преступность деяния, получили свое дальнейшее развитие. В то же время, в нем отсутствуют правовые нормы, содержащие общие определения преступления, необходимой обороны, крайней необходимости, задержания лица, совершившего преступление, и других аналогичных обстоятельств. Положения об исключении наказуемости при причинении вреда излагаются при описании конкретных преступлений и носят казуальный характер, зачастую они содержат признаки разных ситуаций и не могут рассматриваться как единый правовой институт.

Становление во второй половине XVII в. — начале XVIII в. абсолютизма в России, рост территории, увеличение населения и другие перемены в жизни России обусловили новые качественные изменения уголовного законодательства.

Среди многочисленных уголовно-правовых актов этого периода самым значимым является Артикул воинский 1715 г. (далее — Артикул), над подготовкой которого непосредственно трудился Петр I, внося в него множество исправлений и дополнений, придавших формулировкам лаконичность, четкость и ясность¹. Артикул является первым в истории российского права систематизированным сугубо уголовно-правовым актом, в отличие от действовавших до этого крупных законодательных актов, которые имели межотраслевой характер. Он не отменял Уложение 1649 г., а должен был применяться одновременно с ним.

Артикул заимствован из иностранных источников — шведских артикулов 1683 г., но со значительными отступлениями как в системе наказаний, более суровых, так и в определительной части; имперских немецких законов, уставов датских и голландских, а также ордонансов Людовика XIV². Однако в литературе отмечается, что такие заимствования привели законодательство к серьезному отрыву от корневой системы отечественного права, и, как следствие этого, к деградации юридической техники, отсутствию ясности и четкости языка, велеречивости, расплывчатости формулировок и законодательной демагогии³.

Общая часть в Артикуле не выделена, но многие ее институты получили дальнейшее развитие: проводится различие между умыслом, неосторожностью и случаем, сформулированы положения

¹ Павленко Н.И. Петр Великий. М., 1990. С. 375.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 101.

³ Синоюков В.Н. Российская правовая культура. Саратов, 1994. С. 120 и др.

о приготовлении и покушении на преступление, а также обозначены формы соучастия.

Здесь употребляется термин «преступление», хотя его определение, как «суть то, что вред и убыток Государству приключить может», было дано в вышедшем раньше Указе от 24 декабря 1714 г. «О воспрещении взяток и посулов и о наказании за оное»¹.

В Артикуле впервые в российском уголовном законодательстве нормативно было определено понятие необходимой обороны, право на которую подробно регламентировалось в главах «О смертном убийстве» и «О зажигании, грабительстве и воровстве». В соответствии с арт. 156 «кто прямое оборонительное супротивление для обороны живота (жизни) своего учинит, и оного, кто его к сему принудил, убьет, оный от всякого наказания свободен»². В арт. 157, гласящем «оный, который предлагает, что он, обороняя себя, онаго убил, имеет доказать, что он не зачинщик драки был, но от убитаго нападен и зацеплен, и что он без опасения смертнаго уступить или уйти не мог», а также в толковании к этому артикулу и арт. 141 и 185 определялось, что право необходимой обороны возможно использовать только в указанных законом пределах, а именно только для защиты жизни.

В качестве условий правомерности обороны Артикул называет соразмерность интенсивности защиты нападению («чтоб таким же образом обороняться, каким образом от кого кто нападен будет. Ежели нападение учинитца оружием, то мочно оружием обороняться; ежели же без оружия, то и противися без оружия» (арт. 157 толк.), «позволено вора, который в ночи в дом ворвется, без страху наказания умертвить, ежели его без своего опасения преодолеть было невозможно» (арт. 185 толк.)).

Но в то же время Артикул допускал причинение любого вреда посягающему в случае, когда посягательство было сопряжено с угрозой для жизни, — «ежели смертной страх есть, то надлежит обороняться как возможно» (арт. 157 толк.).

В соответствии с Артикулом правомерной является своевременная оборона («Состоит нужное оборонение временем, а именно: ежели нужное оборонение в самом деле вскоре учинится, когда подлинно в страхе есть и зацеплен будет, того ради если оный, кто задерет уступит и от обиженнаго побежит, а обиженный его насти-

¹ Законодательство Петра I. 1696–1725 годы / сост. В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2014. С. 749–750.

² Здесь и далее Артикул цитируется по: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 4. М., 1987. С. 327–365.

гать побежит, и тогда убьет, то оный уже регулы нужного оборонения преступил» (арт. 157 толк.).

Артикул не содержал положения об обязательности сообщения начальству или в суд о факте лишения жизни посягающего при необходимой обороне. Но возможность обороняться даже путем лишения жизни признавалась только тогда, когда подвергшийся нападению не имел возможности уклониться от посягательства иным образом, к примеру убежать, и он не являлся зачинщиком драки.

Превышение пределов обороны влекло «не животом (то есть не жизнью), но разсуждению по судейском жестко, тюрьмой, штрафом денежным или шпицрутеном иметь быть наказан» (арт. 157 толк.).

Таким образом, Артикул по сравнению с Уложением 1649 г. признавал причинение вреда при необходимой обороне правомерным для защиты своей жизни с соблюдением указанных в законе условий.

В Артикуле, по мнению А.Н. Попова, в регламентации необходимой обороны сделан огромный шаг назад, так как практически законодательство возвратилось к средневековым ограничениям необходимой обороны и сузило право необходимой обороны требованиями, не вызванными необходимостью, ставя обороняющегося в невыгодное положение перед нападавшим¹.

Причина этого, как представляется, кроется в том, что в России и других странах, правовая система которых входит в так называемую римско-германскую правовую семью, к этому времени окончательно закрепилась на столетия вперед концепция, согласно которой кровная месть запрещалась и обеспечение безопасности личности и ее интересов презюмировалось за государством². Это находило отражение в законодательстве, а также в теории уголовного права. А.Ф. Кони в 1866 г. в своей работе «О праве необходимой обороны» подчеркивал, что государство одно только имеет право и обязанность творить суд и расправу над гражданами и исключает в этом отношении всякую конкуренцию. Закон запрещает всякое самоуправство, всякое применение силы над противником до суда.

¹ Попов А.Н. Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах. СПб., 2001. С. 213.

² В соответствии со ст. 100 Уложений 1845 г. причинение вреда при отражении посягательства при обороне признавалось правомерным при невозможности прибегнуть к защите местного или ближайшего начальства, когда действительно жизнь, здоровье или свобода оборонявшегося подвергались опасности, или же нападение сделано вором или разбойником, или нападающий вторгнулся с насилием в жительство оборонявшегося.

Но есть такие случаи, в которых само законодательство должно допустить некоторое самоуправство. Это должно быть допущено именно из уважения к праву, которое в противном случае могло бы быть часто и совершенно безнаказанно нарушено. Это случаи так называемой необходимой обороны¹. Н.С. Таганцев в своих лекциях по русскому уголовному праву, над которыми он фактически работал с 1887 г. по 1902 г., также отмечал, что охрана ненарушимости правового порядка лежит на общественной власти².

В рамках такой концепции защита гражданином своих интересов, а также интересов других физических лиц рассматривается не как естественное право человека, а как всего лишь дополнение к функции государства. Такое понимание необходимой обороны, естественно, влекло ее допущение лишь в узких пределах.

Другие ситуации правомерного вреда (крайняя необходимость, задержание лица, совершившего преступление, душевная болезнь, исполнение приказа) в Артикуле определялись казуально, применительно к описываемой в соответствующей норме ситуации. Так, крайняя необходимость отражалась, в частности, в положениях о сдаче в плен (арт. 117 толк.), о сдаче крепости (арт. 123), о краже «из крайней голодной нужды» (арт. 195 толк.). Причинение вреда (смерти) в соответствии с арт. 205 допускалось лишь при задержании оказывающих сопротивление «обыкновенных воров, а не чрезвычайных бунтовщиков или изменников».

Кроме этого, в Артикуле называются также признаки такого обстоятельства, как исполнение приказа (арт. 27–30, 53). Так, в соответствии с арт. 53 военнослужащие не должны исполнять исходящие от начальников приказы, если они не касаются их службы.

В соответствии с нормами Артикула причинение вреда правоохраняемым интересам при задержании преступника и необходимой обороне влекло освобождение от наказания. Так, арт. 156 определял, что человек, лишивший жизни посягающего, «от всякого наказания свободен». Крайняя необходимость рассматривалась как извинительное обстоятельство (арт. 123) или как обстоятельства, «умалыющие или вовсе отставляющие наказание» (арт. 195 толк.).

Таким образом, Артикул, как уголовно-правовой документ, отличается от Уложения 1649 г. в целом меньшей казуистичностью, более высоким уровнем обобщения и последовательностью изложения. Положения института правомерного вреда нашли в нем

¹ Кони А.Ф. О праве необходимой обороны. М., 1866. С. 4–5.

² Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая: в 2 т. Т. 1. М., 1994. С. 195.

дальнейшее развитие. Впервые в российском уголовном законодательстве было дано общее определение необходимой обороны и ее пределов, хотя при этом сфера применения оборонительных действий по сравнению с Уложением 1649 г. была существенно сужена. Хотя описания крайней необходимости, задержания лица, совершившего преступление, и невиновного причинения вреда носили казуальный характер, но признаки этих ситуаций уже были четко обозначены. Тем самым были созданы условия для расширения в последующих отечественных уголовных законах числа обстоятельств, исключающих преступность деяния, более полной нормативной их регламентации и обособления в самостоятельный уголовно-правовой институт¹.

В период принятия и действия Соборного уложения и Артикула Воинского (XVII–XVIII вв.) уголовное законодательство превратилось в самостоятельную отрасль законодательства. В юридический оборот была введена вполне современная унифицированная терминология: «преступление», «наказание», «вина», «умысел» и т.д. Более высокого уровня достигла законодательная регламентация неоконченного преступления, соучастия в преступлении, а также таких ситуаций, связанных с причинением правомерного вреда, как необходимая оборона, крайняя необходимость, исполнение приказа, невиновное причинение вреда. Наблюдается прогресс и в законодательной технике структурирования нормативного материала. Появился «прообраз» Общей части в виде компактно расположенных ассоциаций взаимосвязанных нормативных предписаний, которые, однако, по традиции продолжали воспроизводиться при описании конкретных преступлений².

Таким образом, к началу XIX в. в уголовном законодательстве и теории уголовного России окончательно сформировалось понимание преступления как деяния, посягающего на интересы правопорядка. Преследование лица, совершившего убийство или причинившего вред здоровью или имуществу, в это время становится обязанностью органов государства. Большинство элементов института правомерного вреда, равно как и в целом Общей части, имели не только нормативное определение в законодательстве, но и теоретическое обоснование с различных социальных позиций.

¹ Михайлов В.И. Свод законов 1832 г. и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.: общая характеристика и ситуации правомерного вреда (обстоятельства, исключающие преступность деяния) // История государства и права. 2010. № 24. С. 16–21; Он же. Институт правомерного вреда (обстоятельств, исключающих преступность деяния) в Уголовном уложении 1903 г. // Журнал российского права. 2016. № 5. С. 65–72.

² Коняхин В.П. Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права. СПб., 2002. С. 30–32.

Список использованной литературы

1. *Бернер А.Ф.* Учебник уголовного права. Часть Общая. С примечаниями и дополнениями по истории русского права и законодательству положительному магистра уголовного права Н. Неклюдова [Текст] / А.Ф. Бернер. — СПб., 1865.
2. *Владимирский-Буданов М.Ф.* Обзор истории русского права [Текст] / М.Ф. Владимирский-Буданов. — Ростов н/Д, 1995
3. *Герцензон А.А.* Уголовное право. Общая часть [Текст] / А.А. Герцензон. — М.: РИО ВЮА, 1948.
4. Законодательство Петра I. 1696–1725 годы [Текст] / сост. В.А. Томсинов. — М.: Зерцало, 2014.
5. *Кони А.Ф.* О праве необходимой обороны [Текст] / А.Ф. Кони. — М., 1866.
6. *Коняхин В.П.* Теоретические основы построения Общей части российского уголовного права [Текст] / В.П. Коняхин. — СПб., 2002.
7. *Маньков А.Г.* Уложение 1649 года — кодекс феодального права России [Текст] / А.Г. Маньков. — Л., 1980.
8. *Михайлов В.И.* Свод законов 1832 г. и Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г.: общая характеристика и ситуации правомерного вреда (обстоятельства, исключаящие преступность деяния) [Текст] / В.И. Михайлов // История государства и права. — 2010. — № 24.
9. *Михайлов В.И.* Институт правомерного вреда (обстоятельств, исключаящих преступность деяния) в Уголовном уложении 1903 г. [Текст] / В.И. Михайлов // Журнал российского права. — 2016. — № 5.
10. *Мотин О.А.* Частный интерес в системе уголовно-правовой охраны [Текст] / О.А. Мотин. — Самара, 2006.
11. *Новоселов Г.П.* Учение об объекте преступления [Текст] / Г.П. Новоселов. — М., 2001.
12. *Павленко Н.И.* Петр Великий [Текст] / Н.И. Павленко. — М., 1990.
13. *Пионтковский А.А.* Советское уголовное право [Текст]: в 2 т. Т. 1 / А.А. Пионтковский. — М.: Л.: Госюриздат, 1929.
14. *Попов А.Н.* Преступления против личности при смягчающих обстоятельствах [Текст] / А.Н. Попов. — СПб., 2001.
15. Российское законодательство X–XX веков [Текст]: в 9 т. Т. 3. — М., 1987.
16. *Синюков В.Н.* Российская правовая культура [Текст] / В.Н. Синюков. — Саратов, 1994.
17. *Сорокин П.А.* Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали [Текст] / П.А. Сорокин. — СПб.: Изд-во РХГИ, 1999.
18. *Таганцев Н.С.* Русское уголовное право. Лекции. Часть общая [Текст]: в 2 т. Т. 1 / Н.С. Таганцев. — М.: Наука, 1994.

**СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ 1649 ГОДА — НОВЫЙ ЭТАП РАЗВИТИЯ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СИСТЕМЫ ИСПОЛНЕНИЯ НАКАЗАНИЯ В ВИДЕ
ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ**

Время правления Алексея Михайловича — это переход от сословно-представительной к абсолютной монархии. Этим объясняется свойственное периоду абсолютизма стремление подвергнуть регламентации как можно больше сторон общественной и даже личной жизни. Поэтому и потребовался обширный законодательный документ, каким стало Соборное уложение. От прежних правовых актов оно отличалось широтой охвата различных сфер: экономики, форм землевладения, сословного строя, судопроизводства, материального и процессуального права, государственно-политического строя¹.

Соборное уложение 1649 г., состоящее из 25 глав и 967 статей, является одним из самых значимых и всеобъемлющих памятников правовой мысли в истории Русского государства. Будучи само по себе своеобразным продолжением предыдущих правовых сборников — Русской Правды, Судебников 1497 и 1550 гг., Соборное уложение, ставшее кодексом законов Московской Руси, принятое Земским собором² в 1649 г. и действовавшее почти 200 лет (до 1832 г.), ознаменовало собой окончательное оформление русского феодального права. В нем абсолютно по-новому были рассмотрены и урегулированы отношения, сложившиеся тогда в политике, экономике, социальной сфере, судопроизводстве.

Известно, что в конце XVI — первой половине XVII в. в правовой системе Русского государства сложилась весьма неоднозначная ситуация. На протяжении 1550–1649 гг., т.е. в период от принятия Судебника 1550 г. до Соборного уложения 1649 г., было подписано 445 новых царских указов. Бурная законотворче-

¹ См.: Грудцына Л.Ю., Оганесян С.М., Пашенцев Д.А. Формирование пенитенциарного законодательства и пенитенциарной системы России: монография. М.: Юркомпани, 2014. С. 21.

² Земский собор (Совет всей земли, 1549–1684 гг.) — высшее сословно-представительное учреждение в Русском государстве середины XVI — конца XVII в., которое являлось собранием представителей всех слоев населения (кроме крепостных крестьян). За 135 лет существования земских соборов их было создано более 60. Земские соборы, как русский вариант сословно-представительной демократии, созывались для обсуждения политических, экономических, правовых, административно-управленческих и др. вопросов.

ская деятельность новой династии Романовых привела к образованию в середине XVII в. огромного количества правовых документов, которые не просто устаревали и не успевали за развитием общественных отношений в государстве, но и очень часто противоречили друг другу¹.

В немалой степени данный факт объясняется разбросанностью нормативных правовых актов по разным ведомствам. К этому привели отсутствие координации между отраслевыми приказами (когда о новом царском указе и, соответственно, о новой записи в указной книге данного приказа знали лишь его сотрудники), а также неэффективность казуального характера норм и правил, установленных данными указами.

Все это, а также вспыхнувший в 1648 г. Соляной бунт в Москве, при котором одним из главных требований восставших была разработка нового Уложения, и подтолкнуло царя Алексея Михайловича Романова к созыву Земского собора, одной из главнейших задач которого стало формирование нового свода законов и правил Русского государства. На протяжении осени 1648 г. специальная комиссия Земского собора, состоявшая из князей Никиты Ивановича Одоевского, Семена Васильевича Прозоровского, Федора Федоровича Волконского и дьяков Гаврилы Леонтьева и Федора Грибоедова, разрабатывала новый документ и 29 января (8 февраля) 1649 г. текст Уложения был представлен царю и членам Земского собора.

Для создания нового Уложения использовались источники как традиционного русского, так и зарубежного законодательства. Во-первых, в Уложении было сохранено достаточно много положений и норм Русской Правды — к примеру, принцип талиона (лат. *lex talionis*) «око за око, зуб за зуб». Во-вторых, были введены нормы из указных книг приказов, принятых на протяжении 1550–1649 гг. В-третьих, в тексте нового свода законов использовались некоторые нормы Судебников 1497 и 1550 гг. В-четвертых, в некоторых статьях Уложения для построения фраз, их рубрикации и уточнения формулировок использовался Литовский статут 1588 г., а также Кормчая книга. И в-пятых, были заимствованы нормы библейских канонов — Моисеево законодательство, то есть знаменитые 10 заповедей, и Второзаконие².

¹ См.: Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб.: Наука, 1998. С. 12.

² См.: Чистяков О.И. Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. 3: Акты Земских соборов. М.: Юрид. лит., 1985. С. 234.

В Соборном уложении 1649 г. законодателем была предпринята попытка сформировать систему норм и классифицировать их по отраслям права. Среди них особое внимание было уделено разработке уголовного права. Так, например, впервые было сформулировано понятие государственного преступления, к которому были отнесены все деяния, направленные против власти, здоровья, чести царя и его семьи. За совершение государственного преступления назначалось наказание в виде смертной казни. Не применялась смертная казнь лишь за действия, наносившие урон царскому авторитету, но не содержащие злого умысла (например, за описки в титуле или имени государя). Лицо, совершившее их, могло быть выпорото кнутом или длинными деревянными палками (батогами), или сослано на вечное житие в Сибирь. Строго карались преступления, совершенные против церкви и ее главы — патриарха.

Как видим, уголовно-правовые отношения получили дальнейшее развитие в виде четко разработанной системы преступлений (против церкви, государства, личности, порядка управления, нравственности, благочиния, имущества) и наказаний за них.

В числе основных видов уголовных наказаний применялись: смертная казнь, телесные и членовредительские наказания, лишение свободы, лишение чести, денежные штрафы¹. При этом смертная казнь применялась более чем за 60 видов преступлений и подразделялась на квалифицированную (четвертование, колесование, сожжение, закапывание живьем в землю и др.) и простую (отсечение головы, повешение). Членовредительские (увечашие) наказания заключались в отсечении у преступника руки, ноги, урезании уха, носа, губы, вырывании глаза, ноздрей. Телесные наказания приводились в исполнение путем сечения нарушителя закона кнутом, батогами, розгами в публичном месте (на торговой площади). Наказание в виде лишения свободы было связано с заключением осужденного в тюремное помещение (яму, погреб, клеть, острог, келью). Как видим, система наказаний в Соборном уложении 1649 г. была достаточно жестокой, поскольку очень часто применялась смертная казнь.

Главными целями наказания были:

возмездие преступнику (например, фальшивомонетчику заливали в горло расплавленный металл, а поджигателя имущества сжигали на костре);

имущественные выгоды (ссылка, конфискация, пеня);

¹ См.: Пашенцев Д.А., Чернявский А.Г. История отечественного государства и права: учебное пособие. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 80.

устрашение остальных («...чтоб иным на то смотря не повадно было так делать...»)¹.

Система уголовных наказаний в Соборном уложении 1649 г. характеризовалась следующими признаками:

индивидуализацией наказания (жена и дети преступника не отвечали за совершенное им деяние);

его сословным характером, когда за одни и те же преступления разные субъекты несли разную ответственность (например, за аналогичное деяние боярин наказывался лишением чести, а простолюдин — кнутом);

неопределенностью наказания (в приговоре мог не указываться вид наказания — «как Государь укажет», «наказать по вине», «наказать жестоко»);

множественностью наказаний, когда за одно и то же преступление могло быть установлено сразу несколько наказаний (битье кнутом, урезание языка, ссылка, конфискация имущества)².

Особняком в Уложении стоит такой вид наказания в виде лишения свободы, как тюремное заключение. Данный вид наказания предполагался за более чем 40 случаев совершенных преступлений, причем сроки тюремного заключения устанавливались от 3 дней до 4 лет или на неопределенный срок. Это значит, что уже в те времена был сформирована система исполнения наказания в виде лишения свободы в рамках сложившегося правопонимания эпохи позднего Средневековья. Правда, иногда в Уложении встречаются такие формулировки, как, например, «содержать под стражей до государева повеления» (неопределенный вид наказания), но это скорее исключение из правил. Такой целенаправленный и системный подход к данной проблеме свидетельствует, по мнению А.М. Фумм, о появлении в то время превентивной функции содержания под стражей с целью предупреждения будущих преступлений³.

Отметим, что тюремное заключение, как самостоятельный вид наказания преступников, упоминается намного раньше — еще в XI–XII вв., однако оно касалось исключительно еретиков. Впоследствии оно стало применяться намного чаще, в основном, как предварительная мера наказания вплоть до принятия Судебника

¹ См.: История отечественного государства и права. Ч. 1 / под ред. В.А. Рогова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2000. С. 104.

² Исаев И.А. История государства и права России: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2000. С. 190.

³ См. подробнее: Фумм А.М. Уголовно-исполнительные нормы как основа пенитенциарной политики Российского государства XVIII в. // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2014. № 4. С. 27–31.

1550 г., где тюремное заключение было закреплено в качестве временного ограничения свободы обвиняемого до вынесения решения судом. В свою очередь в Соборном уложении 1649 г. данный вид наказания стал применяться и как предварительная мера, и как основное наказание.

Несомненно, в статьях Уложения сохранились некоторые казуальные особенности, касающиеся тюремного заключения. Так, например, бессрочно («до отыскания ими хозяев») содержались под стражей беглые холопы, до определенного момента сидели в тюрьме и разбойники («лихие люди»), лица, оговаривавшие других людей, для искусственного продления следствия (правда, на срок не более 6 месяцев) и проч. Однако, как справедливо замечает В.А. Рогов, эти частные случаи не стоит особо принимать во внимание, поскольку они не имели связей с конкретикой уголовных наказаний в то время¹.

Согласно Соборному уложению 1649 г. главной особенностью применения наказания в виде лишения свободы является тот факт, что наряду с тюремным заключением на определенный срок применялись и нормы, когда преступника бросали в тюрьму на неопределенный срок («...на сколько Государь укажет» или же до представления особого поручительства известными людьми). На практике было всего несколько случаев, когда в санкциях соответствующих карательных норм сроки лишения свободы не оговаривались, а просто обязывали «вкинути» или «посадити» преступника в тюрьму:

- 1) за самовольный отпуск сотенным головой ратных людей со службы;
- 2) за бесчестье митрополита, архиепископа или епископа;
- 3) за освобождение недельщиком задержанного татя или разбойника за взятку².

Кроме того, не обозначались конкретные сроки лишения свободы в случае, когда бросали в тюрьму разбойника, при том, что во время обыска были найдены улики его противоправных действий, но своей вины он не признал.

Отметим, что спорным вопросом до сих пор остается наличие в наказуемых нормах Соборного уложения 1649 г. положений о пожизненном заключении. Ученые-правоведы до сих пор ведут

¹ См.: История отечественного государства и права. Ч. 1 / под ред. В.А. Рогова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 2000. С. 167.

² Рожнов А.А. К вопросу о пожизненном лишении свободы в Уложении 1649 года // Общество и право. 2011. № 2 (34). С. 149; Его же. Генезис и эволюция уголовно-правовых институтов в Московском государстве в XIV–XVII вв.: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2012. 490 с.

жаркую дискуссию на эту тему. Так, например, А.И. Сидоркин доказывает, что в ст. 28 гл. XXI «О разбойных и о татинных делах» Уложения указывается: в случае непризнания вины пойманым преступником за разбой и грабеж, после двух пыток его следует посадить в тюрьму до самой смерти. Как доказательство своей правоты, ученый приводит трактовку аналогичной нормы, содержащейся в Судебнике 1550 г. и отдельном боярском приговоре Разбойного приказа при царе Федоре I Ионанновиче: «...таким людям, которые на себя в разбое с пыток не говорили, и тем людям сидети в тюрьме до смерти, а смертью их не казнити...»¹.

Его оппонент А.А. Рожнов утверждает, что в данном случае речь идет вовсе не о пожизненном, а о бессрочном наказании. Такой вывод ученый делает, исходя из анализа сходных с приведенными А.И. Сидоркиным правовых ситуаций. Так, например, за самовольный отпуск со службы служивых людей боярином или воеводой полагалось наказание — удары кнутом, а для сотника — удары батогами и тюремное заключение. И вот срок этого тюремного заключения, как доказывает А.А. Рожнов, никак не может быть пожизненным, так как: во-первых, он никоим образом не соответствует тяжести содеянного преступления; во-вторых, он не отвечает интересам государства (во время постоянных войн, конфликтов, восстаний и смут для власти было непозволительной роскошью лишать войско военного руководства). Все это говорит о том, что правовые дискуссии по данному вопросу далеки от своего завершения и по сей день актуальны.

Весьма важной и достаточно интересной особенностью применения норм лишения свободы является то, что фактически этот вид наказания в Соборном уложении 1649 г. не применялся в отношении лиц, совершивших преступные деяния против имущества (исключение — «лихие люди»). Традиционно государство удовлетворяло интересы пострадавшего собственника путем взыскания денежной суммы — штрафа, а тюремное заключение применялось преимущественно при посягательстве на интересы государства.

Еще одной особенностью тюремного заключения как одного из институтов системы исполнения наказания в виде лишения свободы по Соборному уложению 1649 г. является его применение в отношении лиц, совершивших преступления против веры (ре-

¹ Сидоркин А.И. Генезис наказаний, связанных с лишением и ограничением свободы в русском уголовном праве IX–XVII вв. Казань: Вега, 2004. С. 153; Его же. Наказания, связанные с лишением и ограничением свободы в русском уголовном законодательстве IX–XVII вв. (Проблемы правового регулирования, систематизации и применения): дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08, 12.00.01 / Александр Иванович Сидоркин. Казань, 2005. 451 с.

лигиозные преступления). Так, сроки лишения свободы на месяц предусматривались за нанесение побоев в церкви и оскорбления словами. В свою очередь, за нарушение нормы запрета на подачу челобитных в церкви сроки заключения не оговаривались — «как государь укажет». Поэтому, по мнению А.Г. Манькова, налицо исправительная роль тюрьмы в отношении лиц, совершивших церковные преступления, — месячные сроки заключения предусматривались как раз для того, чтобы виновные «обратились на путь истинный»¹.

Отметим еще и место наказания в виде лишения свободы относительно посягательств на государя и государственных чиновников. Если в первом случае сроки тюремного заключения, как правило, не указывались — таких заключенных в конце ждала только смертная казнь, — то во втором случае законодатель очень широко применяет данную меру наказания, причем именно как краткосрочное заключение (неделя, две недели, месяц). Нередко тюремные сроки присуждались в совокупности с телесными наказаниями и штрафами, причем все еще существовала путаница в применении того или иного вида наказания даже и после принятия Соборного уложения 1649 г., что нередко вызывало нечеткость в фиксации и двойственность самого института наказания.

Отдельно стоит упомянуть и о местах лишения свободы. В Русском государстве в этот период существовала целая система тюрем, в которые, в зависимости от вида и тяжести совершенного преступления, помещались преступники. Например, известный исследователь Уложения К.А. Софроненко выделяет следующие виды тюремных учреждений:

— земляные тюрьмы (для преступников, ожидавших решения суда, в этом случае лишение свободы применялось как предварительная мера наказания);

— деревянные (существовали в основном в боярских имениях и предназначались преимущественно для «своих» преступников);

— каменные (при крепостях, острогах и в больших городах, где преступники отбывали более длительные сроки наказания в виде лишения свободы);

— монастырские (содержались при монастырях и предназначались в основном для еретиков и лиц, совершивших религиозные преступления; срок содержания в монастырских тюрьмах обычно составлял от одной недели до 1–2 месяцев до момента, когда заключенный начинал искренне раскаиваться в содеянном);

¹ Маньков А.Г. Законодательство и право России второй половины XVII в. СПб.: Наука, 1998. С. 81.

— политические (в них содержались особо важные по статусу преступники, которым в силу разных причин не присуждалась смертная казнь — известные бояре, приближенные царя и проч.)¹.

А.И. Сидоркин приводит свою классификацию тюремных учреждений того периода: 1) частные тюрьмы; 2) государственные тюрьмы; 3) монастыри; 4) земско-губернские тюрьмы².

При этом частные тюрьмы ученый считает анахронизмом даже уже в то время, ведь они использовались только для преступников, нарушивших долговые обязательства в отношениях «кредитор — должник». Постепенно они замещались государственными и земскими тюрьмами. Между этими двумя разновидностями тюремных учреждений была небольшая разница: если государственные тюрьмы содержались исключительно за счет царской казны и охранялись служивыми людьми, то земские обслуживались и содержались местным населением.

Согласно губным грамотам на местные общины возлагалась обязанность устраивать тюремные заведения и организовывать их охрану. Например, как отмечает Ю.В. Оспенников, в Губной грамоте Троицкому Сергиеву монастырю 1686 г. местным крестьянам предписывалось: «...а в которых селех, или в деревнях, для разбойных и татиных дел учинят приказчиков и губных целовальников, и им в тех селех, или в деревнях, на разбойников и на татей тюрьмы поделати и сторожей къ тюрьмамъ выбрати...»³.

По мнению выдающегося отечественного тюремоведа М.Н. Гернета, такое сближение государственных и земских тюрем свидетельствовало о намерении государства переложить на местные общины все тяготы содержания, обеспечения и охраны тюремных зданий и помещений. Кроме того, как указывает ученый, это способствовало также и выполнению своеобразных превентивно-воспитательных целей: население своими глазами видело тяготы и трудности заключенных и проецировало их на себя⁴.

¹ Памятники русского права. Вып. 6: Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. / авт. кол.: Е.Г. Баскакова, И.Д. Мартысевич, О.И. Чистяков [и др.]; под ред. и с предисл. д-ра юрид. наук К.А. Софроненко. М.: Госюриздат, 1957. С. 47.

² Сидоркин А.И. Генезис наказаний, связанных с лишением и ограничением свободы... С. 39.

³ Оспенников Ю.В. Способы противодействия коррупции в московском праве XVI века // Общество и право. 2017. № 3. С. 179.

⁴ Гернет М.Н. История царской тюрьмы. В 5 т. Т. 2 (1825–1870). 2-е изд., доп. и перераб. М.: Госюриздат, 1951. С. 119; Страницы истории и очерки о научных школах Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации / Е.А. Прянишников, ☞

После принятия Соборного уложения 1649 г. широкое распространение получают монастырские тюрьмы. Главным преимуществом монастырских тюрем считалось то, что для содержания заключенных в них не требовалось обустраивать помещения — их содержали в монашеских кельях. К тому же монастыри обычно располагались в удаленных и труднодоступных местах. Ключевым отличием монастырских тюрем от остальных тюремных учреждений, по мнению Н.Ф. Кузнецовой, являлся обязательный труд осужденных по хозяйству монастыря, а также обязательный пост вместе с монахами. Именно поэтому, как считает ученый, монастырские тюрьмы несли ярко выраженную воспитательную и исправительную функции. Кроме того, для монастырских заключенных подробно расписывалось количество служб, какие они должны посетить, и работ, которые должны сделать¹.

Воспитательно-исправительные функции монастырских тюрем отмечались и в статьях Соборного уложения 1649 г.: «...А которые тати и розбойники доведутся казнити смертию, и их для покаяния посадити в тюрьме в ызбу на шесть недель, и как им отойдут урочные дни, и таких татей и розбойников казнити...»² (ст. 34 гл. XXI).

Необходимо также отметить еще одну важную деталь, раньше (еще до принятия Уложения) заключенные не обязаны были работать, однако в новом своде законов впервые появляется норма о законодательном закреплении трудовой повинности тех заключенных, которые были осуждены на длительные сроки тюремного заключения (больше 1 года): «...посадить в тюрьму на четыре года, а ис тюрьмы выимая его посылать на всякия государевы изделия, потому же в кайдалах...» (ст. 10 гл. XXI)³.

Подводя итог, отметим, что в Соборном уложении 1649 г. наказание в виде лишения свободы оформляется в самостоятельный уголовно-правовой институт, хотя и выступает в основном как превентивная мера ограничения свободы обвиняемого до суда. Введение наказания в виде лишения свободы в то время было продиктовано объективными причинами развития общества и государства. С принятием в Русском государстве нового свода законов

➔ Т.Я. Хабриева [и др.]. 4-е изд., доп. и перераб. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. С. 377 и др.

¹ Курс уголовного права. В 5 т. Т. 1. Общая часть: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. М.: Зерцало, 2002. С. 19.

² Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век — 1917 год) / сост. д-р юрид. наук, проф. В.А. Томсинов. М.: Зерцало, 2000. С. 124.

³ Там же. С. 122.

и правил лишение свободы, как мера наказания преступников, прочно закрепилось в отечественном уголовно-исполнительном праве, подтверждением чему стало расширение и увеличение комплекса тюремных учреждений.

Список использованной литературы

1. *Власенко Н.А.* М.Н. Гернет и основные вехи развития социологической школы права [Текст] / Н.А. Власенко, М.В. Залоило // Журнал российского права. — 2015. — № 6.
2. *Гернет М.Н.* История царской тюрьмы [Текст]: в 5 т. Т. 2 (1825–1870) / М.Н. Гернет. — 2-е изд., доп. и перераб. — М.: Госюриздат, 1951.
3. *Грудцына Л.Ю.* Формирование пенитенциарного законодательства и пенитенциарной системы России [Текст]: монография / Л.Ю. Грудцына, С.М. Оганесян, Д.А. Пашенцев. — М., 2014.
4. *Исаев И.А.* История государства и права России [Текст]: учебник / И.А. Исаев. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2000.
5. История отечественного государства и права [Текст]. Ч. 1 / под ред. В.А. Рогова. — 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2000.
6. Курс уголовного права [Текст]: в 5 т. Т. 1. Общая часть: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, И.М. Тяжковой. — М., 2002.
7. *Маньков А.Г.* Законодательство и право России второй половины XVII в. [Текст] / А.Г. Маньков. — СПб., 1998.
8. *Оспенников Ю.В.* Способы противодействия коррупции в московском праве XVI века [Текст] / Ю.В. Оспенников // Общество и право. — 2017. — № 3.
9. *Пашенцев Д.А.* История отечественного государства и права [Текст]: учеб. пособие / Д.А. Пашенцев, А.Г. Чернявский. — М., 2016.
10. *Прянишников Е.А.* Страницы истории и очерки о научных школах Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации [Текст] / Е.А. Прянишников, Т.Я. Хабриева, В.И. Лафитский [и др.]. — 4-е изд., доп. и перераб. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015.
11. *Рожнов А.А.* Генезис и эволюция уголовно-правовых институтов в Московском государстве в XIV–XVII вв. [Текст]: дис. ... д-ра юрид. наук / А.А. Рожнов. — М., 2012.
12. *Рожнов А.А.* К вопросу о пожизненном лишении свободы в Уложении 1649 года [Текст] / А.А. Рожнов // Общество и право. — 2011. — № 2.
13. *Сидоркин А.И.* Генезис наказаний, связанных с лишением и ограничением свободы в русском уголовном праве IX–XVII вв. [Текст] / А.И. Сидоркин. — Казань, 2004.
14. *Фумм А.М.* Уголовно-исполнительные нормы как основа пенитенциарной политики Российского государства XVIII в. [Текст] / А.М. Фумм // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. — 2014. — № 4.
15. Хрестоматия по истории отечественного государства и права (X век — 1917 год) [Текст] / сост. д-р юрид. наук, проф. В.А. Томсинов. — М., 2000.
16. *Чистяков О.И.* Российское законодательство X–XX веков [Текст]: в 9 т. Т. 3: Акты Земских соборов / О.И. Чистяков. — М., 1985.

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРАВОСУДИЮ
И ПРИКОСНОВЕННОСТЬ К НЕМУ В СОБОРНОМ УЛОЖЕНИИ
1649 ГОДА**

По сравнению с более ранними отечественными нормативными правовыми актами, содержащими нормы уголовно-правового характера (в частности, с Судебниками 1497 г. и 1550 г.), в законодательстве XVII в. подход к криминализации уголовных правонарушений, посягающих на нормальный порядок отправления правосудия, стал отличаться большей системностью. В основном источнике материального и процессуального права этого периода — Соборном уложении 1649 г.¹ была предпринята первая для отечественного права попытка группировки таких деяний в различных главах по признаку тождественности ущемляемых ими общественных отношений. Тем не менее, в систематизации посягательств на правосудие, по-прежнему, не приживалась традиция в восхождении отдельных уголовно-правовых понятий и институтов к общим теоретическим основам архитектоники уголовного права. Во-первых, в Уложении группа этих преступлений пока еще не «отвоевала» для своей дислокации самостоятельную структурную единицу (главу). Во-вторых, установление ответственности за преступные попираания правосудия скорее корреспондировалось с практическими условиями уголовно-правового «обихода»², ставящими во главу угла «криминального» определения их общественной опасности три безусловных критерия:

- политический характер, усмотренный в прикосновенности к государственным преступлениям;
- коррупционную направленность их совершения (в современном семантическом понимании этого термина), выведенную на первый план при криминализации неправосудия и прикосновенности к нему;

¹ См.: Соборное уложение 1649 года // Памятники Русского права в 8 выпусках. Выпуск 6: Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. М., 1957. С. 22–407.

² См.: Фельдштейн Г.С. Главные течения в истории науки уголовного права в России / под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. М., 2003. С. 23–24.

— экономическую (имущественную) направленность посягательства, связываемую с прикосновенностью к нарушениям права собственности¹.

Например, особо яркая политическая «окраска» (ставшая следствием рецепции клаузул Статута Великого княжества Литовского 1529 г. — Литовский статут) придавалась недонесению, как пассивному виду прикосновенности к государственным преступлениям, прежде всего, к измене (скопам и заговорам против государя, бояр и воевод на местах). В статьях 6–10 гл. II «О государственной чести и как его государское здоровье оберегать» Уложения содержались специальные материальные нормы об ответственности за неисполнение публично-правовой обязанности «извета» (доноса), закреплялись процессуальные особенности уголовного преследования недонесителей (путем обязательного сыска) и вменялись суровые меры наказания (смертная казнь и конфискация имущества всех членов семьи). Варианты конструирования оснований ответственности за лжедонесения излагались в ст. 12 (о недоказанности доноса свободного человека), ст. 13 (о ложных «изветах» холопов и крестьян), 14 (о порочащих «изветах» о государевом слове и деле) и 17 (о доказанности ложного «извета»).

«Извет» неукоснительно должен был выполняться всеми членами семьи изменника, проживавшими с ним совместно (включая жен, детей, родителей, родных братьев, дядей и иных родственников). К критериям, решающим вопрос о привлечении этих лиц к уголовной ответственности, Уложение причисляло установление в порядке сыска одного из элементов субъективной стороны: 1) «заведомости» о совершении измены; либо 2) незнания о таком деянии. В первом случае, когда члены семьи были осведомлены о совершенном либо готовящемся скопе и заговоре, но не сообщили о них, имела место пассивная прикосновенность к измене, наказуемая смертной казнью и влекущая полную конфискацию имущества. Во втором случае, Уложение в духе присущих тому времени гарантий «конституционного характера»² содержало указание об освобождении «родичей, про измену не ведавших» от наказания в виде смертной казни. Кроме того, имущество детей, живших

¹ Подробнее о системе преступлений экономической направленности в Уложении (включая посягательства на правосудие) см.: Шмонин А.В., Семькина О.И. Преступления экономической направленности: понятие и генезис уголовного законодательства: монография / отв. ред. А.В. Шмонин. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 41–63, 73–74, 105–107.

² См., напр.: Исаев М. О наказуемости родственного укрывательства и недонесительства // Советское право. 1924. № 1. С. 54.

с преступником в своих вотчинах (поместьях) до совершения измены и не знавших об этом преступлении, не подлежало конфискации, оставаясь полностью неприкосновенным. Членам семьи, также не осведомленным об измене, но продолжавшим проживать совместно с преступником уже после совершения преступления, из конфискованной массы выделялось имущество, необходимое им для проживания. Таким образом, при подтверждении сыском элемента незнания членов семьи о совершенном государственном преступлении несообщение о нем квалифицировалось как неприкосновенность к измене.

Следует отметить, что помимо членов семьи обязанность «извета» под угрозой смертной казни вменялась и иным «чинам людей», знавшим о противогосударственных скопах и заговорах (ст. 18, 19 гл. II Уложения). «Изветы» допускались также от холопов и крестьян относительно своих господ, но исключительно по политическим делам и с неперемнным предоставлением бесспорных улик совершения этих деяний (ст. 13 гл. II Уложения). Однако именно члены семьи находились в наиболее уязвимом положении «автоматического» подозреваемого, поскольку родственная связь с преступником презюмировала их осведомленность о преступлении и, соответственно, неотложность производства сыска. Напротив, иные лица попадали в объектив сыска только тогда, когда их прикосновенность к измене подтверждалась достаточными уликами (сыскивалась «про то допряма»).

Парадоксально, но некоторые из включенных в гл. II Уложения положений не уступают современным реалиям, а возможно и превосходят их. Так, говоря об освобождении от уголовной ответственности за прикосновенность к преступлению членов семьи, Уложение в круг таких субъектов включало не только супругов и близких родственников, но и иных родичей (к примеру, дядей), проживающих совместно с преступником («иной кто его роду, а жил он с ними вместе»¹). Подобного указания не имеется в примечании к ст. 316 Уголовного кодекса РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ об иммунитете от уголовного преследования за укрывательство преступлений супругов и близких родственников. Отсутствует оно и в п. 4. ст. 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ, раскрывающем одну из основных категорий такого иммунитета — дефиницию «близкие родственники».

В главе IV Уложения «О подписицах и которые печати поддельывают», вместившей «окологосударственные» посягательства

¹ См.: статьи 9, 10 Уложения.

против порядка управления, имелись положения, «выпадающие» из принципа индивидуальной ответственности. Это — нормы об ответственности родственников и наследников лиц, виновных в подделке официальных документов и печатей. В статье 3, например, криминализации подверглось использование подложных грамот наследниками их составителя или его приказчиками при осведомленности этих субъектов о фальсифицированном способе получения таких предметов либо при наличии у них корыстных мотивов. Такие уголовные дела расследовались в порядке сысского производства и наказывались смертной казнью. При установлении в ходе сыска в субъективной стороне отсутствия элемента осведомленности речь могла идти об освобождении от ответственности лиц, заведомо не знавших о «воровском» («нарядном») характере добычи фальсификата.

Уложение содержало множество норм об ответственности за противодействие правосудию и прикосновенность к нему, имеющих коррупционную направленность. В частности, в статье 12 гл. VII «О службе всяких ратных людей Московского государства» устанавливалось «жестокое же наказание, что государь укажет» за подтвержденный сыском ложный донос о получении боярами и воеводами «посулов» (вознаграждений) и «поминок» (подарков). Кроме этого, доноситель подвергался выплате высокого размера денежной компенсации за нанесенное боярину бесчестие в случае недоказанности его коррумпированности. Но, предусмотрев, как стоит полагать, достаточно суровое наказание, ст. 12 все же предоставляла боярам и воеводам возможность избежать ответственности. В одном из вариантов, когда «посулы» и «поминки» давались и принимались без свидетелей, возникали затруднения в доказывании правоты доносителей¹. А согласно предписаниям той же ст. 12 требовалась обязательное доказывание факта дачи-получения соответствующих предметов в порядке сысского производства.

Основной массив материальных составов деяний, совершаемых против правосудия, включая прикосновенность, и действующих в неотрывной связи с ними процессуальных норм (к коим относилась регламентация новой смешанной судебно-розыскной формы процесса, объединившей и сыск, и суд) консолидировался в гл. X «О суде». Центральное внимание в этой главе Уложения сосредоточивалось на противодействии коррупции в судопроизводстве, о чем свидетельствует группа норм об ответственности за взимание

¹ См.: Соборное Уложение 1649 года. Текст и комментарии / Г.В. Абрамович, А.Г. Маньков, Б.Н. Миронов, В.М. Пенях. Л., 1987. С. 167.

«посулов» и «лишка» при отправлении правосудия. С точки зрения исследователей Уложения¹, такая концентрация запретов стала первой попыткой законодателя ликвидировать сохранившийся с древнейших времен институт обычного права — кормления², состоявшего в своеобразной форме вознаграждения судей путем «посулов» до стадии «судоговорения». Во многом постепенному переходу «посула» в разряд уголовно-правового запрета и приданию, таким образом, ему негативной «окраски» взятки способствовали вводимые в условиях централизованного государства гарантии обеспечения судей поземельным и денежным жалованьем.

Итак, статья 5 гл. X Уложения закрепляла ответственность за вынесение судьей (включая бояр) неправосудного судебного акта за «посул» либо по мотивам дружбы с одной из сторон процесса дела или неприязни к какой-либо из них. Вид наказания за такое проявление неправосудия зависел от ранга судьи. Думные чины наказывались «отнятием чести» и материальным взысканием в пользу пострадавшей от несправедливого суда стороны. Если же акт неправосудия совершался не думным человеком, к виновному применялась «торговая казнь» и отстранение от должности. Ложное донесение об актах неправосудия, непременно подтвержденное в ходе сыскаго производства, влекло наказание в виде битья кнутом, выплаты бесчестья судье в тройном размере³ и тюремное заключение (ст. 9).

Статья 7 гл. X Уложения корреспондировала ответственность судьи за получение «посула» с его осведомленностью о совершении неправосудия из корыстных побуждений — с прямым повелением родственникам или любым другим лицам получить для него взятку. В этой норме помимо инициатора неправосудия (судьи как должностного лица) дополнительно речь шла об ответственности лиц, прикосновенных к судебному взяточничеству, — попустителях. Причем, вероятно в силу должностной юридической природы этого деяния, в ст. 7 умалчивался вопрос о виде наказания, назначаемого самому попустителю. Речь шла о применении санкции к инициатору в том объеме и размере, который оговаривался в приведенной

¹ См.: Соборное Уложение 1649 года. Текст и комментарии / Г.В. Абрамович, А.Г. Маньков, Б.Н. Миронов, В.М. Пенях. Л., 1987. С. 181–182, 185.

² Законодательство в сфере противодействия коррупции: концептуальные основы и место в системе российского законодательства: научно-практическое пособие / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. М.: Инфотропик Медиа, 2020. С. 11.

³ Размер материальной выплаты (штрафа) за бесчестье зависел от должностного чина судьи (см.: ст. 27–99 главы X Уложения «О суде»).

выше ст. 5¹. В другой норме гл. X Уложения — ст. 8 — напротив, говорилось о получении «посула» на имя судьи, о чем последний не был осведомлен. Это деяние квалифицировалось как мошенничество и влекло общеуголовные наказания: битье кнутом с изъятием в казну тройного размера полученного посула и заключение в тюрьму «до государева указа»².

По аналогии со ст. 5, ст. 12 гл. X Уложения также закрепляла ответственность за неправоудие по мотивам пристрастного отношения к сторонам процесса. Но субъектами таких деяний признавались лица более низких (по сравнению с судебными чинами, о которых велась речь в ст. 5) рангов — средний и младший персонал приказов (дьяки, которые лишались должности и подвергались битью кнутом, и подьячие, подвергавшиеся отсечению руки). При ложном доносе о получении «посула» дьяками и подьячими применялись положения ст. 14 гл. X Уложения.

Статьи 15–17 гл. X Уложения были ориентированы на противодействие волоките со стороны судей, дьяков и подьячих, используемой, как правило, в качестве способа вымогательства взятки. Например, в ст. 15 этот тезис подтверждался указанием законодателя не на простой отказ в разбирательстве дела, а конкретизацией отказа на доступ к правосудию в силу корыстных побуждений («А будет который судья судных дел вершити не учнет для своей корысти... а сыщется про то допряма, что он судных дел не вершит для своей корысти»).

Новаторские для своего времени нормы (идеи которых зиждились на предписаниях Литовского статута), направленные на охрану нормального отправления правосудия (без убытков, волокит и взяточничества), сосредоточивались в ст. 186–188 гл. X Уложения. Предметом всех трех статей стала уголовная ответственность за волокиту в судах, вызванных обвинением невиновного лица в совершении преступления с целью вымогательства. Так, статья 186 предусматривала наказание в виде штрафа, взимаемого в государственный бюджет, в размере пяти рублей, возмещения вреда потерпевшему, битья кнутом и заключения в тюрьму за такую форму «воровства», как вымогательство у ответчика денежных средств путем предъявления поклепного иска. Повторность и рецидив вели к ужесточению видов и размеров наказания. Например, согласно ст. 187 совершение того же деяния повторно каралось штрафом

¹ См.: Соборное уложение 1649 года. Текст и комментарии / Г.В. Абрамович, А.Г. Маньков, Б.Н. Миронов, В.М. Пенях. Л., 1987. С. 184–185.

² Антикоррупционное правовое воспитание: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. М.: Проспект, 2020. С. 49.

в размере десяти рублей, возвратом взятых у потерпевшего денег в двойном размере, битьем кнутом и тюремным заключением. Рецидивный клеветный иск (предъявленный в третий раз) влек наложение штрафа в размере двадцати рублей, двойное возмещение убытков потерпевшему, торговую казнь, заключение в тюрьму и отказ от суда¹.

Параллельно с уточнением введенного в правовой оборот Судебником 1497 г. понятия «лихое дело» (как нарушения установленного царской волей правопорядка), Уложение разделяло субъектов преступления на главных (инициаторов) и второстепенных (причастных), непосредственно относя к числу последних соучастников. В то же время, законодатель выводил из круга соучастников лиц, не находящихся в причинной связи с общественно опасными последствиями предикатного преступления, а только прикосновенных к нему, вступающих в поле зрения правоохранителей уже после его совершения. Именно к таким прикосновенным к преступлению лицам причислялись доносители, укрыватели и попустители.

С одной стороны, юридическая природа прикосновенности к преступлению, особенно таких ее видов, как попустительство и укрывательство, уже связывалась с нарушениями интересов правосудия. Как указывалось ранее, в таком русле криминализировалось попустительство судебному взяточничеству (ст. 7 гл. X Уложения). Об ущемлении интересов правосудия путем противодействия поимке беглых преступников можно вести речь и после анализа ст. 20 гл. XXI «О разбойных и татинных делах». В данной статье содержался запрет на укрывательство воров и разбойников под угрозой применения штрафных санкций (в размере десяти рублей).

Но с другой стороны, в подавляющем большинстве понимание в Уложении некоторых видов прикосновенности к преступлению, скажем, укрывательства, существенно отличалось от современной интерпретации этого института. Прежде всего, конструируя составы ответственности за данное деяние, Уложение в качестве объекта уголовно-правовой охраны на первый план выдвигало обеспечение нормального отправления правосудия. В этом источнике XVII в. приоритет отдавался экономическому фактору — обеспечению охраны экономических интересов помещиков и вотчинников

¹ См.: Шмонин А.В., Семькина О.И. Преступления экономической направленности: понятие и генезис уголовного законодательства. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 41–63, 73–74, 105–107.

путем запрета на нарушение его прав, одним из объектов которых считался крестьянин, холоп и их имущество¹.

Нормы об уголовной ответственности за такие нарушения размещались в различных главах Уложения. Например, в соответствии со ст. 154 гл. X лжеприсяга перед судом путем крестоцелования об отсутствии беглых крестьян и холопов наказывалась торговой казнью или тюремным заключением сроком на один год с лишением прав либо без такового. В статье 10 гл. XI «Суд о крестьянех» запрещалось укрывательство беглых крестьян и членов их семей. Акцентируя внимание на охране экономического интереса, эта норма предписывала беглых крестьян, их жен, детей, братьев, племянников и все их движимое и недвижимое имущество в порядке судебного-розыскного производства отдать истцу, во владении которого они находились, и уплатить ему ущерб в размере десяти рублей за каждый год сокрытия беглых. Положения, согласно которым лица, принявшие беглых холопов, наделялись обязанностью передать их истцам, содержались также в гл. XX «Суд о холопех» (в частности, в ст. 21, 50, 51).

Глава XXV «Указ о корчмах» Уложения вмещала еще одну группу норм экономической направленности — об ответственности за прикосновенность к незаконному обороту спиртных напитков и табачных изделий. К примеру, в ст. 18 устанавливалось наказание в виде битья кнутом и лишения должности «объезжих голов» (полицейских) и «детей боярских» (мелких помещиков) за попустительство незаконному обороту спиртных напитков и табака, совершенное путем отпуска ими корчемников и табачников в результате «откупа» (получения взятки). Хотя такие должностные лица могли освобождаться от ответственности при условии их содействия правосудию путем привода продавцов вина и табака в Новую четверть² либо добровольным донесением о получении с этих лиц «откупа». В данном случае, согласно ст. 17, полученный откуп не изымался.

Практическую ценность Уложения невозможно измерить известными метриками. Ценность его уголовно-правовых и уголовно-процессуальных норм, в том числе содержащих санкции за противодействие правосудию, имеет особую актуальность, поскольку

¹ При этом предоставленное вотчиннику или помещику право собственности на крестьян и холопов имело и противоположную сторону — корреспондировалось с их обязанностью нести материальную ответственность за их преступные действия — учиненную «обиду» (ст. 229 гл. X «О суде»).

² Новая четверть, четь (центральное правительственное учреждение, приказ) — ведала кабацкими сборами в Москве и южных городах, а также обладала компетенцией в борьбе с незаконной продажей вина и табака.

такие запреты, по сути, являлись «единственным общим сводом законов»¹, пережившим даже следующий виток трансформации отечественного уголовного права — Артикул Воинский Петра I (1715 г.). Так, согласно Указу Петра I 1714 года «О вершении дел по Уложению, а не по новоуказанным статьям и сепаратным указам, кроме изданных в дополнение Уложения; о пересмотре дел, вершенных на основании новоуказанных статей и сепаратных указов; о рассмотрении в Сенате противоречивых, изданных в дополнение Уложения, указов о докладе своего мнения царю»² судьи рассматривали дела на основании норм Уложения, за исключением случаев, в нем не регламентированных (ст. 1). Причем любые указы, противоречащие положениям Уложения, применению не подлежали (ст. 3), а приговоры, постановленные в нарушение его предписаний, подлежали пересмотру (ст. 5).

В Уложении была предпринята первая в истории отечественного права попытка дифференцировать преступления против правосудия в отдельные главы (с усиленным процессуальным сопровождением) в зависимости от тождества их объекта (интересов государственного строя, органов государственного управления и судебной власти, собственности) и, зачастую, с акцентом на мотивы их совершения. Например, недонесение об измене государю рассматривалось как преступление политического характера против основ государственного строя. Неправосудие по коррупционным мотивам, получение взятки от имени судьи без его ведома, ложное обвинение во взяточничестве лиц, осуществляющих судебно-розыскную деятельность, судебная волокита с целью вымогательства взятки вошли в группу посягательств против судебной власти.

Важно учитывать, что главную задачу почти каждого административного органа, функционирующего в середине XVII в., составляло отправление правосудия, создававшее широкие возможности для злоупотреблений. Поэтому, существенно обновив архитектуру преступлений против правосудия, Уложение одновременно проиллюстрировало мощный рывок в трансформации системы должностных преступлений. Ему стали известны должностные преступления (высших и низших чинов) против правосудия

¹ См.: Соборное уложение 1649 года. Текст и комментарии / Г.В. Абрамович, А.Г. Маньков, Б.Н. Миронов, В.М. Пенях. Л., 1987. С. 145, 148–151.

² См.: Законодательные акты Петра I. Акты о высших государственных установлениях. Т. 1 / под ред. и с предисловием Б.И. Сыромятникова. М.; Л., 1945. С. 40–41.

в собственном смысле¹ и общеуголовные преступления, совершаемые в судебных делах, лицами, приближенными к судебным чиновникам. В частности, среди должностных преступлений центральное положение стало отводиться актам неправосудия. Кроме известных российскому праву из прежних источников «посулов» по корыстным или иным личным мотивам, «попоровок» (покровительства) в судебном деле со стороны низших чинов и корыстной судебной волокиты, в Уложении появился новый состав противодействия правосудию — взимание «посулов» через подставных лиц (например, связанных с судебным чиновником родственными узами). А за такое преступление против правосудия, как покровительство из корысти в суде, Уложение сохранило ответственность лишь для низших служащих.

Список использованной литературы

1. Антикоррупционное правовое воспитание [Текст]: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. — М., 2020.
2. Глоссарий юридических терминов по антикоррупционной тематике [Текст]: словарь-справочник / сост. Н.А. Власенко, А.М. Цирин, Е.И. Спектор [и др.]. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2016.
3. Законодательные акты Петра I. Акты о высших государственных установлениях [Текст]. Т. 1 / под ред. и с предисловием Б.И. Сыромятникова. — М.: Л., 1945.
4. Законодательство в сфере противодействия коррупции: концептуальные основы и место в системе российского законодательства [Текст]: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. — М., 2020.
5. Соборное уложение 1649 года [Текст] // Памятники Русского права в 8 выпусках. Выпуск 6: Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г. — М., 1957.
6. Соборное уложение 1649 года. Текст и комментарии [Текст] / Г.В. Абрамович, А.Г. Маньков, Б.Н. Миронов, В.М. Пенях. — Л., 1987.
7. *Фельдштейн Г.С.* Главные течения в истории науки уголовного права в России [Текст] / Г.С. Фельдштейн; под ред. и с предисл. В.А. Томсинова. — М., 2003.
8. *Ширяев В.Н.* Взятничество и лиходеительство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Уголовно-юридическое исследование [Текст] / В.Н. Ширяев. — Ярославль, 1916.
9. *Шмонин А.В.* Преступления экономической направленности: понятие и генезис уголовного законодательства [Текст] / А.В. Шмонин, О.И. Семькина. — М.: Юрлитинформ, 2013.

¹ См. подр.: Ширяев В.Н. Взятничество и лиходеительство в связи с общим учением о должностных преступлениях. Уголовно-юридическое исследование. Ярославль, 1916. С. 78–79, 82–85, 88–89, 91–92, 100–101, 112.

СУДЕБНАЯ РЕФОРМА АЛЕКСАНДРА II И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О СУДЕБНОМ СЛЕДОВАТЕЛЕ

В 1861 г. в Российской империи было отменено крепостное право, что повлекло многочисленные изменения во всех областях жизни общества и государства. Правивший Россией в тот период времени Александр II воплотил в жизнь ряд реформ, в число которых вошла и судебная реформа, роль и значение которой трудно переоценить. Можно сказать, что Александр II принял стратегические решения, способствовавшие воплощению в повседневную практику новых принципов судоустройства и судопроизводства, положительным образом сказавшихся на развитии правоохранительной системы государства.

Сущность положений судебной реформы состояла в «полном отделении судебной власти от исполнительной и законодательной; в установлении единого бессловного суда; в ограничении количества инстанций; во введении в отправление правосудия народного элемента; в учреждении института выборных мировых судей; в замене розыскного процесса порядком состязательным с поручением обвинения органам прокурорского надзора, а защиты — сословию присяжных поверенных; в отмене формальной системы доказательств; в установлении гласности и устности процесса»¹.

Судебная реформа отражала отношение властей к желанию изменить ситуацию с правами подданных Российской империи, ее многочисленных народов, населявших огромную территорию. Вместе с тем, как отмечается в научной литературе, «основной причиной царившего в России накануне судебной реформы беззакония, административного и судебного произвола, казенно-бюрократического стиля деятельности судей являлась устаревшая судебная система, приспособленная для защиты крепостного права, поддержания крепостных порядков»². Безусловно, что все это в таком виде в указанный исторический период времени не могло существовать и дальше.

Процесс осуществления судебной реформы сопровождался принятием ряда важных, и даже судьбоносных документов. К ним, в частности, можно отнести Устав уголовного судопроизводства, а также Учреждение судебных установлений, которые в значи-

¹ Розин Н.Н. Уголовное судопроизводство. СПб., 1914. С. 50.

² Мельник В.В. Искуство доказывания в состязательном судебном процессе. М., 2000. С. 21–22.

тельной мере сыграли определенную роль в развитии законодательства того времени и отечественного законодательства в целом. Указанные акты повлияли на возможность систематизации законодательства, способствовали его упорядочению. Данные документы в некоторой степени воплотили в себя имевшие место разработки, которые не были восприняты до правления Александра II. Указанные документы стали прообразом Уголовного, Уголовно-исполнительного, Уголовно-процессуального кодексов РСФСР, которые были приняты в 1920-х гг. XX в. В них нашла отражение определенная аккумуляция процессов, происходящих в тот исторический период времени.

В результате проведения судебной реформы произошло совершенствование судебной системы. Возникли новые уровни судов. Люди чаще стали обращаться в суды за судебной защитой в целях реализации своих прав и интересов. Большое значение приобрела деятельность мировых судей, как наиболее приближенных к населению судебных органов. Это давало в большей степени реализовать право на доступ к правосудию подданным Российской империи. Следует сказать, что мировые судьи способствовали предотвращению возникающих конфликтов, приводили к примирению сторон, что было актуальным для разных слоев населения. Принятые в период судебной реформы акты и внедрение в практику новых правовых институтов позволили защитить на более высоком уровне права подданных Российской империи. Судебная реформа повлияла на изменение правосознания населения, направленного на повышение позитивного отношения к судьям, прокурорам, присяжным поверенным, следователям. С другой стороны, люди поняли, что конфликты можно решать путем обращения в суд. Деятельность судов способствовала дальнейшему цивилизованному развитию России того периода, повысила уровень грамотности населения в целом, и правовой грамотности, в частности. Введенные новые правовые институты показали свою эффективность и потребность для России. Часть из них с последующими изменениями функционирует и в настоящее время.

Разумеется, некоторые институты не смогли сохраниться в том виде, в котором они действовали в тот исторический период времени. Так, в частности, это может относиться к институту следователей и введенной в тот период времени должности — судебный следователь. В юридической литературе отмечается, что в России появилось сначала название «следственный судья». Его ввели в проект «Учреждения следственных судей», составленный весной 1860 г. специальной комиссией, созданной при Министерстве вну-

тренних дел. Данный проект обсуждался на совместных заседаниях департаментов законов и гражданских дел Государственного совета 19, 23, 24 и 26 мая 1860 г. В процессе этого рассмотрения было сочтено целесообразным заменить название «следственный судья» на термин «судебный следователь». Члены соединенных департаментов сочли, что слова «следственный судья» могут дать неправильное представление об этом институте, поскольку данный судья не судит, а только собирает факты, передаваемые им на разрешение суда, то есть он производит следствие, а потому лучше назвать его следователем, но так как следствие переходит из ведомства полиции к суду, то правильнее назвать его «судебным следователем». 8 июня 1860 г. императором Александром II было утверждено «Учреждение судебных следователей»¹.

Одновременно Александром II был подписан Указ «Об отделении следственной части от полиции». Все это привело к независимости следователей от органов исполнительной власти, что приблизило их к судебной власти. Возможно, император понимал важность, значимость и актуальность таких действий, направленных на дальнейшее повышение роли суда в государстве и обществе. Он также считал необходимым изъятие у полиции несвойственных ей функций и полномочий. Эти идеи оказались прогрессивными. Таким образом, в Российской империи в эпоху правления Александра II была учреждена должность судебного следователя. Можно отметить, что введение такой должности стало необычным явлением для страны, ее правовой системы, складывающейся в тот период времени. Важным явилось то, что судебный следователь стал считаться членом окружного суда, состоял в назначаемых для каждого из судебных следователей участках, что было предусмотрено ст. 79 Учреждения судебных установлений 1864 г.

Следует сказать, что следователи весьма обоснованно были отнесены к институту судебной власти. Вывод следователей из ведения полиции стал весьма закономерным и озаменовал собой необходимость дальнейшего развития принципа разделения властей, о чем в свое время писал Монтескье. Следователи перестали зависеть от полиции, что повлияло на повышение уровня их самостоятельности и независимости. Отнесение следователей к судебной власти повысило их статус, так как они с председателями, товарищами председателей и членами окружных судов назначались высочайшей властью по представлению министра юстиции. Можно

¹ Томсинов В.А. Критические заметки о проекте создания в Российской Федерации института следственного судьи // СПС «КонсультантПлюс».

отметить, что статус судебных следователей был весьма высок потому, что они находились при судах и уже не имели отношения к полиции. В статье 6 такого документа, как «Учреждение судебных установлений», было предусмотрено, что для производства следствия по делам о преступлениях и проступках состоят судебные следователи. Таким образом, судебные следователи расследовали не только уголовные дела о преступлениях, но и уголовные дела о проступках.

Процессуальная приближенность судебного следователя к статусу судьи требовала от лица, осуществлявшего расследование, всесторонности и объективности в принятии решений. Судебные следователи, проводившие предварительный сбор и закрепление доказательств, в той же мере проводили их оценку по своему внутреннему убеждению на предмет их пригодности, применимости к расследуемому факту, в какой судья путем устного и непосредственного исследования имеющихся материалов мог получить новую информацию от тех же участников процесса, устанавливая новые доказательства¹.

Деятельность судебного следователя регламентировалась в большей степени Уставом уголовного судопроизводства, который состоял из множества статей. Судебный следователь обладал большими полномочиями, определенным объемом процессуальной самостоятельности и мог принимать весьма важные решения по уголовному делу, которое находилось у него в производстве. Так, следователь самостоятельно возбуждал уголовное дело, проводил допросы, очные ставки, обыски, выемки, осмотры, освидетельствования, назначал производство экспертиз, предъявлял обвинение, определял меры пресечения, в том числе арест².

Процессуальная самостоятельность и независимость судебного следователя способствовала повышению качества уголовных дел, расследуемых им, и вынесению законных решений судом. При этом деятельность судебного следователя положительным образом

¹ Бразер А.А. Обращение к опыту российского дореволюционного права в решении актуальных проблем современного уголовного процесса (институт судебного следователя) // Традиции и новаторство русской правовой мысли: история и современность: к 100-летию со дня смерти С.А. Муромцева: материалы IV Международной научно-практической конференции (Иваново, 30 сентября – 2 октября 2010 г.): в 3 ч. / отв. ред. О.В. Кузьмина, Е.Л. Поцелуев. Иваново, 2010. Ч. 3. С. 118.

² Степанов Б.Б. Процессуальная самостоятельность следователя при расследовании преступлений (сравнительно-исторический аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Нижний Новгород, 2006. С. 14.

влияла на развитие судов, которые рассматривали уголовные дела, направляемые следователями в суды. В научной литературе отмечалось, что судебный следователь хотя и не имел формального звания судьи («следственный судья» французского процесса), но находился, однако, в организационном и процессуальном подчинении окружного суда, а не прокурора. Он обязан был вести расследование по предложениям прокурора и выполнять все законные указания последнего. Либерализм составителей Устава уголовного судопроизводства выразился в том, что закон обязывал следователя выполнить все указания наблюдающего за делом прокурора, если они были направлены в пользу обвиняемого. Так, предложение прокурора об освобождении взятого под стражу обвиняемого было обязательно. Наоборот, с предложениями о заключении под стражу следователь мог не согласиться и тогда вопрос переходил на разрешение окружного суда¹.

Таким образом, деятельность судебного следователя положительно сказывалась на судебной защите прав лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, и способствовала развитию судебных гарантий. Это стало актуальным после падения крепостного права и развития судебной системы. Судебный следователь принимал решения, которые отличались более высоким качеством от решений, принимаемых органами полиции. В результате этого повышалась и эффективность уголовного судопроизводства.

Вместе с тем, применение нового законодательства в практической деятельности следователей уже в первые годы производства предварительного следствия по уголовным делам выявило его существенные недостатки, что стало одной из причин неудовлетворительной работы судебных следователей на местах. Так, судебные следователи в своей деятельности столкнулись с проблемой разграничения компетенции между ними и полицией в соответствии с новым законодательством. Отмечалось элементарное бездействие чинов полицейского ведомства в вопросе оказания помощи судебным следователям. Уездные судебные следователи в своем материальном положении зависели больше от земских управ, нежели от закона. Судебные следователи испытывали большие трудности в связи с отсутствием специально оборудованных для их работы помещений и чаще всего вели следственное делопроизводство в жилых помещениях, которые принадлежали местному

¹ Чельцов-Бебутов М.А. Курс советского уголовно-процессуального права: очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах. СПб., 1995. С. 780–781.

населению. Большим препятствием к раскрытию судебными следователями преступлений являлось неравномерное распределение в уездах между судебными следователями следственных участков¹. Судебные следователи в такой ситуации не могли полноценно выполнять возложенные на них функции. Безусловно, им требовалась помощь со стороны государства, что не всегда происходило на должном уровне.

Возможно, что для России того времени было непривычно уделять большое внимание институтам судебной власти, включая судебных следователей. Все это отрицательно сказывалось на более глубоком внедрении данного института в повседневную практику. Отношение к органам судебной власти всегда являлось актуальным во все времена существования того или иного государства, включая и Россию.

В юридической литературе отмечается, что главная проблема, связанная с институтом судебных следователей, заключалась в том, что следственная реформа была проведена изолированно вне связи с преобразованием остальных звеньев правоохранительной и судебной системы России². Данное высказывание является справедливым и обоснованным. Действительно, возможно, необходимо было предпринять и организовать проведение широкомасштабной Судебной реформы, которая бы затронула многие институты. Однако Россия того времени к этому не была готова в полной мере. Для этого, возможно, потребовались большие средства, чего в России на тот момент не имелось.

Возможно, что проведению судебной реформы должен был предшествовать и подготовительный период, который включал бы в себя, в частности, проведение разъяснительной работы среди населения и проведение других мероприятий, направленных на его реализацию. Не исключена была необходимость изучения зарубежного опыта и возможность его применения в России, с учетом местных условий и традиций.

Вместе с тем, нельзя отрицать и того, что реформы не всегда происходят успешно и решают задачи, которые перед ними поставлены. В ходе их проведения возникает сопротивление со стороны определенных кругов, не заинтересованных в их осуществлении,

¹ Соловьева С.С., Фумм А.М. Особенности становления института судебных следователей в губерниях европейского центра России во второй половине XIX века // Российский следователь. 2007. № 8.

² Серов Д.О., Федоров А.В. Следствие при Александре II: следственная реформа 1860 г. // Отрасли права. Аналитический портал. Электронный ресурс СПС «КонсультантПлюс».

несмотря на важность и полезность реформ для государства и общества. При этом нельзя не принимать во внимание и тот факт, что на жизнь Александра II было совершено семь покушений, и в результате последнего 13 марта 1881 г. он был убит.

Должность судебного следователя просуществовала до конца 1920-х гг. XX в., после чего перестала функционировать. Причины ликвидации данного института могли быть самыми различными, включая непонимание и недооценку значения его деятельности. В научной литературе отмечается, что упразднен институт судебного следователя был не потому, что оказался плох. Государству диктатуры пролетариата независимый следователь, наделенный статусом представителя судебной власти, был не нужен. По УПК РСФСР 1922 г. и УПК РСФСР 1923 г. полномочия судебного следователя все более ущемлялись, и в 1928–1929 гг. они полностью передаются в подчинение прокуратуры¹. В дальнейшем, в советский период следствие было включено в систему министерства внутренних дел.

Таким образом, была принижена роль и значение института судебного следователя, а также судебной власти в целом. Судебный следователь не смог выполнить до конца задачи, поставленные при его формировании. В этой связи нельзя не сказать о том, что в условиях создания тоталитарного государства происходит ликвидация его демократических основ и принципов. Разумеется, не каждое государство в состоянии обеспечить баланс законодательной, исполнительной и судебной властей и в этом заинтересовано. Наиболее ущемляемой в этом отношении является судебная власть и составляющие ее институты, что можно проследить на примере России и институте судебного следователя.

Необходимо отметить, что судебный следователь до самого последнего дня своего существования способствовал судебной защите прав граждан. Идея судебного следователя в определенной степени привела к зарождению и формированию уголовно-процессуального законодательства, законодательства о судебной власти. Судебный следователь оставил свой положительный след в истории России. В настоящее время весьма актуальными являются дискуссии по поводу введения в уголовное судопроизводство института следственного судьи, чьим прообразом в некоторой степени являлся судебный следователь.

¹ Попов А.П. Уголовный процесс России: целеполагание, система задач и средства. Пятигорск, 2016. С. 244.

Список использованной литературы

1. *Бразер А.А.* Обращение к опыту российского дореволюционного права в решении актуальных проблем современного уголовного процесса (институт судебного следователя) [Текст] / А.А. Бразер // Традиции и новаторство русской правовой мысли: история и современность: к 100-летию со дня смерти С.А. Муромцева: материалы IV Международной научно-практической конференции (Иваново, 30 сентября — 2 октября 2010 г.): в 3 ч. Ч. 3. / отв. ред. О.В. Кузьмина, Е.Л. Поцелуев. — Иваново, 2010.
2. *Мельник В.В.* Искусство доказывания в состязательном судебном процессе [Текст] / В.В. Мельник. — М., 2000.
3. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка [Текст]: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019.
4. *Пашенцев Д.А.* Российская законотворческая традиция: онтология процесса [Текст] / Д.А. Пашенцев // Журнал российского права. — 2018. — № 8.
5. *Попов А.П.* Уголовный процесс России: целеполагание, система задач и средства [Текст] / А.П. Попов. — Пятигорск, 2016.
6. *Розин Н.Н.* Уголовное судопроизводство [Текст] / Н.Н. Розин. — СПб., 1914.
7. *Серов Д.О.* Следствие при Александре II: следственная реформа 1860 г. [Текст] / Д.О. Серов, А.В. Федоров // Отрасли права. Аналитический портал. Электронный ресурс СПС «КонсультантПлюс».
8. *Соловьева С.С.* Особенности становления института судебных следователей в губерниях европейского центра России во второй половине XIX века [Текст] / С.С. Соловьева, А.М. Фумм // Российский следователь. — 2007. — № 8.
9. *Степанов Б.Б.* Процессуальная самостоятельность следователя при расследовании преступлений (сравнительно-исторический аспект) [Текст]: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Б.Б. Степанов. — Нижний Новгород, 2006.
10. *Томсинов В.А.* Критические заметки о проекте создания в Российской Федерации института следственного судьи [Текст] / В.А. Томсинов // СПС «КонсультантПлюс».
11. *Чельцов-Бебутов М.А.* Курс советского уголовно-процессуального права: очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах [Текст] / М.А. Чельцов-Бебутов. — СПб., 1995.

ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМАТИЗАЦИИ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РОССИИ В ПЕРВЫЕ ГОДЫ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

12 декабря 2019 г. исполнилось 100 лет с момента принятия Народным комиссариатом юстиции РСФСР Постановления «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» (далее — Руководящие начала)¹.

Значение этого документа трудно переоценить. В нем были систематизированы наиболее важные положения Общей части уголовного права, обозначена его классовая природа и определены задачи советского уголовного законодательства. Подчеркивая важность Руководящих начал, в коллективной монографии «Российское законодательство 1920-х годов» указывается: «В целом можно отметить, что Руководящие начала выражали сущность уголовной репрессии в период диктатуры, на которой впоследствии было основано теоретическое и практическое формирование уголовной политики и Уголовных кодексов 1922 и 1926 гг., обеспечивающее потребности защиты и самообороны пролетарского общества против преступных действий классовых врагов, противоречащих задачам социалистического строительства»².

При этом необходимо отметить, что советское право с самого начала стало формироваться путем кодификации³. Первые два кодекса РСФСР были приняты в 1918 г. — Кодекс законов о записи актов гражданского состояния, брачном, семейном и опекунском праве и Кодекс законов о труде.

Что же касается уголовно-правового законодательства, то на протяжении 1917–1919 гг. его источниками служили обращения СНК и отдельных Наркомов к населению, постановления Съездов Советов, декреты и постановления СНК и ВЦИК, постановления Совета рабоче-крестьянской обороны, постановления и ин-

¹ Постановление НКЮ РСФСР от 12 декабря 1919 г. «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

² Российское законодательство 1920-х годов: монография / под ред. д-ра юрид. наук, проф. С.А. Боголюбова, д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева и канд. экон. наук, доц. В.А. Селезнева. М., 2019. С. 245.

³ Пашенцев Д.А. Кодификация как инструмент конструирования системы законодательства в начальный период Советского государства (к 100-летию первых советских кодексов) // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 6.

струкции НКЮ, приказы народных комиссариатов, постановления ВЧК, НКВД и др. По данным А. Герцензона, за период с 1917 г. по декабрь 1919 г. в РСФСР было принято 97 таких актов¹.

Нормы уголовного права содержались как в различных актах других отраслей права, так и в отдельных уголовно-правовых нормативных актах. Например, второй декрет советской власти «О земле», принятый 26 октября 1917 г. II Всероссийским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, уже содержал соответствующую норму, которая устанавливала уголовную ответственность за порчу конфискуемого имущества². К отдельным уголовно-правовым нормативным актам можно отнести Декреты «О взяточничестве»³, «О спекуляции»⁴ и др.

Такая законодательная дискретность была обусловлена несколькими причинами. Основной из них стало запрещение использования в правоприменительной деятельности законодательства царской России. Напомним, что Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» (Декрет о суде № 1) разрешал судам руководствоваться дореволюционными законами⁵. Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде» прямо обязывал использовать Судебные уставы 1864 г.⁶ И только Декрет СНК РСФСР от 13 июля 1918 г. № 3 «О суде» предписал Местным народным судам руководствоваться «декретами Рабочего и Крестьянского Правительства и социалистической совестью»⁷.

Окончательно закрепил использование судами советского законодательства Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)»⁸. В ст. 22 Декрета указывалось, что при

¹ Герцензон А. Двадцать лет социалистического уголовного законодательства // Социалистическая законность. 1937. № 11. С. 86–89.

² Декрет от 26 октября 1917 г. «О земле» // СУ РСФСР. 1917. № 1. Ст. 3.

³ Декрет СНК РСФСР от 08 мая 2018 г. «О взяточничестве» // СУ РСФСР. 1918. № 35. Ст. 467.

⁴ Декрет СНК РСФСР от 22 июля 2018 г. «О спекуляции» // СУ РСФСР. 1918. № 54. Ст. 605.

⁵ Декрет СНК РСФСР от 24 ноября 1917 г. «О суде» // СУ РСФСР. 1917. № 4. Ст. 50.

⁶ Декрет ВЦИК от 7 марта 1918 г. № 2 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 26. Ст. 420.

⁷ Декрет СНК РСФСР от 13 июля 1918 г. № 3 «О суде» // СУ РСФСР. 1918. № 52. Ст. 589.

⁸ Декрет ВЦИК от 30 ноября 1918 г. «О Народном Суде Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (Положение)» // СУ РСФСР. 1918. № 85. Ст. 889.

рассмотрении дел суды должны были применять декреты Рабоче-Крестьянского Правительства и социалистическое правосознание. При этом в примечании к этой статье специально оговаривалось, что ссылки на дореволюционное законодательство запрещались.

Таким образом, со второй половины 1918 г. правоприменительные органы в своей деятельности должны были руководствоваться только советским правом. Это решение повлекло за собой значительное увеличение издаваемых нормативных актов, в том числе и в уголовно-правовой сфере. При этом правотворчество осуществлялось бессистемно, ситуативно, т.к. было необходимо оперативно справляться с возникающими проблемами, зачастую параллельно решая несколько задач одновременно. Кроме того, нормативные акты издавались различными субъектами и поэтому имели различную юридическую силу (например, декреты СНК и постановления НКЮ; акты центральных и местных органов власти). Зачастую они были не согласованы и противоречили друг другу. В то же время в стране были созданы системы Народных судов и революционных трибуналов и начала складываться соответствующая судебная практика.

Все это привело к тому, что возникла настоятельная необходимость в кодификации разрозненных норм уголовного права, обобщении имеющейся судебной практики и создании единого систематизированного уголовно-правового акта, которым могли бы руководствоваться правоприменительные органы, в первую очередь суды, и который позволил бы единообразить применение уголовных наказаний.

Таким актом стали Руководящие начала по уголовному праву РСФСР — первый акт кодификации норм уголовного права. Они систематизировали разрозненные уголовно-правовые нормы советского законодательства, обобщили имевшуюся практику народных судов и революционных трибуналов и стали предпосылкой издания в 1922 г. первого советского Уголовного кодекса.

Руководящие начала имели ряд особенностей. Во-первых, они содержали ряд общетеоретических положений, выходящих за рамки уголовного права (например, впервые было нормативным образом закреплено понятие советского права). Во-вторых, несмотря на свое значение для правоприменительной практики, формально они не были законом, а являлись лишь инструкцией НКЮ народным судам. В-третьих, они имели ярко выраженный классовый характер и были направлены на защиту завоеваний революции. В-четвертых, в них содержались нормы только Общей части Уголовного кодекса и закреплялись ее основные институты

(это было обусловлено тем, что на тот момент в законодательстве преобладали нормы Особенной части уголовного права и испытывалась острая нехватка норм Общей части).

Учитывая важность содержания данного документа, на некоторых его положениях хотелось бы остановиться подробнее.

Руководящие начала включали в себя введение и восемь глав, содержащих двадцать семь статей. Введение имело крайне политизированное содержание. В нем давалась оценка сложившейся ситуации, указывалось на необходимость ликвидации буржуазного права и констатировалось появление пролетарского права. Введение имело значительный объем и составляло почти одну пятую от общего объема текста. Представляется, что таким образом разработчики Руководящих начал пытались обосновать необходимость создания первого кодифицированного нормативного правового акта в сфере уголовного права.

Глава I «Об уголовном праве» была посвящена общим вопросам уголовного права. Так, в ст. 1 давалось следующее определение права: «Право — это система (порядок) общественных отношений, соответствующая интересам господствующего класса и охраняемая организованной его силой». Необходимо отметить, что в этом определении ничего не говорилось об уголовном праве. Таким образом, данная дефиниция являлась первым нормативным определением советского права, и ее можно было распространить не только на уголовное, но и на другие отрасли права. Также вызывает интерес и то, что право понималось как система общественных отношений, а не норм, что свидетельствует о том, что разработчики Руководящих начал были сторонниками социологической теории права.

В ст. 2 раскрывалось содержание уголовного права. Оно, по мнению авторов Руководящих начал, состояло из правовых норм и других правовых мер, которые с помощью наказания охраняли систему общественных отношений. То есть в отличие от права в целом, которое рассматривалось как система общественных отношений, уголовное право определялось как совокупность правовых норм и других правовых мер. Представляется, что таким образом было подчеркнуто его репрессивное значение и роль в охране общественных отношений классового общества.

В главе III «О преступлении и наказании» давалось понятие преступления. Оно определялось как «нарушение порядка общественных отношений, охраняемого уголовным правом». Далее указывалось, что «преступление, как действие или бездействие, опасное для данной системы общественных отношений, вызывает

необходимость борьбы государственной власти с совершающими такие действия или допускающими такое действие лицами (преступниками)». По мнению В.И. Михайлова, указывая на то, что преступление вызывает необходимость применения репрессивных мер, законодатель подчеркивал вынужденность применения таких мер в силу невозможности иным способом обеспечить завоевание революции¹.

Руководящие начала закрепляли три основных признака преступления — противоправность, общественную опасность и деяние. Вина, как признак преступления, не упоминалась. Это было связано с тем, что разработчики Руководящих начал были сторонниками социологической школы уголовного права. Они считали, что преступник — продукт социальной среды, его действия predeterminedены этой средой и от него не зависят. Поэтому наличие вины, как отношения лица к совершаемому им деянию, не рассматривалось в качестве обязательного признака преступления.

Наказание определялось как «меры принудительного воздействия, посредством которых власть обеспечивает данный порядок общественных отношений от нарушителей последнего (преступников)». Это представление о наказаниях как мерах принудительного воздействия, применяемых государством, сохранилось и до настоящего времени и закреплено в ст. 43 УК РФ 1996 г.

Руководящие начала называли только одну задачу наказания — охрану общественного порядка. Она решалась в том числе и путем предупреждения совершения новых преступлений. Напомним, что ст. 43 действующего УК РФ также указывает одной из целей наказания предупреждение преступлений.

Руководящие начала прямо не называют других задач наказания, например исправление осужденного, хотя в программе РКП(б), принятой VIII съездом партии еще в марте 1919 г., было провозглашено стремление к замене системы наказания системой мер воспитательного характера. Разработчики Руководящих начал, исходя из положений социологической школы уголовного права, отрицали возможность исправления преступника. При этом в тексте Руководящих начал в нескольких местах содержится указание на то, что задачей уголовного права является воспитание (исправление) преступника. Так, в ст. 9 говорилось о возможности приспособления преступника к существующему общественному порядку, т.е. об его

¹ Михайлов В.И. Становление института правомерного причинения вреда (обстоятельств, исключаяющих преступность деяния) в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. и УК РСФСР 1922 г. // Журнал российского права. 2019. № 2. С. 121.

исправлении. В ст. 13, посвященной ответственности несовершеннолетних, указывалось, что к несовершеннолетним до 14 лет применялись лишь воспитательные меры. А к несовершеннолетним от 14 до 18 лет эти меры применялись в том случае, если они совершили преступление «без разума». В ст. 25 был указан целый ряд видов наказаний, основной целью которых являлось исключительно воспитание (исправление) преступника (например, внушение, выражение общественного порицания, бойкот и др.).

Глава VI была посвящена видам наказаний. Руководящие начала называли их примерными. Таким образом, перечень видов наказаний являлся открытым, и суды могли применять и другие виды уголовных репрессий. На практике так и происходило, и к преступникам применялись и другие виды наказаний, не закрепленные в Руководящих началах (например, штраф, получивший широкое распространение в годы Гражданской войны).

Перечень видов наказаний включал: «а) внушение, б) выражение общественного порицания, в) принуждение к действию, не представляющему физического лишения (напр., пройти известный курс обучения), г) объявление под бойкотом, д) исключение из объединения на время или навсегда, е) восстановление, а при невозможности его, возмещение причиненного ущерба, ж) отрешение от должности, з) воспрещение занимать ту или другую должность, или исполнять ту или другую работу, и) конфискация всего или части имущества, к) лишение политических прав, л) объявление врагом революции или народа, м) принудительные работы без помещения в места лишения свободы, н) лишение свободы на определенный срок или на неопределенный срок до наступления известного события, о) объявление вне закона, п) расстрел, р) сочетание вышеназванных видов наказания».

Как видим, Руководящие начала содержали достаточно развернутую систему видов наказаний. Это объяснялось тем, что их разработчики были сторонниками социологической школы уголовного права, которая предусматривала соответствие наказания личности преступника. В связи с этим большое количество видов наказания позволяло судам индивидуализировать применяемые репрессии в зависимости от особенной личности преступника. Поэтому при выборе вида наказания суд в соответствии со ст. 11 первоначально должен был оценить степень и характер опасности преступника для общества и изучить его личность, а уже затем оценить совершенное им деяние.

Значительная часть видов наказаний, закрепленных в Руководящих началах, не являлась таковыми в уголовно-правовом смысле

(например, внушение, порицание, бойкот и др.) и имела чрезвычайно мягкий характер. Они применялись к представителям трудящихся за совершение ими не тяжких преступлений. В дальнейшем уголовное законодательство отказалось от их использования. Так, в УК РСФСР 1922 г. из этих видов наказаний сохранилось только общественное порицание.

В то же время Руководящие начала содержали перечень и значительно более суровых наказаний, например конфискацию имущества, лишение свободы, расстрел и др. Они применялись за совершение наиболее тяжких преступлений, а также к преступникам — представителям враждебного класса.

Судебная практика революционных трибуналов, рассматривавших уголовные дела о контрреволюционных и наиболее тяжких преступлениях, показала, что после принятия Руководящих начал основным видом наказания за совершение таких преступлений стало лишение свободы, причем почти в половине случаев применялось условное осуждение, расстрелы применялись достаточно редко. Так, в 1920 г. в 45 губерниях в революционные трибуналы поступило: 6328 дел о контрреволюции, 2126 — о спекуляции, 10 309 — о должностных преступлениях, 18 140 — прочих дел. Трибуналы оправдали 3960 чел., осудили 22 778 чел. Из них приговорили к расстрелу 766 чел., или 3,36%, к лишению свободы — 16 107 чел., или 70,7% (из них 7162 условно), к принудительным работам без лишения свободы — 1421 чел., к штрафу — 638 чел., к общественному порицанию — 623 чел. и к другим наказаниям 3223 чел.¹

Согласно другим статистическим данным в 1920–1921 гг. народные суды и революционные трибуналы применили следующие виды репрессий (в процентах на каждые 100 осужденных)²:

Виды наказания	Народные суды		Трибуналы		
	1920 год	1921 год	1 полугодие 1920 года	2 полугодие 1920 года	1 полугодие 1921 года
Расстрел	—	—	11,0	7,0	5,0
Лишение свободы	20,4	21,8	37,2	38,5	42,9
Условное лишение свободы	13,6	17,2	24,8	35,5	35,1

¹ Гернет М.Н. Преступность за границей и в СССР. М., 1931. С. 74.

² Шаргородский М.Д. Наказание по уголовному праву: в 2 ч. Ч. 2. Наказание по советскому уголовному праву. М., 1958. С. 57.

Виды наказания	Народные суды		Трибуналы		
	1920 год	1921 год	1 полу- годие 1920 года	2 полу- годие 1920 года	1 полу- годие 1921 года
Исправительно- трудовые работы	23,0	28,0	8,0	7,0	6,0
Имущественные взыскания	30,0	16,0	6,0	2,0	1,0
Общественное порицание	6,0	6,0	3,0	2,0	4,0
Другие меры	7,0	11,0	10,0	8,0	6,0

В соответствии с этой таблицей наиболее распространенным видом наказания, применявшимся как народными судами, так и ревтрибуналами, стало лишение свободы. При этом значительная часть осужденных приговаривалась к нему условно. В практике народных судов большое распространение получили также исправительно-трудовые работы и имущественные взыскания.

Расстрелы применялись только революционными трибуналами и, в отличие от предыдущих данных, их количество было довольно существенным.

Руководящие начала содержат также такой вид наказания, как лишение свободы на неопределенный срок до наступления известного события (зачастую применялись формулировки «до победы мировой революции» или «до конца гражданской войны»). Однако осужденные к этому виду наказания, как правило, находились в местах лишения свободы не бессрочно, а до объявления очередной амнистии (если, конечно, они попадали под действие данной амнистии). В результате проведения амнистии заключенные либо освобождались, либо им назначался конкретный срок лишения свободы. Если учитывать, что только в 1920 г. было объявлено две амнистии (Амнистия к 1 мая 1920 г.¹ и Амнистия к 3-й годовщине Октябрьской революции²), то реальный срок заключения у такой категории осужденных не был продолжительным. В годы Гражданской войны данный вид лишения свободы получил достаточно

¹ Декрет ВЦИК от 01 мая 1920 г. «Амнистия к 1-му мая 1920 г.» // Известия ВЦИК. 1920. № 93.

² Декрет ВЦИК от 06 ноября 1920 г. «Об амнистии к 3-ей годовщине Октябрьской революции» // Известия ВЦИК. 1920. № 250.

широкое распространение, хотя в дальнейшем советское уголовное законодательство отказалось от неопределенных видов наказания.

Появление в качестве вида наказания лишения свободы на неопределенный срок также вызвано тем, что разработчики Руководящих начал являлись сторонниками социологической школы уголовного права. Именно сторонники данной школы в конце XIX в. предложили систему неопределенных приговоров.

Еще одним заслуживающим внимания моментом является отсутствие в системе видов наказания одного из самых распространенных их видов — штрафа. При этом штраф применялся судами до принятия Руководящих начал, применялся в период их действия (см. указанную выше статистику о деятельности революционных трибуналов) и в дальнейшем был закреплен в УК РСФСР 1922 г.

Глава VII была посвящена вопросам условного осуждения. Руководящие начала устанавливали, что если преступление совершено впервые и при исключительно тяжелом стечении обстоятельств жизни осужденного, а также когда опасность осужденного не требует его немедленной изоляции, суд может применить к нему условное осуждение. Как было уже указано выше, условное осуждение получило широкое распространение даже в приговорах революционных трибуналов.

Понятие условного осуждения в Руководящих началах отличалось от современного. Условным осуждением являлось неприведение обвинительного приговора в исполнение до совершения осужденным аналогичного преступления. Если же он совершал такое преступление, то первоначальный приговор немедленно приводился в исполнение.

В заключение необходимо отметить, что «Руководящие начала по уголовному праву РСФСР» от 12 декабря 1919 г. имели следующие особенности:

- 1) являлись первым актом кодификации норм уголовного права в Советской России;
- 2) стали предпосылкой издания в 1922 г. Уголовного кодекса РСФСР;
- 3) содержали нормы только Общей части Уголовного кодекса;
- 4) имели ярко выраженный классовый характер;
- 5) не носили чрезмерно репрессивного характера;
- 6) были разработаны под сильным влиянием социологической школы уголовного права.

Список использованной литературы

1. *Гернет М.Н.* Преступность за границей и в СССР [Текст] / М.Н. Гернет. — М., 1931.

2. *Герцензон А.* Двадцать лет социалистического уголовного законодательства [Текст] / А. Герцензон // Социалистическая законность. — 1937. — № 11.
3. *Михайлов В.И.* Становление института правомерного причинения вреда (обстоятельств, исключающих преступность деяния) в Руководящих началах по уголовному праву РСФСР 1919 г. и УК РСФСР 1922 г. [Текст] / В.И. Михайлов // Журнал российского права. — 2019. — № 2.
4. *Пашенцев Д.А.* Кодификация как инструмент конструирования системы законодательства в начальный период Советского государства (к 100-летию первых советских кодексов) [Текст] / Д.А. Пашенцев // Журнал российского права. — 2018. — № 11.
5. Российское законодательство 1920-х годов [Текст]: монография / под ред. С.А. Боголюбова, Д.А. Пашенцева, В.А. Селезнева. — М., 2019.
6. *Шаргородский М.Д.* Наказание по уголовному праву [Текст]: в 2 ч. Ч. 2. Наказание по советскому уголовному праву / М.Д. Шаргородский. — М., 1958.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРОТИВОДЕЙСТВИИ КОРРУПЦИИ: ФОРМИРОВАНИЕ И ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ

Проведение эффективной и качественной систематизации нормативно-правовой базы по вопросам противодействия коррупции, продиктованной на государственном уровне Национальным планом противодействия коррупции на 2018–2020 гг.¹, обуславливает необходимость обращения к предшествующему отечественному опыту в этой сфере, который можно разделить на несколько хронологических периодов.

Первый период длился вплоть до XIX в. Его можно охарактеризовать как период создания правовой основы антикоррупционной политики, а также ее нормативного оформления. После формирования базового антикоррупционного законодательства² закономерным этапом его эволюции стала необходимость в его систематизации.

Второй период очерчивается XIX веком правовой истории России и ознаменован, среди прочего, вехой по масштабной и комплексной систематизации законодательства. Ее результатом стало принятие Свода законов Российской Империи 1832 г. и Уложения о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. Уже в то время одной из основных причин взяточничества и лихоимства виделось несовершенство закона, требующего систематизации и обновления. Обширная систематизация антикоррупционного законодательства в Своде законов Российской Империи 1832 г. привела к пересмотру содержания состава преступления, а Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., как первый акт комплексной кодификации уголовного закона, содержало в себе отдельный раздел, посвященный коррупционным преступлениям (гл. 6 раздела V), в котором уточнялась и конкретизировалась профильная терминология.

¹ Указ Президента Российской Федерации «О Национальном плане противодействия коррупции на 2018–2020 годы» от 29 июня 2018 г. № 378 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 27. Ст. 4038.

² Употребляемый в тексте термин «антикоррупционное законодательство» выступает тождественным по отношению к термину «законодательство о противодействии коррупции» (см.: Глоссарий юридических терминов по антикоррупционной тематике: словарь-справочник. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. 2016. С. 29).

логия и устанавливался ряд законодательных новелл, вводящих ответственность для тех деяний, которые ранее не квалифицировались в качестве преступных¹.

Можно говорить о том, что основным итогом систематизации законодательства о противодействии коррупции в XIX в. являлись унификация терминологического аппарата, четкое юридическое закрепление составов и видов коррупционных преступлений и определение субъектов коррупционных отношений.

Еще одним ключевым этапом в истории систематизации законодательства о противодействии коррупции следует считать конец XX — начало XXI в. Он также характеризовался принятием двух важных для противодействия коррупции актов — Уголовного кодекса Российской Федерации 1996 г. и Федерального закона «О противодействии коррупции» 2008 г. В сравнении с Уголовным кодексом Российской Федерации (в редакции 1996 г.) можно сказать, что Федеральный закон «О противодействии коррупции» (в редакции 2008 г.) был успешнее с точки зрения систематизации, т.к. он закреплял более целостный понятийный аппарат, в частности — более корректную юридическую дефиницию термина «коррупция», определяя его признаки. Однако принятие данных актов решило только часть проблем, что требует сегодня продолжения систематизации законодательства в сфере противодействия коррупции.

Историко-правовой анализ систематизации отечественного антикоррупционного законодательства свидетельствует о том, что основные элементы его систематизации должны идти по пути формирования комплексных правовых институтов по противодействию коррупции и строиться на новых правовых подходах концептуализации законодательства в данной области². Следует помнить,

¹ Подробнее см.: Законодательство в сфере противодействия коррупции: концептуальные основы и место в системе российского законодательства: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. М.: Инфотропик Медиа, 2020. С. 10–22; Антикоррупционное правовое воспитание: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. М.: Проспект, 2020. С. 51 и др.

² См.: Противодействие коррупции: новые вызовы: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2016; Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019; Власенко Н.А., Абрамова А.И., Чернобель Г.Т. и др. Юридическая техника: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ЮСТИЦИЯ, 2016.

что систематизация законодательства в сфере противодействия коррупции подчинена общим закономерностям развития правовой системы и направлена на системное упорядочение нормативного материала в данной области отношений по мере его эволюционного накопления.

Список использованной литературы

1. Антикоррупционное правовое воспитание [Текст]: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. — М., 2020.
2. Глоссарий юридических терминов по антикоррупционной тематике [Текст]: словарь-справочник / сост. Н.А. Власенко, А.М. Цирин, Е.И. Спектор [и др.]. — М., 2016.
3. Законодательство в сфере противодействия коррупции: концептуальные основы и место в системе российского законодательства [Текст]: научно-практическое пособие / под ред. Д.А. Пашенцева. — М., 2020.
4. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка [Текст]: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019.
5. Противодействие коррупции: новые вызовы [Текст]: монография / отв. ред. Т.Я. Хабриева. — М., 2016.
6. Юридическая техника [Текст]: учебное пособие / Н.А. Власенко, А.И. Абрамова, Г.Т. Чернобель [и др.]. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ЮСТИЦИЯ, 2016.

СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ФИНАНСОВОГО ПРАВА В ПЕРИОД ПРОВЕДЕНИЯ ДЕНЕЖНОЙ РЕФОРМЫ 1947 ГОДА

После Великой Отечественной войны денежное обращение СССР пришло в расстройство. Для ведения боевых действий и перестройки экономики на военный лад требовались большие средства, что вело к росту бюджетного дефицита. Действовавшая с 1941 г. карточная система распределения и увеличение роли колхозного рынка в снабжении населения товарами массового спроса создали благоприятные возможности для развития черного рынка. Пятилетний план восстановления и развития послевоенного хозяйства (1946–1950 гг.) поставил перед советской финансовой системой большие задачи по обеспечению дальнейшего развития страны. Восстановление товарно-денежных отношений было объективным требованием закономерностей развития народного хозяйства в послевоенное время. Это было отмечено в законе о четвертом пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства¹. Первоначально предполагалось провести денежную реформу в 1946 г., однако из-за катастрофического неурожая график был сдвинут на 1947 г. К этому времени большинство промышленных предприятий гражданского назначения было восстановлено, что обеспечило рост производства потребительских товаров и их поставок. Резкое увеличение государственных расходов во время Великой Отечественной войны, сокращение розничного товарооборота, рост инфляции и обращение фальшивых денег (на территориях СССР, оккупированных Германией в годы войны) были основными причинами, обусловившими необходимость проведения денежной реформы.

Конституция СССР 1936 г. предоставляла Совету Министров СССР как высшему исполнительному и распорядительному органу государственной власти СССР право решать вопросы, связанные с денежным обращением². Специфика предстоящей денежной реформы заключалась в том, что до начала ее осуществления был подготовлен комплект инструкций Министерства финансов СССР

¹ Закон о пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946–1950 гг. М., 1946. С.10.

² Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.). М., 1937. Ст. 64.

и Госбанка СССР. Инструкции вводились в действие до опубликования «Закона о денежной реформе», т.е. до публикации нормативного правового акта, положения которого они должны были конкретизировать. Особенность ситуации заключалась в том, что указанные инструкции, являясь ведомственными актами финансового ведомства, были утверждены постановлениями Совета Министров СССР¹.

Денежная реформа была проведена на основании постановления Совета Министров и ЦК ВКП(б) от 14 декабря «О проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные и промышленные товары»². В соответствии с ним вся денежная наличность (за исключением разменной монеты), находящаяся у населения, государственных, кооперативных и общественных предприятий, организаций и учреждений, а также колхозов, подлежала обмену на деньги нового образца в соотношении 10 к 1. Одновременно с этим была произведена конверсия всех ранее выпущенных государственных займов и свидетельств сберегательных касс по специальным вкладам. Сбережения на суммы до 3000 руб. (которые составляли около 80% всех вкладов в сберегательные кассы) обменивались по номиналу, т.е. переоценивались рубль за рубль. Вклады на суммы до 10 000 руб. были пересчитаны в следующих соотношениях: первые 10 000 руб. пересчитывались по курсу 3 к 2, а оставшаяся часть — 2 к 1. Весь обмен был произведен в течение короткого времени с 19 по 29 декабря 1947 г.

Для проведения денежной реформы 1922–1924 гг. понадобилось два года³, реформа 1947 г. была осуществлена в период нескольких дней. Денежная реформа 1920-х гг. была направлена на достижение стабилизации рубля и перехода на новую советскую валюту, в то время как реформа 1947 г. преследовала цель устранить излишки денег из обращения.

¹ Об организации выплатных пунктов Госбанка. Постановление Совета Министров СССР № 3861–1304 сс от 25 ноября 1947 г.; О выплате зарплаты за вторую половину ноября 1947 г. Постановление Совета Министров СССР № 3873 от 25 ноября 1947 г. // Денежная реформа в СССР 1947 года. Документы и материалы / сост. Л.Н. Доброхотов, В.Н. Колодежный, В.С. Пушкарев, В.Н. Шепелев. М., 2010. С. 315, 320; Залойло М.В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 20–29.

² Собрание Постановлений Правительства СССР. 1948. № 1. С. 1.

³ Соколов А.С. Опыт перехода к твердой валюте: денежная реформа 1922–1924 гг. // Вестник Рязанской государственной радиотехнической академии. 2005. № 16. С. 97–102.

Прямым следствием денежной реформы 1947 г. стал осуществленный в 1950 г. перевод советской валюты на золотое содержание. На основании постановления Совета Министров СССР от 28 февраля 1950 г. «О переводе курса рубля на золотую базу и о повышении курса рубля в отношении иностранных валют»¹ произошел отказ от исчисления курса рубля на базе доллара США. С 1 марта 1950 г. курс советского рубля стал исчисляться на золотой основе, в соответствии с золотым содержанием рубля, которое теперь устанавливалось непосредственно в граммах золота. Действовавшее в этот период валютное законодательство опиралось на такие нормативные акты, как постановление ЦИК и СНК СССР от 7 января 1937 г. «О сделках с валютными ценностями и о платежах в иностранной валюте»², постановление Совета Министров СССР от 25 октября 1948 г. «О порядке вывоза, ввоза, перевода и пересылки за границу валюты и валютных ценностей»³.

Денежная реформа 1947 г. укрепила денежную систему страны и повысила значение функции денег. Упорядочение денежного обращения и усиление роли денег создали условия для укрепления советских финансов и хозяйственного расчета.

Список использованной литературы

1. Денежная реформа в СССР 1947 года. Документы и материалы [Текст] / сост. Л.Н. Доброхотов, В.Н. Колодежный, В.С. Пушкарев, В.Н. Шепелев. — М., 2010.
2. Залоило М.В. Опережающий характер правотворчества и проблема синхронизации правового регулирования [Текст] / М.В. Залоило // Журнал российского права. — 2019. — № 9.
3. Соколов А.С. Опыт перехода к твердой валюте: денежная реформа 1922–1924 гг. [Текст] / А.С. Соколов // Вестник Рязанской государственной радиотехнической академии. — 2005. — № 16.

¹ Известия Совета депутатов трудящихся СССР. 1950. № 51.

² Собрание законов (СЗ) СССР. 1937. № 8. Ст. 25.

³ СЗ СССР. 1948. № 18–1. Ст. 140.

**КОДИФИКАЦИЯ БЮДЖЕТНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
И ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ**

В настоящее время в Российской Федерации принято и действует большое количество кодексов; практически каждая отрасль права имеет в качестве основного источника кодифицированный акт. Процессы кодификации российского законодательства особенно активно развивались в 90-е годы прошлого столетия. Однако надо отметить, что систематизация законодательства, а кодификация, как известно, является высшей степенью систематизации, присуща российской правовой системе исторически. Пример тому — Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 г.

Традиция систематизации российского законодательства продолжилась и в Советской России: в результате масштабной отраслевой кодификации советского законодательства в 1922–1923 годах появились семь кодексов, включая Гражданский и Уголовный¹. В СССР также был принят и действовал ряд кодексов. Данная традиция сохраняется в современной России.

Не обошла стороной тенденция систематизации и бюджетное законодательство. В 1998 году был принят первый кодифицированный акт российского бюджетного законодательства — Бюджетный кодекс Российской Федерации² (далее — БК РФ, кодекс), вступивший в действие 01.01.2000.

Появление БК РФ стало возможным благодаря бюджетному законодательству, принятому и действовавшему в Российской Федерации до его принятия. В основу БК РФ были положены: Закон РСФСР «Об основах бюджетного устройства и бюджетного процесса в РСФСР»; Закон РСФСР «Об основах бюджетных прав и прав по формированию и использованию внебюджетных фондов представительных и исполнительных органов государственной власти республик в составе Российской Федерации, автономной области, автономных округов, краев, областей, городов Москвы и Санкт-Петербурга, органов местного самоуправления»; Закон Российской Федерации «О субвенциях республикам в составе Российской Федерации, краям, областям, автономной области, ав-

¹ Черногор Н.Н., Пашенцев Д.А. Октябрьская революция и эволюция российского права // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 5–13.

² Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 03.08.1998. № 31. Ст. 3823.

тономным округам, городам Москве и Санкт-Петербургу». Предшественником указанных российских законов был Закон СССР «О бюджетных правах Союза ССР и союзных республик».

Сказанное позволяет утверждать, что в развитии российского бюджетного законодательства наблюдается определенная преемственность¹, несмотря на произошедшие со времен Советского Союза трансформации бюджетной системы нашего государства и изменение содержания принципов ее построения, прежде всего принципов единства и самостоятельности.

БК РФ, основываясь на положениях действовавших до его принятия актов бюджетного законодательства, привнес много нового в регулирование бюджетных отношений, как по форме, так и по содержанию. Подтверждением данного тезиса является и то количество статей, которое содержится в БК РФ. Так, если действовавшие до принятия кодекса акты бюджетного законодательства насчитывали в совокупности менее 100 статей, то уже в первоначальной редакции БК РФ содержалось в три раза больше статей — 307. Довольно сложно определить, какое количество статей включает в себя БК РФ в действующей редакции, поскольку за девятнадцать лет своего действия кодекс неоднократно подвергался крупномасштабным (и не очень) изменениям и дополнениям².

Почти двадцать лет действия БК РФ дают возможность оценить значение кодекса и определить его значение и роль в системе источников правового регулирования бюджетных отношений: может ли он претендовать на роль финансовой конституции или выполняет функцию инструмента Минфина России при проведении последним финансовой политики в государстве?

¹ См. подробнее: Пашенцев Д.А. Финансово-правовая традиция России: монография. М.: КноРус, 2017. С. 68–78; Тютина Ю.В. Процесс развития отрасли финансового права // Вестник Российской правовой академии. 2008. № 1. С. 48–52; Кудряшова Е.В. Лекции по бюджетному праву: учебное пособие. М.: Финакадемия, 2010.

² Сложность в подсчете количества статей БК РФ заключается в том, что для сохранения нумерации его статей, которая должна оканчиваться статьей под номером 307, законодатель использует метод вставок статей, присоединяя к номеру статьи значки — 1, 2, 1-2 и т.д. Например, статья 133.1. «Формы межбюджетных трансфертов, предоставляемых из бюджета Федерального фонда обязательного медицинского страхования» БК РФ, статья 160.2-1. «Бюджетные полномочия главного распорядителя (распорядителя) бюджетных средств, главного администратора (администратора) доходов бюджета, главного администратора (администратора) источников финансирования дефицита бюджета по осуществлению внутреннего финансового контроля и внутреннего финансового аудита» БК РФ и др. (Прим. авт.)

Рассматривая БК РФ на предмет его соответствия финансовой конституции, следует исходить из выполнения или невыполнения БК РФ стабилизационной функции, поскольку одним из основных признаков конституции является ее стабильность (неизменность)¹.

Стабильность или нестабильность законодательного акта можно определить по скорости и количеству изменений, которые в него вносятся. Если обратиться к БК РФ, то за время его действия принято более 140 федеральных законов, которыми в БК РФ были внесены изменения и дополнения². То есть скорость изменения положений БК РФ составляет примерно семь – восемь федеральных законов в год. Это очень много для законодательного акта, претендующего на роль финансовой конституции.

Если судить по внесенным изменениям, их количеству и содержанию, то нельзя утверждать, что БК РФ сейчас — это тот же кодекс, что был двадцать лет назад. Такого же мнения, видимо, придерживаются и в Правительстве Российской Федерации. Так, в 2016 году Минфином России был разработан проект нового БК РФ³. Данный факт также подтверждает вывод о том, что БК РФ не относится к разряду стабильных актов российского законодательства.

Исследовательский интерес представляет анализ содержания положений БК РФ на предмет их устойчивости. Наименее подверженными изменениям оказались положения БК РФ о бюджетном законодательстве Российской Федерации и бюджетных полномочиях Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований (часть I БК РФ); положения о бюджетном устройстве, включая положения о бюджетной системе,

¹ См. подробнее: Хабриева Т.Я. Конституционное развитие: статика и динамика (к 25-летию Основного Закона России) // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 10–17; Шахрай С.М. Конституционное право Российской Федерации: учебник для академического бакалавриата и магистратуры. 4-е изд., изм. и доп. М.: Статут, 2017; СПС «Консультант-Плюс».

² См. подробнее: Леднева Ю.В. Проблемы систематизации бюджетного законодательства Российской Федерации // Финансовое право. 2019. № 1. С. 19–23.

³ Проект Бюджетного кодекса Российской Федерации в редакции от 07.02.2018 размещен на Официальном сайте Министерства финансов Российской Федерации. URL: https://www.minfin.ru/common/upload/library/2018/03/main/proj_BK.pdf (дата обращения: 27.05.2019). К настоящему времени проект БК РФ в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации не внесен.

принципах ее построения и бюджетной классификации (первый раздел части II БК РФ); положения о бюджетах государственных внебюджетных фондов (глава 17 БК РФ).

Однако эти немногие отличающиеся относительной стабильностью правовые институты БК РФ вполне вероятно в скором времени также претерпят существенные изменения. Так, например, проект нового БК РФ не содержит такой основополагающей финансово-правовой категории, как бюджетное устройство, что негативно было воспринято научной общественностью¹. В деловых, научных и общественных кругах обсуждается вопрос о трансформации государственных внебюджетных фондов из специализированных финансово-кредитных учреждений в организации с иным правовым статусом, например в публично-правовые компании, с выводом бюджетов указанных фондов из бюджетной системы Российской Федерации².

Наибольшей трансформации были подвергнуты следующие бюджетно-правовые институты, содержащиеся в БК РФ:

правовой институт бюджетных расходов, главным образом в части регулирования государственных и муниципальных закупок, а также предоставления бюджетных кредитов и субсидий;

правовой институт финансирования дефицита бюджетов, включая регулирование порядка предоставления бюджетных кредитов;

правовой институт межбюджетных трансфертов;

правовой институт бюджетного процесса;

правовой институт бюджетного контроля;

правовой институт ответственности за нарушения и бюджетных мер принуждения.

Сказанное подтверждает, что БК РФ далек от стабильности и, соответственно, от статуса финансовой конституции. Такое же

¹ Горбунова О.Н., Пешкова Х.В., Вершило Т.А. О необходимости совершенствования текста проекта Бюджетного кодекса РФ // Финансовое право. 2016. № 7. С. 37–40.

² См. подробнее: Новые организационно-правовые формы социального страхования: сборник статей по материалам научно-практической конференции (Москва, 25 октября 2018 г.) / отв. ред. Ю.В. Воронин, Н.А. Поветкина. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2018; Поветкина Н.А. Финансово-правовая модель реформирования системы обязательного социального страхования // Финансовое право. 2018. № 11. С. 17–20.

мнение высказывают в литературе и иные представители научных кругов¹.

Для того чтобы действовать сто и более лет, как например, действовало Соборное уложение царя Алексея Михайловича 1649 года, кодексу необходимо обрести стабильность. Что можно предложить в этой связи, учитывая, что развитие общественных отношений не стоит на месте, а, напротив, в последние годы стремительно ускорилось в связи с развитием интернет-технологий². Полагаем, что можно использовать опыт СССР: в нормах БК РФ регулировать только наиболее важные бюджетные отношения, а все остальное — ситуативное, текущее регулирование оставить на усмотрение Правительства Российской Федерации и Минфина России, которые могли бы более оперативно решать насущные ежедневные бюджетно-правовые проблемы в своих подзаконных актах.

В то же время в защиту БК РФ как финансовой конституции можно привести следующий довод. Дело в том, что объем и значимость тех общественных отношений, которые урегулированы нормами БК РФ, позволяют отнести его к учредительным документам. БК РФ устанавливает важнейшие финансово-правовые институты: бюджетное устройство, бюджетную систему и принципы ее построения, бюджетные полномочия публично-правовых образований, доходы бюджетов и расходы бюджетов, межбюджетные отношения, бюджетный процесс, бюджетный контроль, бюджетные меры принуждения и т.д. Кроме того, в перспективе предлагается в сферу регулирования БК РФ включить общественные отношения, возникающие:

при осуществлении эмиссии государственных и муниципальных ценных бумаг³;

в контрактной системе государственных и муниципальных закупок;

¹ См., например: Омелехина Н.В. Бюджетный кодекс РФ как правовая основа формирования инвестиционного климата в публично-правовых образованиях // Финансовое право. 2019. № 1. С. 5–11.

² См.: Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. С. 9–10; Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019.

³ В проекте нового редакции БК РФ Федеральный закон от 29.07.1998 № 136-ФЗ «Об особенностях эмиссии и обращения государственных и муниципальных ценных бумаг» имплементирован в кодекс. (*Прим. авт.*)

в ходе информационного обеспечения в бюджетной сфере¹.

В этой связи возникает вопрос: так ли необходимо принимать новый БК РФ?

Представляется, что ответ на поставленный вопрос должен быть отрицательным по следующим причинам: во-первых, в случае необходимости внесения изменений и дополнений в БК РФ можно продолжать пользоваться сложившимися на практике способами и вносить в кодекс изменения путем принятия соответствующих федеральных законов; во-вторых, отсутствуют какие-либо гарантии того, что новый БК РФ станет более стабильным и что в него не будут вноситься изменения с такой же регулярностью и скоростью, как это происходит с действующим БК РФ; в-третьих, за время действия БК РФ у лиц, его использующих, уже сложилось определенное представление о БК РФ, о расположении и содержании правовых норм, включенных в кодекс, о его структуре и системе, поэтому принятие нового БК РФ может создать сложности для пользователей, в том числе при поиске нужной бюджетно-правовой нормы, при ее толковании, а также при оценке возможности использования той или иной бюджетной-правовой нормы в конкретном правоотношении.

Принятие нового БК РФ могло бы быть оправдано только с точки зрения юридической техники². Как было отмечено выше, в БК РФ сбита нумерация статей, что создает определенные неудобства в правоприменительной деятельности. Например, после статьи 96 следует 96.6, после статьи 242.6 идет статья 264.1, после статьи 270.2. — 306.1, так как статьи с номерами 96.1–96.5, 243–264 и 271–306 признаны утратившими силу, соответственно. Или, другой пример: в БК РФ содержится пять 96-х статей (96, 96.6, 96.10–96.12), двенадцать 264-х статей (264.1–264.10, 264.10–1, 264.11) и т.д. Справедливости ради отметим, что эта негативная тенденция коснулась не только БК РФ, но и иных законодательных актов. Однако, учитывая отсутствие каких-либо гарантий обеспе-

¹ См. подробнее: Леднева Ю.В. Правовое обеспечение внедрения в бюджетные отношения информационно-телекоммуникационных технологий // Финансовое право. 2017. № 11. С. 9–14.

² См. подробнее: Кудряшова Е.В. Бюджетная реформа и совершенствование юридической техники бюджетного законодательства // Государственная власть и местное самоуправление. 2006. № 8. С. 38–40; Юридическая техника: учебное пособие / Н.А. Власенко, А.И. Абрамова, Г.Т. Чернобель [и др.]. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: Юстиция, 2016. 296 с.

чения стабильности нового БК РФ, имеется вероятность приобретения такого же вида в части нумерации статей новым БК РФ в недалеком будущем. Поэтому этот единственный довод в пользу принятия нового БК РФ нивелируется отсутствием обеспечения его стабильности. Полагаем, что процесс включения в БК РФ (действующий или проектируемый в случае его принятия) новых правовых институтов, имеющих отношение к государственным и муниципальным финансам, будет продолжаться.

К решению вопроса о принятии любого нового закона, тем более такого системообразующего, как БК РФ, надо подходить с учетом нужности его для общества, экономической целесообразности, баланса публичных и частных интересов¹.

Широта охвата вопросов, решаемых и уже урегулированных БК РФ, а также планируемых в будущем, дает все основания продолжать вести дискуссию на предмет выполнения кодексом функции финансовой конституции. Однако, как представляется, на сегодняшний день БК РФ в большей степени выполняет роль проводника финансовой политики Правительства Российской Федерации и Минфина России, и в меньшей степени — финансовой конституции.

Итак, БК РФ является результатом исторического развития бюджетного законодательства СССР и Российской Федерации; в целом, его положения удовлетворяют потребности общества и государства и соответствуют уровню развития отношений в бюджетной сфере. Ряд выявленных проблем теоретического характера, связанных с кодификацией бюджетного законодательства, а также с необходимостью принятия нового кодекса, требуют своего дальнейшего научного осмысления и практического разрешения.

Список использованной литературы

1. *Горбунова О.Н.* О необходимости совершенствования текста проекта Бюджетного кодекса РФ [Текст] / О.Н. Горбунова, Х.В. Пешкова, Т.А. Вершило // Финансовое право. — 2016. — № 7.
2. *Кудряшова Е.В.* Бюджетная реформа и совершенствование юридической техники бюджетного законодательства [Текст] / Е.В. Кудряшова // Государственная власть и местное самоуправление. — 2006. — № 8.

¹ См. подробнее: Леднева Ю., Черникова Е. Законы для блага экономики // Государственная служба. 2017. Т. 19. № 1. С. 27–29; Кудряшова Е.В. Принцип финансовой обеспеченности публичного планирования в Российской Федерации // Финансовое право. 2010. № 7. С. 11–14.

3. *Кудряшова Е.В.* Лекции по бюджетному праву [Текст]: учеб. пособие / Е.В. Кудряшова. — М.: Финакадемия, 2010.
4. *Кудряшова Е.В.* Принцип финансовой обеспеченности публичного планирования в Российской Федерации [Текст] / Е.В. Кудряшова // Финансовое право. — 2010. — № 7.
5. *Леднева Ю.В.* Правовое обеспечение внедрения в бюджетные отношения информационно-телекоммуникационных технологий [Текст] / Ю.В. Леднева // Финансовое право. — 2017. — № 11.
6. *Леднева Ю.В.* Проблемы систематизации бюджетного законодательства Российской Федерации [Текст] / Ю.В. Леднева // Финансовое право. — 2019. — № 1.
7. *Леднева Ю.* Законы для блага экономики [Текст] / Ю. Леднева, Е. Черникова // Государственная служба. — 2017. — Т. 19. — № 1.
8. Новые организационно-правовые формы социального страхования [Текст]: сборник статей по материалам научно-практической конференции (Москва, 25 октября 2018 г.) / отв. ред. Ю.В. Воронин, Н.А. Поветкина. — М., 2018.
9. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка [Текст]: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019.
10. *Пашенцев Д.А.* Финансово-правовая традиция России [Текст]: монография / Д.А. Пашенцев. — М., 2017.
11. *Поветкина Н.А.* Финансово-правовая модель реформирования системы обязательного социального страхования [Текст] / Н.А. Поветкина // Финансовое право. — 2018. — № 11.
12. *Тютин Ю.В.* Процесс развития отрасли финансового права [Текст] / Ю.В. Тютин // Вестник Российской правовой академии. — 2008. — № 1.
13. *Хабриева Т.Я.* Конституционное развитие: статика и динамика (к 25-летию Основного Закона России) [Текст] / Т.Я. Хабриева // Конституционное и муниципальное право. — 2018. — № 12.
14. Цифровизация правосудства: поиск новых решений [Текст]: монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019.
15. *Черногор Н.Н.* Октябрьская революция и эволюция российского права [Текст] / Н.Н. Черногор, Д.А. Пашенцев // Журнал российского права. — 2017. — № 10.
16. Юридическая техника [Текст]: учеб. пособие / Н.А. Власенко, А.И. Абрамова, Г.Т. Чернобель [и др.]. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2016.

**ОТ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ К ЗАЩИТЕ ПРИРОДНЫХ РЕСУРСОВ:
СОБОРНОЕ УЛОЖЕНИЕ И ПОСЛЕДУЮЩЕЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО**

История законотворчества в сфере природных ресурсов проникнута регулированием их максимального использования, с одной стороны, и бережного к ним отношения, с другой. Первоначально приоритетными были освоение естественной среды, борьба за выживание в условиях стихийных бедствий; по мере экономического развития появлялась возможность законодательного стимулирования охраны природы, что остается злободневным и в настоящее время.

Обычное право восточных славян, княжеская судебная практика, договоры Руси с Византией предполагали кочевой, затем оседлый образы жизни со скотоводческим, земледельческим, промысловым хозяйственными типами, которые опирались, прежде всего, на регулирование интенсивного использования земельных ресурсов¹. Правила отстаивания земель включались в Русскую Правду Ярослава Мудрого, пространную Правду XII века, акты Ярослава и Ярославичей, Устав Владимира Мономаха, другие нормы Киевской Руси².

В Судебнике 1497 г. великого князя Ивана III «с его детьми и боярами», предусматривающем централизацию государственного управления, ограничение злоупотреблений правящего аппарата, возмещение убытков от волокиты дьяков, борьбу с поджигателями, насчитывалось 68 статей (часть которых была почерпнута из Псковской Судной грамоты), где также уделялось внимание решению проблем землепользования.

Регулировались сооружение изгородей от потравы скотом полей, расходы на них, возмещение убытков за плохое огораживание (ст. 61); межевание, наказание тех, кто «перепашет между», а того, кто повредит межевые знаки, — бить кнутом, а потерпевшему рубль (но это все в зависимости от виновности человека и количества пе-

¹ См.: Нечволодов А.Д. Сказания о русской земле: в 4 кн. 4-е изд. СПб., 1913; Васильчиков А. Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах. Т. 1. СПб., 1876; Огановский Н. Закономерность аграрной революции. Ч. 11. Очерки по истории земельных отношений в России. Саратов, 1911; Архангельский П.Г. Очерки по истории земельного строя в России. Казань, 1920; Памятники российского права: учебно-научное пособие / под ред. Р.Л. Хачатурова. Т. 1. М.: Юрлитинформ, 2013.

² Татищев В.Н. История российская (краткая редакция 1737 г.). М.-Л., 1968. Т. VII.

репаханного — ст. 62, воспроизводящая нормы ст. 18 Белозерской и ст. 4 Двинской Уставных грамот); рассмотрение земельных дел, применение исковой давности по ним (ст. 63).

Нормы о предоставлении земельных участков во владение перемешались с нормами об освоении новых земель, засыпке болот, раскорчевке леса, бортничестве, охоте на зверей и птиц, о поводах и субъектах обжалования, переходе прав на владение землей разным лицам, в том числе в ходе наследования. О простоте рассмотрения споров, характере нравов, отношениях к «челобитным», в том числе о потравах, свидетельствует летописная запись: обидчика боярина казнили сразу, а самого боярина — позже, но уже за другую вину (за то, что позволил себя обидеть? Или за донос, обращение к власти? За хищническое отношение к лугам?)¹.

Ряд авторов на основании документов XVI века показывают, как русские крестьяне выбирали подходящие участки под лесом, производили их расчистку, корчевали пни, огораживали, распахивали, повышали плодородие, пролагали к ним дороги, порой меняли, отдавали, брали в залог свои земли, давали в качестве приданого своим дочерям². Власть основывалась в основном на традициях, на силе, а не на правовых положениях. Дошла до нас сентенция о том, что законы на Руси могут быть «аглицкие», европейские, а управление все равно останется турецкое, сводящееся к мздоимству, рылобитию, самоотверженному сочинению списка мероприятий (то есть азиатское, неюридическое — оно и сегодня своими остатками цепляет нас, по выражению Кузьмы Пруткова, за фалды)³.

Постепенно публичные полномочия в отношении земель превращаются в права собственности на них. Процесс в обратном порядке повторился в 1990-х, когда пала исключительная собственность государства на землю, а власти городов, других муниципальных образований, как бы походя, присвоили себе право собственности на территории, находившиеся под их юрисдикцией, в том числе

¹ Акты XII–XVIII веков, представленные в разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества. Изд. А. Юшков. 1898. Т. 1–3; Ржаницын А.А. Борьба за землю в России. Ч. 1. Закрепощение земли. М., 1925; Акты феодального землевладения и хозяйства XIV–XVI веков. М., 1951.

² Копанев А.И. Крестьянство русского Севера в XVI веке. М., 1978.

³ Маковский Д.П. Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке. Смоленск, 1963; Покровский Н.Н., Беляев И.Д. Новое о прошлом нашей страны. СПб. — М., 1967. С. 90.

в пределах городской черты: публичные полномочия грандиозно, но плавно перетекли в их права собственности¹.

Кодификационной, институциональной вехой законотворчества в сфере использования природных ресурсов стало Соборное уложение от 29 января 1649 года, одобренное Земским Собором при царе Алексее Михайловиче. В этом отношении немаловажной представляется историческая обстановка, складывающаяся к середине XVII века. Заканчивалась первая общеевропейская тридцатилетняя война, в том числе с участием России за возвращение земель Смоленска от Речи Посполитой, заключением Вестфальского мира, осуществлялись закрепление за национальными суверенными государствами территорий с обозначенными границами, рецепция древнеримского постулата о том, что солнце, ветер, море, текущая вода принадлежат всем (подвергаемого в XXI веке сомнениям в ходе регулирования водопользования).

Русь не оставалась в стороне от развития европейской цивилизации, внесения в нее своей лепты, не только втягиваясь в нее, дополняя ее, но и формируя свою концепцию природопользования. Дворяне были заинтересованы в расширении прав на поместное землевладение, упорядочении законодательства, оформлении его в едином акте, наведении порядка, упрочении стабильности. Продолжалась традиционная российская борьба со злоупотреблениями в распоряжении землей, коррупцией служилых людей: царь Алексей Михайлович провозглашал, что суд и расправа для чинов больших и малых должны быть равными (ср. с ч. 1 ст. 19 Конституции РФ 1993 г. о том, что все равны перед законом и судом).

Соборное уложение содержало 25 глав и 967 статей. Для систематизации законодательства использовались предшествующие судебники, указные книги приказов, царские акты, боярские приговоры, византийские источники, Литовский статут 1588 г. как образец юридической техники, формулировок, рубрикации. Востребованность правопорядка в стране, прежде всего земельного, была достаточно высока: текст кодифицированного закона в виде Соборного уложения впервые был напечатан типографским способом, причем небывалым для того времени тиражом — 1200 экземпляров, которые были весьма актуальны и разошлись за два месяца².

¹ Жариков Ю.Г. Земельное право России. М.: КноРус, 2006.

² Зернова А.С. Начало книгопечатания в Москве и на Украине. М., 1947; Запаско А.П. Художественное наследие Ивана Федорова. Львов, 1974; «500 лет после Гутенберга». М., 1968; Соборное уложение 1649 / рук. авт. колл. А.Г. Маньков. Л.: Наука, 1987. 448 с.; Исаев И.А. История государства и права России. М., 2006; Томсинов В.А. Соборное уложение как памятник русской юриспруденции. М.: Зерцало, 2011. 422 с.

Значение Уложения как уникального памятника в системе источников отечественного природоресурсного права, способа систематизации законодательных предписаний, выражения правосознания того общества в области экологии (это широко используемое в настоящее время понятие появилось лишь в XIX веке) остается непреходящим. В.О. Ключевский полагал, что двухсотлетнее существование Соборного уложения говорит не о достоинствах его, а о том, как долго можно обходиться в России без удовлетворительного закона (добавим, вообще без закона, в неведении о нем — С.Б.). И в середине XIX века считали, что земля весьма обильна, порядка ж не было и нет, и что плохой закон лучше, чем никакой. К XXI веку становится яснее, что закон — плохой либо хороший, четко написанный или не очень — может считаться таковым, если он реализуется, действует¹.

В Уложении регулируются земельные и иные природоресурсные отношения; это главы: XI — о суде над крестьянами с 34 статьями, XVI — о поместных землях с 69 статьями, XVII — о вотчинах с 55 статьями, XIX — о посадских людях с 40 статьями, XX — о холопах с 119 статьями. Земским Собором принимались «новоуказанные статьи» в 1677 г. о поместьях и вотчинах; преемственность обеспечивал писцовый наказ 1683 г. и последующие акты о пожаловании земли, приобретениях ее через покупку, о приобретательской давности в сорок лет, о правилах межевания вотчин, поместий, лесов, пустошей, о праве выпаса скота на лугах и местах, прилегающих к дороге.

Закрепление правовыми способами параметров распоряжения землей означало не только их использование, но и их охрану, что прослеживается в последующем. В писцовых наказах 1681, 1683, 1684 гг. устанавливалось правило межевать земли каждого землевладельца порознь с исключением для помещиков; инструкцией от 13 мая 1754 г. для предупреждения ссор и драк предписывались ревизия земель, проверка прав владельцев; манифестом от 19 сентября 1765 г. вводилось генеральное межевание; указом от 21 июня 1839 г. предусматривалось полюбовное размежевание через ко-

¹ Ключевский В.О. Боярская Дума Древней Руси: докторская диссертация. 1882; Соловьева С.В. Земельное законодательство в период возникновения и укрепления русского абсолютизма (вторая половина XVII — начало XVIII в.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1954; Лазарев В.В. Закон эффективен, если эффективно его применение // Как обеспечить эффективность закона. Научное издание / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Н.Н. Толмачева, С.А. Боголюбов. М.: ИГиСП-Мособлдума, 2019. С. 79–86; Залоило М.В. Проблемы обеспечения качества закона // Журнал российского права. 2017. № 1. С. 154–160.

миссии посредников, дополненное законом от 30 декабря 1853 г. о судебно-межевом разбирательстве.

Право, хотя и не вмешивалось напрямую в частное земельное хозяйство, тем не менее узаконивало с XVII века трехпольную, четырехпольную системы земледелия, предполагающие смену выращиваемых растений попеременно с паром, то есть оставлением земли для отдыха с использованием луговой и пустошной земли, что считалось прогрессивным для земледелия и господствующей в России системой; предполагалась возможность ставить запруды на реке в пределах своего владения, так же как ставить избы, ловить рыбу без ущерба интересам соседей¹.

Попытки юридической преемственности в аграрном секторе предпринимались в 1767–1768 гг. путем созыва Екатериной II законопроектной комиссии и выдачи ею Наказа с его 22 главами и 655 статьями на русском, французском, немецком и латинском языках, снабжением членов Комиссии нагрудными знаками с надписью «блаженство каждого и всех» (что напоминает ст. 20 Конституции РСФСР 1978 г. об идеале «свобода развития каждого есть условие свободного развития всех»); однако это «великое дело», начатое молодой императрицей под влиянием модных веяний, переписки с Вольтером, не увенчалось успехом, в том числе ввиду покушений на помещичье землевладение².

Государство, овладевая природными ресурсами, должно было не только следить, контролировать остальных природопользователей, но и рационально само пользоваться природой. Однако задачу управления природными ресурсами российское государство видело в извлечении максимального дохода из них, и в этой части вело себя как обычный частный собственник.

В начале XX века активизируются инициативы о необходимости, конкретных путях сбережения природных ресурсов, разграничении правового регулирования их потребления и охраны. Земельное право начало отпочковываться от гражданского права и уже в 1910-х годах преподавалось отдельно от него в Константиновской межевой школе (ныне Государственный университет

¹ См.: Судейкин В. Чересполосица земельная // Энциклопедический словарь. Изд. Ф.А. Брокгауз, И.А. Ефрон. СПб., 1903. Т. 76. С. 540–541; Трехпольное хозяйство // Там же. 1901. Т. 66. С. 797–799.

² См. доклады и выставку «Художественный образ права (от Русской Правды до Свода законов Российской Империи)» на научной конференции ИЗиСП «Систематизация законодательства и динамика источников права в исторической ретроспективе (к 370-летию Соборного уложения)» 16 мая 2019 г.

по землеустройству, Институт геодезии и картографии) и ряде других землемерных учебных заведений России, горное право — в горных институтах, лесное право — в Петербургской лесной академии¹.

Соборное уложение давало импульс цивилизованному законодательному регулированию горных, водных, лесных отношений. Исторической вехой стал Устав горный 1832 г. Издавна защитой от внешних врагов путем завалов являлся лес; Соборное уложение 1649 г. разрешало служилым людям пользоваться им для воинских нужд. В 1832 г. лесные предписания были включены в Свод законов Российской Империи. Лесным Уставом 1842 г. были систематизированы различные категории лесных массивов, системы управления казенными, корабельными, промысловыми лесами, контроля, наказаний за самовольные лесные порубки, поджоги, виды ответственности за иные лесонарушения.

Лесной Устав 1913 г. включал нормы об охране лесов казенных, государственных, в непосредственном распоряжении Лесного Ведомства не состоящих; частновладельческих; о лесах въездных, общих и спорных. Варианты Лесного Устава дополнялись отдельными книгами, брошюрами, оттисками положений самого Устава, инструкциями, циркулярами, наказами, что развивало, но и затрудняло их применение.

Большое внимание уделялось законодательному регулированию предупреждения, тушения пожаров, причинявших природным ресурсам огромный вред; о лесных пожарах, влекущих значительный, невосполнимый урон, свидетельствуют наименования работ начала XX века²; в XXI веке горение лесов связывают с намерением «черных лесорубов» скрыть незаконный вывоз древесины.

Регулированием охоты, рыболовства первые московские князья интересуются больше с фискальной точки зрения, как важной статьей бюджета, нежели с точки зрения забавы; Иван Калита, Дмитрий Донской ревниво оберегают свои «сокольничьи и ловчие пути»; с древних времен охота была промыслом для всех, хотя князья пользовались особыми преимуществами. При Петре Ве-

¹ Казанцев Н.Д. Из истории развития науки советского земельного и природоохранительного права // Известия вузов. Правоведение. 1968. № 1. С. 75–83; Коловангин П.М. Собственность на землю в России. История и современность. СПб., 2003.

² См. Устав пожарный. СПб., 1842. С. 349; Пуришкевич В. Национальное бедствие России. СПб., 1909; Ермолов А.С. Современная пожарная эпидемия в России. СПб., 1913.

ликом создавались зверинцы, заведывание охотой находилось с 1696 г. в Преображенском приказе; в 1701, 1703 гг. издавались указы о воспрещении охоты в окрестностях Москвы; указом от 22 апреля 1714 г. запрещалось стрелять или бить лосей в Петербургской губернии под угрозой «большого штрафа и жестокого наказания»¹.

В XX веке научно-технический прогресс обусловил новые этапы систематизации природоресурсного законодательства, были задействованы земельные, водные, лесные кодексы, законы о недрах, о животном мире. Качественным скачком стало принятие законов об охране природы в РСФСР (1960 г.), об охране окружающей природной среды (1991 г.), об экологической экспертизе и об особо охраняемых природных территориях (1995 г.), об охране окружающей среды (2002 г.), что означало перемену законодательных взглядов на отношения общества и природы.

К XXI веку российское законодательство о природных ресурсах подошло развитым, комплексным, регулирующим новые аспекты их использования, идущим в унисон с глобальными соглашениями, зарубежными законами об охране окружающей среды². Об их экологических приоритетах свидетельствует, например, акт Великобритании «Рамки политики национального планирования» 2012 г., по которому все меры экономического развития подчиняются императивным требованиям защиты окружающей среды, каждое публичное решение и каждый публично утвержденный план должны отвечать правилам устойчивого развития³.

Таким образом, взятое за отправную точку отсчета Соборное уложение 1649 г. дало старт многочисленным последующим нормативным правовым актам, демонстрирующим развитие природоресурсного права, прибавление к нему природоохранной подотрасли, их перерастание в полноценную интегрированную экологическую отрасль российского права.

¹ См. Вишняков В.И. Рыболовство и законодательство. М., 1894; Туркин Н.В. Закон об охоте 3 февраля 1892 года. М., 1892; О звериных и рыбных промыслах. СПб., 1900; Соколов А. Коневодство и коннозаводство // Энциклопедический словарь. Изд. Брокгауз Ф.А., Ефрон И.А. СПб., 1895. Т. 30. С. 941–946; Кутепов Н. Царская и великокняжеская охота на Руси // Там же. 1903. Т. 74. С. 808–811.

² Жариков Ю.Г. Право сельскохозяйственного землепользования. М.: Госюриздат, 1969; Закон на страже землепользования. М.: Госюриздат, 1985.

³ Красносельских Б.Х. Пространственно-экономическое планирование. Опыт Великобритании // Пространственная политика. 2012. № 2.

Список использованной литературы

1. *Архангельский П.Г.* Очерки по истории земельного строя в России [Текст] / П.Г. Архангельский. — Казань, 1920.
2. *Васильчиков А.* Землевладение и земледелие в России и других европейских государствах [Текст]. Т. 1 / А. Васильчиков. — СПб., 1876.
3. *Жариков Ю.Г.* Земельное право России [Текст] / Ю.Г. Жариков. — М., 2006.
4. *Залоило М.В.* Проблемы обеспечения качества закона [Текст] / М.В. Залоило // Журнал российского права. — 2017. — № 1.
5. *Копанев А.И.* Крестьянство русского Севера в XVI веке [Текст] / А.И. Копанев. — М., 1978.
6. *Маковский Д.П.* Развитие товарно-денежных отношений в сельском хозяйстве Русского государства в XVI веке [Текст] / Д.П. Маковский. — Смоленск, 1963.
7. *Нечволодов А.Д.* Сказания о русской земле [Текст]: в 4 кн. / А.Д. Нечволодов. — 4-е изд. — СПб., 1913.
8. Памятники российского права [Текст]. Т. 1: учебно-научное пособие / под ред. Р.Л. Хачатурова. — М., 2013.
9. *Покровский Н.Н.* Новое о прошлом нашей страны [Текст] / Н.Н. Покровский, И.Д. Беляев. — СПб.: М., 1967.
10. *Ржаницын А.А.* Борьба за землю в России [Текст]. Ч. 1. Закрепощение земли / А.А. Ржаницын. — М., 1925.
11. *Татищев В.Н.* История Российская (краткая редакция 1737 г.) [Текст]. Т. VII / В.Н. Татищев. — М. — Л., 1968.

**СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЖИЛИЩНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В ГОДЫ
СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ И В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПРОБЛЕМЫ
ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВОВОЙ ПРЕЕМСТВЕННОСТИ**

В XX веке жилищное законодательство в нашей стране развивалось неравномерно, разными темпами, в условиях смены общественных формаций и правовых ценностей и ориентиров. Вместе с тем попытки его упорядочения предпринимались уже в первые годы советской власти, когда были кодифицированы основные отрасли законодательства — гражданское, семейное, трудовое, уголовное¹.

Изначально жилищные отношения получили правовую регламентацию в нормах Гражданского кодекса РСФСР 1922 года. В нем были закреплены положения о найме жилья, купле-продаже муниципализированных жилых строений. ГК РСФСР 1922 г. исходил из неравенства граждан в осуществлении жилищных прав. Лица, чье имущество было экспроприировано, лишались права требовать его возвращения. Кроме того, жилищные отношения регулировались различными декретами советской власти.

Позднее, в 1926 и 1930 годах, были подготовлены два проекта Жилищного кодекса РСФСР, которые не нашли широкой поддержки ни со стороны власти, ни со стороны научного сообщества². Проекты оказались несовершенными с точки зрения правил юридической техники, а принятие специального акта в области регулирования жилищных отношений было отложено на долгие годы.

Практика регламентации жилищных отношений нормами гражданского законодательства имела место и в последующие годы. Так, в рамках второй советской кодификации, имевшей место в 1960-е годы, соответствующие нормы вошли в состав Основ гражданского законодательства Союза ССР 1961 г. и Гражданского кодекса РСФСР 1964 г.

В 1977 году была принята Конституция СССР, где впервые было закреплено право граждан на жилище (ст. 44). С этого времени

¹ См.: Пашенцев Д.А. Кодификация как инструмент конструирования системы законодательства в начальный период Советского государства (к 100-летию первых советских кодексов) // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 5–13.

² Раевич С. Оппортунизм и бесперспективность в проекте Жилищного кодекса РСФСР // Советское государство и революция права. Журнал института советского строительства и права. 1931. № 5–6. С. 151–161.

начались работы по кодификации жилищного законодательства Союза ССР и союзных республик, обусловленные необходимостью создания надлежащих правовых гарантий реализации такого права.

В итоге были разработаны и приняты Основы жилищного законодательства СССР 1981 г., которые получили развитие и конкретизацию¹ в нормах жилищного законодательства союзных республик. В РСФСР Жилищный кодекс был принят в 1983 году.

ЖК РСФСР 1983 г. регламентировал жилищные права и обязанности граждан, разграничил жилищный фонд на государственный, общественный, индивидуальный, а также фонд жилищно-строительных кооперативов, включал общие положения и специальные нормы об управлении жилищным фондом, обеспечении граждан жильем и пользовании им, обеспечении сохранности жилищного фонда. Большинство из его норм были посвящены договору найма жилого помещения.

В литературе отмечается значение ЖК РСФСР 1983 г. в условиях построения современного российского государства. Кодекс действовал и после распада СССР, когда уже была принята Конституция РФ 1993 года и кодифицированы многие отрасли российского законодательства. Жилищный кодекс РФ был принят только в 2004 году, до этого же нормы ЖК РСФСР 1983 г. служили ориентиром для судебной практики².

Тенденции развития современного законодательства включают в себя инкорпорацию советских актов в российское законодательство³, а также отмену устаревших и избыточных предписаний, включая те, что содержатся в правовых актах советского периода («регуляторная гильотина»⁴). В этих обстоятельствах важен учет прежних правовых традиций нашего государства в деле систематизации жилищного законодательства, заключающихся в обеспечении такого важного права граждан, как право на жилище.

¹ См. о конкретизации: Залоило М.В. Конкретизация юридических норм как прием юридической техники в правотворчестве: понятие и пределы // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. М., 2015. С. 325–329.

² Концепция развития жилищного законодательства // Журнал российского права. 2000. № 5/6. С. 68–69.

³ Залоило М.В. Проблемы инкорпорации правовых актов СССР и РСФСР в современное российское законодательство // Журнал российского права. 2017. № 10. С. 24–36.

⁴ Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. М., 2019. С. 105–106; Современные юридические технологии в правотворчестве: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. М., 2020. С. 138–142.

Список использованной литературы

1. *Залоило М.В.* Конкретизация юридических норм как прием юридической техники в правотворчестве: понятие и пределы [Текст] / М.В. Залоило // Конкретизация права: теоретические и практические проблемы: Материалы IX Международной научно-практической конференции. — М., 2015.
2. *Залоило М.В.* Проблемы инкорпорации правовых актов СССР и РСФСР в современное российское законодательство [Текст] / М.В. Залоило // Журнал российского права. — 2017. — № 10.
3. *Залоило М.В.* Современные юридические технологии в правотворчестве [Текст]: научно-практическое пособие / М.В. Залоило; под ред. Д.А. Пашенцева. — М., 2020.
4. Концепция развития жилищного законодательства [Текст] // Журнал российского права. — 2000. — № 5/6.
5. *Пашенцев Д.А.* Кодификация как инструмент конструирования системы законодательства в начальный период Советского государства (к 100-летию первых советских кодексов) [Текст] / Д.А. Пашенцев // Журнал российского права. — 2018. — № 11.
6. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений [Текст]: монография / под общ. ред. Д.А. Пашенцева. — М., 2019.
7. Юридическая техника / Н.А. Власенко, А.И. Абрамова, Г.Т. Чернобель [и др.]. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2016.

**ОСОБЕННОСТИ СИСТЕМАТИЗАЦИИ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ О НОТАРИАТЕ**

Российская империя имела достаточно развитое для своего времени законодательство, которое тяготело к систематизации, что выражалось в принятии кодифицированных актов¹. Самой масштабной систематизацией стала разработка и принятие Полного собрания законов Российской империи и Свода законов Российской империи. Но нотариат в России возник позже, чем была осуществлена систематизация 1830–1833 гг., и поэтому в первых изданиях Свода законов законы о нотариате отсутствовали. Кодексов в современном понимании в Российской империи еще не было, в то же время, уже проявлялась тенденция к принятию масштабных и обширных законодательных актов, которые могли иметь различное название, но в любом случае были призваны обобщить имевшийся правовой материал, в том числе и заимствованный из зарубежного законодательства. Эти акты принимались с целью максимально подробного регулирования отношений в какой-либо сфере государственной и общественной жизни.

Вопрос о необходимости принятия законодательства о нотариате возник на волне судебной реформы 1864 г., которая повлекла за собой масштабные изменения в судебной системе, существенную модернизацию всех принципов судостроительства и судопроизводства. Возник закономерный вопрос о необходимости реформирования всей юридической сферы, приведения ее в соответствие с новыми требованиями и более высокими стандартами. Не менее важным вопросом стала и модернизация законодательства, проведение его систематизации с учетом необходимости избавления от устаревших и неэффективных норм и дополнения новыми, отвечающими потребностям времени положениями. Кроме того, создание нового суда неминуемо потребовало новой организации обеспечения исполнения судебных решений, а также новой, более эффективной, чем прежде, системы обеспечения судебных доказательств. Зарубежный опыт свидетельствовал о том, что в Европе была создана и апробирована модель нотариата — органа, одной из задач которого являлось обеспечение сделок и предоставление суду бесспорных доказательств. В связи с этим возник вопрос о создании

¹ Пашенцев Д.А. Кодификация как инструмент конструирования системы законодательства в начальный период Советской власти (к 100-летию первых советских кодексов) // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 6.

законодательной базы для деятельности нотариата в Российской империи. Правовые традиции Российской империи определяли тот факт, что законодательство о нотариате изначально следовало принимать в виде единого нормативного акта, который объединил бы и материальные, и процессуальные нормы, относившиеся к деятельности данного органа.

В итоге после работы специальной комиссии в 1866 г. было принято Временное положение о нотариальной части¹. В российской историко-правовой доктрине уже выявлены главные особенности этого правового акта. В частности, В.А. Заломов пишет о следующих особенностях:

1) Временное положение представляло собой закон, так как было утверждено Государственным Советом и императором;

2) Временное положение было разработано на основе зарубежного законодательства, в первую очередь, нотариальных актов немецких государств;

3) Временное положение имело ограниченное пространство действия, так как после принятия оно было введено в действие не на всей территории Российской империи;

4) Временное положение регулировало не все вопросы, которые относили к нотариальной деятельности. Его нормы дополнялись нормами Учреждений судебных установлений, а также Уложения о наказаниях уголовных и исправительных².

Последняя из названных особенностей свидетельствует о том, что полная систематизация норм законодательства о нотариате не была проведена, эти нормы в рамках Временного положения были систематизированы лишь частично.

Учитывая позицию процитированного выше автора, представляется возможным сформулировать следующие особенности принятия и действия Временного положения о нотариальной части 1866 г.

1) Создание Временного положения стало результатом систематизации правовых норм о нотариате, которые были разработаны для потребностей реализации судебной реформы 1864 г. на основе обобщения опыта правового регулирования нотариата в германских государствах.

2) Форма Временного положения была типичной для тех актов, которые принимались в Российской империи в XIX веке, она соот-

¹ Свод законов Российской империи. 1882. Т. XVI. Ч. 1.

² Заломов В.А. Временное положение о нотариальной части 1866 г. в системе источников права Российской империи // Евразийский юридический журнал. 2012. № 1. С. 51.

ветствовала имевшейся законотворческой традиции и принципам правотворчества, характерным для романо-германской (континентальной) правовой семьи¹.

3) Систематизация нотариального законодательства имела ограниченный в пространстве круг действия. Более того, наличие в названии рассматриваемого акта слова «временное» свидетельствовало и об ограниченности его действия во времени, причем эта ограниченность изначально была предусмотрена правотворческими органами. В момент принятия временного положения подразумевалось, что в будущем на смену ему должен прийти новый акт, составленный с учетом накопленного опыта применения нотариального законодательства в российских условиях. Таким образом, изначально предполагалась необходимость новой, более основательной систематизации законодательства о нотариате.

Представляется, что рассматриваемый акт, содержащий законодательные нормы о нотариате, не случайно был принят именно в виде «положения». В Российской империи в виде положения принимались обычно такие акты, которые регулировали деятельность каких-либо государственных органов или учреждений. Нотариат с самого начала рассматривался законодателем именно как орган государственный, о чем говорится непосредственно в тексте Временного положения о нотариальной части, устанавливавшего, что нотариусы находятся на государственной службе, хоть и не получают при этом жалования от государства за свою работу.

Принятие Временного положения не означало завершения работы по систематизации законодательства о нотариате. Об этом свидетельствует дополнение данного акта новыми нормами, в том числе связанными с распространением действия этого закона в пространстве. В частности, в 1875 г. действие положения было распространено на территорию входившего в состав Российской империи Царства Польского, а в 1889 г. — на Прибалтийские губернии. Применение этих норм на новых территориях было связано с учетом сложившихся там правовых традиций и действовавшего законодательства, которое в некоторых частях имело свою специфику по сравнению с общим законодательством Российской империи. Все это потребовало дополнения нотариального положения новыми нормами. Первоначально положение состояло из 217 статей, а в силу названных событий оно было увеличено путем добавления еще 160 статей. Новые статьи представляли собой измененные по-

¹ Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 7–8.

ложения из нотариального законодательства, которое прежде действовало в губерниях Варшавского и Прибалтийского судебных округов¹.

Как было отмечено выше, после 1830–1833 гг. все законодательство Российской империи имело систематизированный характер. Поэтому после принятия Временного положения о нотариальной части 1866 г. оно было включено в соответствующий том второго собрания Полного собрания законов Российской империи (за 1866 г. в соответствии с принципом хронологического формирования данного издания), а затем помещено в виде первой части в том XVI Свода законов Российской империи. Таким образом, формально законодательство о нотариате не осталось вне проводившейся систематизации законодательства. Более того, в процессе систематизации слово «временное» было из названия исключено, и тем самым нормам положения был придан постоянный характер.

С развитием правовой системы и эволюцией общественных отношений несовершенство действовавших норм о нотариате проявлялось все более отчетливо, в нотариальном законодательстве выявлялись пробелы, кроме того, усложнение общественных отношений требовало их дополнения и корректировки. Незавершенность систематизации норм нотариального законодательства позволяла поставить вопрос о продолжении соответствующей работы.

Комиссия по пересмотру Положения о нотариальной части была создана при Министерстве юстиции распоряжением императора от 19 мая 1899 г., но свою работу она фактически начала только в 1902 г. К 1904 г. был разработан проект новой редакции Положения о нотариальной деятельности, который в главных аспектах сохранял действовавшие нормы законодательства о нотариате неизменными, пытаясь только приспособить их к требованиям времени².

Проект предусматривал расширение числа нотариальных работников, конкретизировал правовой статус нотариусов и повышал требования к кандидатам на эту должность, расширял список нотариальных действий. Особые нормы и правила совершения нотариальных действий предусматривались, как и прежде, для Польши и Прибалтики.

¹ Ахмедов Ч.Н. Положение о нотариальной части 1866 года как нормативное основание функционирования нотариата во второй половине XIX — начале XX века // История государства и права. 2007. № 8. С. 21.

² Проект новой редакции Положения о нотариальной части. СПб.: Сенатская тип., 1904.

Проект реформирования законодательства о нотариате был опубликован и стал предметом обсуждения, вызвав заинтересованность в нотариальных кругах. Но в ходе дискуссий, получивших достаточно подробное отражение в периодической печати начала XX века, обсуждались конкретные вопросы, волновавшие нотариусов, прежде всего, вопрос о порядке и размере вознаграждения за их труд. Правовые аспекты, связанные с систематизацией нотариального законодательства, а точнее, с ее завершением, имевшие не только практический, но и теоретический характер, как правило, в нотариальной печати не дискутировались.

Правительственный законопроект подвергся достаточно жесткой критике, в итоге само правительство сочло его недостаточно готовым к принятию и отправило на доработку, которая в итоге так и не была завершена. Вероятно, этому могли помешать революционные потрясения начала XX века. В этот период в законодательство о нотариате вносились лишь частичные, точечные изменения, касавшиеся небольших и не самых важных для полноценного развития нотариата вопросов. В частности, в 1910 и 1911 гг. было принято два закона, вносивших некоторые небольшие изменения в порядок осуществления нотариального делопроизводства¹.

Таким образом, завершения начатого процесса систематизации законодательства о нотариате в Российской империи не произошло. К числу причин можно отнести отсутствие единой точки зрения по вопросам реформирования законодательства о нотариате, как в правительстве, так и среди самого нотариального сообщества. Помимо этого, прослеживается некоторое сходство ситуации в нотариальной сфере с положением в некоторых других важных сферах общественных отношений, которые также ждали реформирования в начале XX века. Правительство инициировало процесс реформирования законодательства в нескольких областях, готовились соответствующие законопроекты, заседали специально создаваемые комиссии, но в окончательной редакции разрабатываемые законы так и не принимались. Такая ситуация негативно сказывалась на систематизации российского законодательства, включая законодательства о нотариате.

Список использованной литературы

1. *Ахмедов Ч.Н.* Положение о нотариальной части 1866 года как нормативное основание функционирования нотариата во второй половине

¹ Скрипилов Е. Слово «нотариус» — латинского происхождения // Российская юстиция. 2003. № 5. С. 13.

- XIX — начале XX века [Текст] / Ч.Н. Ахмедов // История государства и права. — 2007. — № 8.
2. *Заломов В.А.* Временное положение о нотариальной части 1866 г. в системе источников права Российской империи [Текст] / В.А. Заломов // Евразийский юридический журнал. — 2012. — № 1.
 3. *Пашенцев Д.А.* Кодификация как инструмент конструирования системы законодательства в начальный период Советской власти (к 100-летию первых советских кодексов) [Текст] / Д.А. Пашенцев // Журнал российского права. — 2018. — № 11.
 4. *Пашенцев Д.А.* Российская законотворческая традиция: онтология процесса [Текст] / Д.А. Пашенцев // Журнал российского права. — 2018. — № 8.
 5. Проект новой редакции Положения о нотариальной части [Текст]. — СПб., 1904.
 6. *Скрипилев Е.* Слово «нотариус» — латинского происхождения [Текст] / Е. Скрипилев // Российская юстиция. — 2003. — № 5.

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В СФЕРЕ СВЯЗИ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В условиях развития цифровой экономики обеспечение получения обществом большого объема информации приобретает важнейшее значение, в силу чего возрастает значение правового регулирования в сфере связи. Каждое государство имеет свои особенности развития законодательства, обусловленные его историческими традициями¹. Российское государство всегда характеризовалось большими расстояниями, поэтому территориальный аспект для развития связи всегда имел важное значение. Если говорить о законодательстве в сфере связи в историческом аспекте, прежде всего нужно обратиться к истории почтового дела.

В Киевской Руси уже в X веке существовал «повоз», т.е. обязанность населения предоставлять лошадей «от стана к стану» для княжеских гонцов и слуг². В 1516 году был учрежден Ямской приказ, в котором были сосредоточены все дела по ямской гоньбе. Письменная почта с участием в ней частных лиц была основана в царствование царя Алексея Михайловича (1665 г.), так как 18 мая 1665 года между приказом Тайных дел (занимался вопросами, интересовавшими лично царя Алексея Михайловича) и голландцем Яном ван Сведеном был заключен договор об организации почты. Почта оказалась очень выгодным предприятием. В 1668 году Ян ван Сведен узнал, что на право содержать почту претендует иноземец Леонтий Марселлис. Между Марселлисом и ван Сведеном был устроен торг, в результате которого победил Марселлис, обязавшийся поставлять для нужд российского правительства «всякие подлинные ведомости» бесплатно, если корреспонденцию будут возить государственные ямщики, подчиняющиеся Ямскому приказу³.

Особое внимание вопросам развития почты уделял Петр Великий. В период его правления были устроены новые почтовые тракты, что обеспечивало правильное почтовое сношение не только между городами Европейской части России, но и с Сибирью (Москва — Тобольск). Дальнейшее развитие почтовой службы

¹ Пашенцев Д.А. Российская законотворческая традиция: онтология процесса // Журнал российского права. 2018. № 8. С. 5–6.

² URL: <https://dic.academic.ru>

³ Козловский И.П. Первые почты и первые почтмейстеры в Московском государстве. Т. I. Варшава, 1913. С. 4–11.

было связано с ямской гоньбой, которая достигла наивысшего расцвета в 90-х гг. XVII в. В этот период правительство начинает процесс объединения русских средств связи в единую организацию, который закончился в 1782 г. Было создано Главное почтовых дел правление, которое затем было преобразовано в государственные почтовые ведомства (Почтовый департамент, Министерство почт и телеграфов, Главное управление почт и телеграфов и др.)¹.

Существенный прогресс в области передачи информации на расстояние обозначился во всем мире с момента изобретения телеграфа (первая половина XIX века), а затем — телефона (1876 г.). Для Российской империи с ее огромной территорией эти два технических новшества имели огромное значение, поэтому уже в 1884 г. в составе Министерства внутренних дел создается единое Главное управление почт и телеграфов. При нем для решения вопросов сопряжения линий и устройств связи образуется технический комитет. Для управления отраслью в 1885 г. создаются почтово-телеграфные округа.

Данный комплекс решений показывает, что в качестве стратегии развития отрасли было выбрано сопряжение систем почтовой и телеграфной связи в единую структуру, которая (с учетом телеграфных станций на железной дороге) охватывала своей сетью практически всю территорию Российского государства и полностью находилась в его ведении, поэтому технологическая и тарифная политика в данной области общественных отношений также определялись государством.

В 1917 г. Временное правительство вывело отрасль из структуры МВД и образовало самостоятельное Министерство почт и телеграфов², которое в несколько видоизмененном виде функционирует в нашем государстве и по настоящее время.

В советский период самостоятельное ведомство — Народный комиссариат почт и телеграфов СССР — было образовано в 1923 году, а 15.02.1929 постановлением СНК СССР был введен в действие первый системный акт в области связи — «Устав почтовой, телеграфной, телефонной и радио связи Союза ССР» (далее — Устав связи 1929 г.). В настоящий период времени точно установить причину, по которой правовое регулирование в данной области осуществлялось в виде именно такого вида акта, уже затруднительно, однако следует отметить, что такой подход сохранялся весь советский

¹ Почта // Экономическая история России с древнейших времен до 1861 г.: Энциклопедия. М.: РОССПЭН, 2009. Т. 2. С. 359–364.

² См.: Пашенцев Д.А., Чернявский А.Г. История отечественного государства и права. М., 2016.

период. И в современный период действуют акты с таким названием (например, Федеральный закон от 10.01.2003 № 18-ФЗ «Устав железнодорожного транспорта Российской Федерации»¹, Федеральный закон от 08.11.2007 № 259-ФЗ «Устав автомобильного транспорта и городского наземного электрического транспорта»²).

В Уставе связи 1929 г. прежде всего нужно отметить разделение видов сетей связи на три категории: а) связь общего пользования; б) связь специального назначения; в) связь частного пользования.

В этот период еще не произошло окончательного огосударствления экономики, поэтому допускалась организация сетей связи частного пользования, которая ограничивалась только такими видами, как телефонная и радиосвязь. Телефонная связь частного пользования допускалась «в пределах одного здания или одного земельного участка, состоящих в пользовании отдельного юридического или физического лица» и предназначалась «исключительно для внутренних сношений». При этом исключалось техническое соединение между сетями телефонной связи частного пользования и телефонными сетями общего пользования.

Радиосвязь частного пользования допускалась в пределах определенного района деятельности отдельного государственного учреждения и предприятия, а равно общественной, в том числе кооперативной, организации, «если в соответствующей местности нет ни радиосвязи, ни проволочной связи Народного Комиссариата Почт и Телеграфов». Из контекста норм данного акта следует, что для организации телефонной или радиосвязи частного пользования требовалось разрешение Наркомсвязи СССР.

Следующий по времени акт, регулировавший отношения в сфере связи в советский период, — «Устав связи Союза ССР» — был утвержден постановлением Совета Министров СССР от 10.08.1953 № 2122 (далее — Устав связи 1953 г.). В нем констатировалось, что «развитие и деятельность социалистической связи осуществляется на основе единого государственного плана СССР», что подразумевало исключение каких-либо сетей связи частного пользования. Кроме основных общегосударственных средств связи, находящихся в ведении Министерства связи, допускались телефонные, телеграфные и радиосети внутриведомственного пользования, которые могли находиться в ведении других министерств и ведомств.

При этом однозначно устанавливалось, что средства внутриведомственной электрической связи (телефон, телеграф, радио) всех

¹ СЗ РФ. 2003. № 2. Ст. 170.

² СЗ РФ. 2007. № 46. Ст. 5555.

министерств и ведомств «должны составлять единую сеть электросвязи Советского Союза и сооружаться, исходя из условий взаимозаменяемости». Это предопределяло наличие единых требований к таким техническим системам и общей юридической платформы. Действительно, часть вторая п. 82 Устава связи 1953 г. устанавливала, что устройство и эксплуатация внутриведомственных средств связи «производится по правилам, утверждаемым соответствующими министерствами и ведомствами, с учетом действующих в Министерстве связи технических норм и в соответствии с требованиями настоящего Устава».

Устав связи 1953 г. обязывал органы государственного управления согласовывать «с соответствующими органами Министерства связи» проекты воздушных и кабельных линий междугородной связи, а собственно Министерство связи осуществлять контроль «за соответствием установленным техническим нормам сооружений и устройств всех видов электросвязи и радиофикации». Это закономерно предопределяло наличие разрешительного порядка сооружения и эксплуатации внутриведомственных сетей электросвязи со стороны Минсвязи СССР.

Последний из действовавших в советский период системообразующих актов в сфере связи был принят постановлением Совета Министров СССР от 27.05.1971 № 316, не изменив своего названия (далее — Устав связи 1971 г.). В нем подчеркивался межведомственный характер данного акта, так как, помимо органов государственного управления в сфере связи, он определял «права, обязанности и ответственность» органов государственного управления, имеющих средства связи, а также граждан, предприятий, организаций и учреждений, пользующихся средствами и услугами связи.

Примечательно, что этот акт предусматривал с разрешения Министерства связи СССР возможность «строительства, установки и эксплуатации средств связи гражданами СССР, а также иностранными предприятиями, организациями, учреждениями и гражданами, а равно лицами без гражданства». Однако предоставление средств связи и оказание услуг связи населению, предприятиям, организациям и учреждениям могло осуществляться только предприятиями связи.

Рассматриваемый акт несколько сузил административные возможности Министерства связи СССР в сравнении с Уставом связи 1953 г, установив, что оно «разрабатывает, утверждает или представляет на утверждение в установленном порядке правила и технические нормы по строительству и монтажу сооружений связи, телевидения, радиовещания и радиофикации, а также осу-

ществляет контроль за соответствием сооружений и устройств всех видов связи внутриведомственного пользования, имеющих выход на сеть связи общего пользования, установленным правилам и техническим нормам». Это означало, что внутриведомственные сети электросвязи могли теперь организоваться по иным, отличным от сетей связи общего пользования, техническим нормам и правилам. Предусматривалась также возможность передачи отдельных каналов междугородной телефонной связи в аренду предприятиям, организациям и учреждениям.

Однако общегосударственный подход к организации и функционированию сетей электросвязи все же превалировал, что следует, в частности, из таких положений Устава связи 1971 г., как возможность использования средств связи внутриведомственного пользования в случае неполной их загрузки для организации связи общего пользования (по согласованию с соответствующими органами государственного управления), а также включение всех предприятий связи внутриведомственного пользования, открытых для общего пользования, за исключением радиостанций судов, в списки предприятий связи общего пользования, издаваемые Министерством связи СССР и министерствами связи союзных республик.

Таким образом, можно констатировать, что большую часть советского периода сфера электросвязи (почтовая связь всегда оставалась полной монополией государства в лице органов государственного управления в сфере связи) находилась практически полностью в ведении государства и развивалась преимущественно по единым принципам и правилам под административным и техническим контролем со стороны Министерства связи СССР и входящих в его систему министерств связи союзных республик.

Построение рыночных экономических отношений в нашей стране поставило сферу электросвязи в совсем иные условия и потребовало полной переработки правовой базы для ее функционирования.

Система законодательного регулирования в сфере электросвязи в настоящее время характеризуется тем, что современные сети связи основаны на электронно-цифровой передаче информации и требуют применения специальных технических терминов. На современном этапе развития общества понятия «связь» и «сеть электросвязи» связаны с понятиями «телекоммуникации», «интернет», «радио», «телевидение», хотя законодательное определение сети связи включает в себя средства и линии связи, предназначенные для электросвязи или почтовой связи.

Среди международных актов, регулирующих сферу связи, прежде всего нужно отметить Устав международного союза электросвязи¹ и Конвенцию Международного союза электросвязи², в соответствии с которыми электросвязь представляет собой любые передачу, излучение или прием знаков, сигналов, письменного текста, изображений и звуков или сообщений любого рода по проводной, радио, оптической или другим электромагнитным системам, а также Устав всемирного почтового союза³.

В соответствии с п. «и» ст. 71 Конституции России федеральная информация и связь относятся к ведению Российской Федерации, т.е. правовое регулирование осуществляется на федеральном уровне.

Законодательство в сфере связи, начиная с 1992 года, характеризуется значительным ростом количества актов и проявлением основ систематизации. Первым нормативным правовым актом уровня закона являлся Закон от 16.02.1995 № 15-ФЗ «О связи». В 2003 г. на смену указанному Закону пришел новый Федеральный закон — Закон № 126-ФЗ «О связи» (далее — Закон «О связи»), вступивший в силу с 1 января 2004 г. и действующий до сих пор.

В современных условиях высказывается мнение о необходимости создания единого нормативного правового акта в сфере связи, так называемого «инфокоммуникационного кодекса», который мог бы стать кодифицированным источником права в сфере оказания услуг связи на федеральном уровне⁴. В связи с этим можно согласиться с мнением В.А. Дозорцева, который отмечает, что «сердцевиной кодекса, при наличии которой он только и может выполнять свои функции, являются достаточно развитые общие положения, притом построенные на правовых принципах... Общая часть, носящая правовой характер, — необходимый элемент подлинного кодекса... Кодекс способствует стабильности законодательства... препятствует частой ломке правовой регламентации»⁵.

¹ Устав Международного союза электросвязи // Бюллетень международных договоров. 1997. № 3. С. 3–29.

² Конвенция Международного союза электросвязи // Бюллетень международных договоров. 1997. № 3. С. 30–81.

³ Устав всемирного почтового союза. Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. Вып. XXXIV. М., 1980. С. 312–319.

⁴ Ибрагимов Р.С., Вайлан В.А., Гладких С.Р. Перспективы правового регулирования отношений в сфере инфокоммуникационных услуг // Право и экономика. 2010. № 3. С. 4–11.

⁵ Дозорцев В.А. Один кодекс или два? (Нужен ли Хозяйственный кодекс наряду с Гражданским?) // Вестник гражданского права. 2008. № 4.

Кодификация законодательства в сфере связи, на наш взгляд, нецелесообразна, так как, во-первых, законодательство о связи не позволяет сформулировать общие положения в кодифицированный акт, во-вторых, учитывая динамичное развитие технологий в данной сфере, правовое регулирование деятельности в сфере связи должно быть достаточно гибким, а кодифицированное законодательство такую гибкость не всегда способно обеспечить.

Правовые, организационные, экономические и финансовые основы деятельности в области почтовой связи в Российской Федерации регламентирует Федеральный закон от 17.07.1999 № 176-ФЗ «О почтовой связи», который характеризуется наименьшим изменением законодательства (с 1999 г. изменения вносились немногим более 10 раз).

Сказанное обуславливает историческое разделение двух видов связи: правовое регулирование электрической связи (телекоммуникаций) берет свое начало только в 20-х годах XX века и преемственность с советским законодательством об электросвязи просматривается только в частичном совпадении целей правового регулирования сферы связи. В это же время Федеральный закон «О почтовой связи» имеет укоренившуюся историческую традицию, обуславливающую преемственность терминологического аппарата и основ (целей, сферы) правового регулирования¹.

Говоря о системе законодательного регулирования в сфере связи, необходимо упомянуть и Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», который вводит понятие информационно-телекоммуникационных сетей, включая сети «Интернет», под которыми понимаются технологические системы, предназначенные для передачи **по линиям связи** информации, доступ к которым осуществляется с использованием средств вычислительной техники. Указанное понятие отражает наблюдавшуюся на протяжении последних 15 лет тенденцию к конвергенции информационных и телекоммуникационных услуг, неразрывно связанных с процессами цифровизации, персонализации и глобализации информационных услуг².

¹ Гузанов К.А. Правовое регулирование деятельности в области связи // Право и экономика. 2018. № 1. С. 41–51.

² Рейман Л.Д. Формирование и развитие рынка инфокоммуникационных услуг: автореф. дис. ... д-ра экон. наук. СПб., 2004. С. 18–25; Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. С. 167–168; Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: ➔

Неотъемлемой частью данной дефиниции является факт передачи информации по линиям связи, следовательно отношения, связанные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, регулируются также законодательством о связи, что подтверждается ч. 1 ст. 15 Закона об информации. Закон «О связи» термин информационно-телекоммуникационных сетей не использует, понятие «сеть связи» (используемое в Законе о связи), под которой понимается технологическая система, включающая в себя средства и линии связи и предназначенная для электросвязи или почтовой связи, является более широким, так как включает в себя виды связи, при которых доступ к передаваемой информации может осуществляться без использования вычислительной техники, например почтовую связь и телефонную связь.

В сфере связи также действуют нормативные правовые акты, которые определяют функции и полномочия государственных органов исполнительной власти в сфере связи. В качестве примера можно привести Постановление Правительства РФ от 2 июня 2008 г. № 418 «О Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ», которое определяет предмет ведения Федерального органа исполнительной власти в России в сфере связи.

Постановление Правительства РФ от 2 июля 2004 г. № 336 «Об утверждении Положения о Государственной комиссии по радиочастотам» возлагает функцию регулирования использования радиочастотного спектра в Российской Федерации на Государственную комиссию по радиочастотам, которая является Межведомственным координационным органом на коллегиальной основе.

Постановление Правительства РФ от 30 июня 2004 г. № 320 «Об утверждении Положения о Федеральном агентстве связи» возлагает функцию по управлению государственным имуществом и оказанию государственных услуг в сфере электросвязи, в том числе в области создания, развития и использования сетей связи, спутниковых систем связи, систем телевизионного вещания и радиовещания на Федеральное агентство связи, которое является федеральным органом исполнительной власти и находится в ведении Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций России.

➤ монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. С. 18..

Важнейшим правовым документом, лежащим в основе системы законодательного регулирования оказания услуг связи, является Постановление Правительства РФ от 18 февраля 2005 г. № 87 «Об утверждении перечня наименований услуг связи, вносимых в лицензии, и перечней лицензионных условий». Перечень наименований услуг связи, вносимых в лицензии на осуществление деятельности в области оказания услуг связи, включает в себя наименования 19 телекоммуникационных услуг (весь перечень с учетом почтовых услуг — 20).

Большинство видов услуг связи урегулированы соответствующими правилами.

Таким образом, проведенное исследование позволяет выделить некоторые особенности законодательства в сфере связи:

законодательство в сфере связи тесно связано с информационным законодательством;

во многих нормативных актах в сфере связи четко не определены границы правового регулирования;

в нормах законодательства в сфере связи присутствует значительное число дефиниций, а также ссылок на специальные организационно-технические и технологические нормативные акты, что, по нашему мнению, требует преобразования технической терминологии в более доступные для понимания лиц, не имеющих технического образования, дефиниции¹.

Список использованной литературы

1. *Власенко Н.А.* Юридическая техника [Текст]: учебное пособие / Н.А. Власенко, А.И. Абрамова, Г.Т. Чернобель [и др.]. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ЮСТИЦИЯ, 2016.
2. *Гузанов К.А.* Правовое регулирование деятельности в области связи [Текст] / К.А. Гузанов // Право и экономика. — 2018. — № 1.
3. *Дозорцев В.А.* Один кодекс или два? (Нужен ли Хозяйственный кодекс наряду с Гражданским?) [Текст] / В.А. Дозорцев // Вестник гражданского права. — 2008. — № 4.

¹ См., например: Черногор Н.Н., Залоило М.В. Актуальные проблемы правотворчества: учебное пособие. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2018; Власенко Н.А., Абрамова А.И., Чернобель Г.Т. и др. Юридическая техника: учебное пособие. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ЮСТИЦИЯ, 2016.

4. *Ибрагимов Р.С.* Перспективы правового регулирования отношений в сфере инфокоммуникационных услуг [Текст] / Р.С. Ибрагимов, В.А. Вайпан, С.Р. Гладких // Право и экономика. — 2010. — № 3.
5. Общее учение о правовом порядке: восхождение правопорядка [Текст]: монография. Т. 1 / отв. ред. Н.Н. Черногор. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019.
6. *Пашенцев Д.А.* История отечественного государства и права [Текст] / Д.А. Пашенцев, А.Г. Чернявский. — М., 2016.
7. *Пашенцев Д.А.* Российская законотворческая традиция: онтология процесса [Текст] / Д.А. Пашенцев // Журнал российского права. — 2018. — № 8.
8. *Рейман Л.Д.* Формирование и развитие рынка инфокоммуникационных услуг [Текст]: автореф. дис. ... д-ра экон. наук / Л.Д. Рейман. — СПб., 2004.
9. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений [Текст]: монография / под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. — С. 18.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИНСТИТУТА ХОЛОПСТВА В СОБОРНОМ УЛОЖЕНИИ 1649 ГОДА

Соборное уложение 1649 г. достаточно подробно регламентировало правовое положение различных социальных групп и категорий населения, в том числе холопов. Холопы в тот период представляли собой категорию лично зависимого населения. Для того чтобы проследить трансформацию данного правового института в Соборном уложении 1649 года, следует также уделить внимание правовым актам, применявшимся в Русском государстве в более раннее время.

Мы впервые встречаем термин «холоп» в тексте Русской правды (Краткая редакция) — правового памятника Древнерусского государства периода Ярослава Мудрого. Наряду с термином «холоп», в данном правовом документе фигурирует также «челядь». Анализ текста правового акта дает основание полагать, что правовой статус этих лиц идентичен, различно лишь их происхождение, так как термин «челядь» имеет, предположительно, варяжские корни.

В более поздних, чем Русская правда, правовых памятниках появляются уже различные виды холопства. Так, в правовых актах XV века фигурируют только «полные» и «старинные» холопы. Причем, очевидно, что «старинные» холопы являлись еще и полными, исходя из правовой природы документа, явившегося основанием «похолопления», — полной грамоты. «Старинными» назывались холопы, получившие «по наследству» свой холопий статус, основанный на духовной грамоте или крепостях своих отцов. Впервые старинное холопство упоминается в Судебнике Ивана IV 1550 года (например, в ст. 78)¹.

В конце XV века можно говорить о преобладании «полных» холопов, причем термин «обельный», применявшийся ранее, в этот период уже выходит из употребления.

В Судебнике Ивана IV 1550 года наряду с «полной» грамотой мы впервые встречаем термин «докладная грамота». Надо сказать, что под докладными людьми в XVI веке подразумевалась привилегированная верхушка холопов — ключники и тиуны. И связано это было с возможностью сохранения свободы и важностью для государственной власти исполняемых ими функций. Этому вопросу посвящена ст. 76 Судебника 1550 года: «А о холопстве суд. По полной

¹ См.: Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М.: Проспект, 1997. С. 46.

грамоте холоп. По ключу по сельскому з докладною холоп з женою и з детми, которые у одново государя с ним в одной крепости и которые породилися в холопстве, а которые его дети родились до холопства, а учнут жити у иного государя, или себе учнут жити, то не холопи. А по городцкому ключу не холоп. По робе холоп; по холопе роба. По духовной холоп. По приданой робе холоп, а по холопе роба. А по тиунству без полные и без докладные не холоп; а по сельскому ключу без докладные не холоп. А полному и докладному холопу сын своего слободного, который ся родил у него до холопства, не продати, а продасться он сам кому хочет; а отцю его и матери у полные не стояти и ис холопства не взяти, потому что отец его и мати сами в холопех; да и в полных и в докладных то писати, что отец у него и мати есть, а у полные не стояли, потому что сами в холопех. А у кого отец в черньцех или мати в черницах, и тому отцу и матери у своего сына и у дочери у полные и у докладные не стояти же и из холопства не взяти; а в полные и в докладные писати, что у него отец или мати есть, а у полные и у докладные не стояли, потому что пострижены; да и не продавати там детей своих, продасться сам кому хочет»¹.

В источниках XVII века термин «холоп» практически не встречается, поэтому можно говорить о распространенности этого явления применительно к XVI веку. В ст. 78 Судебника 1550 года упоминается «кабала» как источник экономической зависимости, речь идет о займе под проценты.

В Судебнике 1589 года (царя Федора Ивановича) холопству посвящены ст. 136² и 137³, 143⁴ и др., из анализа содержания которых можно сделать вывод о постепенно производящейся терминологии

¹ Титов Ю.П. Хрестоматия по истории государства и права России. М.: Проспект, 1997. С. 47.

² Ст. 136. А о холопъстве суд. По полным набаламъ и по грамоте холопъ з докладу зъ женою и з детми, которые дети у одного госудря в одной крепосте родилъся и в холопстве.

³ 137. А которые дети родилис до холопъства, а у (ч) нетъ жит (ь) у одного гсдря или собе, то не холопи тому, у ково о (те) ц их. А по гсдрву указу по робе холопъ, а по холопе робы нетъ. По духовной холопъ к по приданой робе холоп. А по тиунству без полные кабалы не холоп. А полному холопу и докладному сына своего свободнаго, кои родилс до холопъства, не продат (ь). А продасться сам кому хочет, а отцу его и матери у полные не стояти, ни из холопства не взяти, потому что отць его и мати сами в холопстве. А полные писати, что отць его и мати у полные не стоя (ли), потому что сами въ холопстве.

⁴ 143. А положат на одного холопа две кабалы полные, и которая будет старие, тому холопъ. А по новой кабале у тог (о) деньги пропали. А снос стараго гсдря на томъ же, хто новую кабалу положил, чево попытает снос.

гической замене полной «грамоты» на «кабалу», но это касается уже вновь выдаваемых документов — оснований похолопления. Вновь появившийся термин «полная кабала» позволяет предположить сущностные изменения в отношениях, обозначаемых как «кабала». Это уже не отношения «кредитор — заемщик». Зависимость приобретает личностный, рабский характер. Кабала оформляется «с доклада». Таким образом, к концу XVI века кабала практически вытесняет полную грамоту, но это, конечно же, не означает исчезновения полных и старинных холопов.

В конце XVI века принимаются правовые акты, которые постепенно стирают границы между полными и кабальными холопами, а также крестьянами. Речь идет об Указе о прикреплении крестьян к земле 1591 года и Указе о холопах 1597 года.

И.Д. Беляев пишет о том, что Указ о крестьянах 1591 года не сохранился и сведения о его содержании он почерпнул из других источников. В частности, в нем говорилось о прикреплении крестьянина к земле, которую он обрабатывал. Сделано это было, по мнению автора, для целей эффективного налогообложения¹. Но фактически прикрепление к земле означает и одновременное прикрепление к хозяину, так как земля — это также имущество, принадлежащее конкретному лицу. И как следствие, крестьянин уже становился ограниченным в правах, не мог свободно перемещаться. Но при этом, юридически считался свободным на данном этапе.

По Указу 1597 года всех кабальных холопов надлежало записывать в холопы книги. Они становились крепки хозяину. Разница между полным и кабальным холопом сводилась к тому, что права на полного холопа переходили по наследству, им можно было распоряжаться, а в отношении кабального холопа распоряжение его личностью было невозможно и власть на него распространялась только в течение жизни хозяина.

Соборное уложение 1649 года, как акт систематизации законодательства², не могло не отразить предшествующих тенденций и не внести свои новации в области регулирования правового статуса холопов в Русском государстве. Вопросам холопства в нем посвящена глава 20 «Суд о холопах»³.

¹ См.: Беляев И.Д. История русского законодательства. СПб.: Лань, 1999. С. 479.

² Пашенцев Д.А., Чернявский А.Г. История отечественного государства и права. М.: ИНФРА-М, 2016. С. 90.

³ См.: Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период / под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. М.: Юрид. лит., 1990. С. 227–244.

В Соборном уложении еще встречается упоминание о полной и стариной грамоте, например, в ст. 13 и 21 главы 20, однако речь идет не о вновь изготовленных грамотах, а о выданных прежде. Каких-либо положений, в которых говорится о случаях оформления полного или докладного холопства (по ключу), обнаружить не удалось. Данное обстоятельство позволяет сделать вывод об отмирании этих правовых институтов. Превалирование норм права, посвященных правовому регулированию служилой кабалы, говорит о продолжении тенденции, заложенной еще Судебником 1589 года и Указом 1597 года о холопах. Рассмотрим некоторые особенности правового регулирования служилой кабалы в Соборном уложении 1649 года.

В ст. 13 главы 20 Соборного уложения 1649 года можно увидеть конкуренцию кабального и старинного холопства. Норма сформулирована предельно казуистично. Умирает хозяин, его дети начинают выяснять основания холопства и, не найдя информации о записи в кабалу, ходатайствуют государю о передаче им индивида в старинное холопство, «положив» на него старинные крепости. Учитывая наследственный характер старинного холопства, речь идет о предоставлении доказательств нахождения предков индивида в холопстве у этой семьи. В таком случае, индивид уже не мог дать на себя служилую кабалу никому иному, а вынужден был служить детям боярина в качестве старинного (полного) холопа.

В Соборном уложении 1649 года кабальное холопство, в отличие от старинного, по смыслу ст. 15 главы 20 заканчивалось смертью господина. И если после смерти последнего его дети не хотели отпускать кабальных холопов, последние в силу ст. 30 гл. 20 Соборного уложения 1649 года могли обратиться за защитой своего права на свободу к государю. При этом дети, рождавшиеся от кабальных людей и проживающие у господина без кабалы, могли быть принуждены к даче служилой кабалы на время жизни боярина.

Данное обязательство вытекало из презумпции длительности проживания, содержащейся в ст. 16 гл. 20 Соборного уложения. По сравнению с Указом о холопах 1597 года¹ Соборное уложение 1649 года еще более ухудшило положение нанявшихся свободных людей, потому как срок безкабального проживания уменьшился с шести до трех месяцев. Соответственно, если дети кабального холопа родились в холопстве и жили вместе с родителями три месяца или более, то они могли быть, в силу положений ст. 16 и ст. 30 Со-

¹ См: Беляев И.Д. История русского законодательства. СПб.: Лань, 1999. С. 478–479.

борного уложения 1649 года, принуждены к даче служилой кабалы, но на время жизни хозяина родителей.

Следует сказать, что вопрос о правовом статусе детей несвободных родителей еще со времен Русской правды всегда стоял в центре внимания законодателя. Так, согласно ст. 98 пространной редакции Русской правды существовало единое правило о принадлежности права на детей — «приплод от скота и челяди», хозяину матери¹.

Если обратиться к Судебникам 1497 и 1950 годов, то появляются уже обстоятельства, устанавливающие исключения из общего правила. К таким обстоятельствам относятся: время рождения (до или после похолопления родителей) и факт совместного проживания с похолопленным родителем. Данная тенденция нашла свое отражение и в Соборном уложении 1649 года, где в качестве общего правила в ст. 5 главы 20 было закреплено следующее положение: «А которые дети родились до холопства и учнут жити у кого иного, или учнут жити собою, и те холопы от тех людей, у которых служат отцы их и матери, свободны».

Возвращаясь к презумпции наложения служилой кабалы ввиду длительного проживания в доме хозяина, следует обратить внимание на исключение из общего правила, содержащееся в ст. 18 главы 20 Соборного уложения 1649 года. В данной статье речь идет о *грамотном* человеке, который проживает с господином без оформления кабалы, но в письмах подписывается его холопом. Такой человек не признается кабально зависимым: «без кабалы держать не велено». Возможно, именно грамотность являлась в данном случае квалифицирующим обстоятельством, позволяющим не применять общую презумпцию длительного проживания. В последующих правовых актах XVIII и XIX веков также прослеживается предоставление привилегий людям грамотным, имеющим образование, как потенциально необходимым правящей власти.

Особое внимание в Соборном уложении 1649 года уделяется кабальному холопству детей боярских, а именно мерам, направленным на сохранение статуса свободы для этой социальной группы. При этом вышеуказанные меры не распространялись на детей боярских, которые не были призваны на службу и попали в кабалу в боярские дома до принятия Соборного уложения 1649 года (ст. 1 главы 20). Таким образом, можно сделать вывод о том, что в детях боярских, не несущих службу, государство не было заинтересовано

¹ См.: Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период. С. 20.

настолько, чтобы нарушать права бояр и лишать их кабальных холопов. С момента принятия Соборного уложения 1649 года все дети боярские, независимо от того, состоят ли они на службе или нет (потенциальные служилые люди), могли отдаваться в кабалу только на основании именного указа царя (ст. 2 главы 20). Однако в том случае, когда дети боярские своим поведением демонстрировали устойчивое нежелание нести службу и были пойманы на воровстве, то государство уже было не заинтересовано в таких кадрах, они не могли стать опорой самодержавной власти. Свобода таких индивидов уже не подлежала охране со стороны государства, они передавались прежним хозяевам, от власти которых были ранее освобождены (ст. 3 главы 20).

В Соборном уложении 1649 года государство реализует и свою социальную функцию, защищая интересы не только необходимых ему на перспективу категорий граждан, но и людей, незащищенных в силу различных обстоятельств. В рамках заявленного исследования речь идет о воспрещении накладывать на себя кабалу ребенку до 15 лет, что означало запрет чиновникам холопского приказа регистрировать соответствующую запись в специальной книге (ст. 20 главы 20).

Следует особо подчеркнуть, что Соборное уложение 1649 года также уделяет внимание защите интересов холопов от злоупотреблений со стороны холоповладельцев. Так, в ст. 41 речь идет о ситуации, при которой в голодное время хозяин выгоняет холопов со двора и предлагает им самостоятельно искать себе пропитание и, при этом, отпускных грамот им не дает. В итоге люди оказываются в безвыходной ситуации. Для того чтобы взять на себя новую кабалу по отношению к новому хозяину, они должны быть свободны от прежних обязательств. На руках должна быть отпускная грамота, новый владелец также обязан по нормам Соборного уложения 1649 года провести розыск и убедиться, что кабальных записей, по которым в книге холопского приказа нет отпускных, не зарегистрировано. Включение в Соборное уложение подобной нормы говорит, прежде всего, об актуальности такого явления в рассматриваемый период. В такой ситуации властями применялась правовая фикция отпуска холопа и он считался свободным от кабалы такого жестокого хозяина.

В заключение следует отметить историческую и юридическую значимость Соборного уложения 1649 года как акта, регулирующего правовое положение холопов. Учет положительного опыта предыдущих юридических памятников, а также законодательные новации в сфере защиты прав холопов позволяют охарактеризовать

Соборное уложение в качестве передовой законодательной разработки своего времени.

Список использованной литературы

1. *Беляев И.Д.* История русского законодательства [Текст] / И.Д. Беляев. — СПб., 1999.
2. *Пашенцев Д.А.* История отечественного государства и права [Текст] / Д.А. Пашенцев, А.Г. Чернявский. — М., 2016.
3. *Титов Ю.П.* Хрестоматия по истории государства и права России [Текст] / Ю.П. Титов. — М., 1997.
4. Хрестоматия по истории государства и права СССР. Дооктябрьский период [Текст] / под ред. Ю.П. Титова, О.И. Чистякова. — М., 1990.

РАЗВИТИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА О ПРАВОВОМ ПОЛОЖЕНИИ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ

Развитие «детского» законодательства прошло долгий тернистый путь, причем не только в России, но и в других странах, не говоря о международном праве в виде общепринятых сегодня деклараций и конвенций ООН, провозглашающих и защищающих права ребенка практически во всех сферах жизни общества и различных жизненных ситуациях. Что касается России, то здесь этот процесс был еще более затянувшимся.

Известно, что понятие неограниченной «родительской власти» просуществовало в различных источниках вплоть до 1917 года, то есть до становления новой общественно-экономической формации. Оставляя в стороне очевидные факты, свидетельствующие о перекосах современного «детоцентризма», в некоторой степени «культы прав ребенка» с игнорированием обязанностей и ответственности и в целом процесса либерализации воспитания в европейских странах, нельзя не констатировать факт отставания развития российского законодательства о детях.

В целом, ведя речь о России, отметим, что в исторической ретроспективе мы вместе с тем во многом схожи с другими странами в причинах развития детского законодательства, о чем будет сказано ниже. Что касается особенностей этого процесса, то, во-первых, как уже отмечалось, для России характерно более позднее развитие отношения к ребенку как ростку всего нового, светлого, будущего (что ассоциируется, прежде всего, с эпохой Возрождения в Европе), как и отказ от тотальной родительской власти, и тем более, восприятие ребенка как самостоятельного субъекта права. Во-вторых, нельзя не обратить внимание на такие особенности российской национальной культуры, как привязанность к различным проявлениям семейно-патриархальных традиций.

Помимо отмеченных выше особенностей развития «детского» законодательства (сохранение тотальной родительской власти, отсутствие, выражаясь современным языком, специальных норм о праве ребенка на жизнь, семью, о защите прав и свобод ребенка и т.п.) упомянем характерные черты положения детей в России вплоть до XX века. Это и большое количество детей-сирот, и колоссальная смертность малолетних детей, и слабое оказание медицинской помощи, по сути отсутствие лечения детей до двух лет из бедных семей, коих было большинство, о чем свидетельствуют

так называемые «смертные» колыбельные и соответствующие поговорки типа «Бог дал, Бог взял» по отношению к детям, дошедшие до наших дней, и т.д.

Что касается Соборного уложения 1649 года¹, представляющего собой свод законов Российского государства периода перехода к абсолютной монархии, то его можно рассматривать как полноценное на тот момент законодательство, содержащее в том числе и ряд норм права, регулирующих в той или иной мере положение детей в России.

Понятно, что количество норм, как и содержание и объем общественных отношений с участием несовершеннолетних, которые в той или иной мере «отрегулированы» Соборным уложением, ничтожно мало по сравнению с современным уровнем развития права и законодательства, что имеет объективные причины, связанные с конкретным периодом исторического и социально-экономического развития России.

Обратим внимание, что среди самых известных норм Соборного уложения в части регулирования положения детей чаще всего называются (в том числе студентами юридических вузов) нормы, касающиеся уголовных наказаний, где ребенок выступает как жертва и как преступник в родительско-детских отношениях.

Так, за убийство родителей ребенок будет безоговорочно подвержен смертной казни, тогда как за убийство ребенка родителям предписан один год тюрьмы и церковное покаяние. «А будет которой сын или дочь учинит отцу своему или матери смертное убийство, и их за отеческое или за матерне убийство казнити смертию же безо веяния пощады... А будет отец или мати сына или дочь убьет до смерти, и их за то посадить в тюрьму на год, а отсидев в тюрьме год, приходити им к церкви божий, и у церкви божий объявляти тот свой грех всем людем в слух. А смертию отца и матери за сына и за дочь не казнити»².

Представляется, что вышеназванные положения являются самым убедительным доказательством всеобъемлющей родительской власти, при которой ребенок уж никак не может рассматриваться как субъект права. Это в очередной раз подтверждает само происхождение слова «ребенок» от слова «раб».

Разумеется, как уже было сказано выше, рассматриваемый нами законодательный акт есть не что иное, как продукт конкретной ис-

¹ Характерно, что в слове «соборное» содержится не только «собрание» и «представительство», но и собрание положений и «сложение сил».

² Соборное уложение от 29 января 1649 г. Глава XXI. Ст. 1, 3. URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/57791500/paragraph/1025:0>

торической эпохи. Поэтому положение детей основано не только на родительской власти, но и на их сословном происхождении, то есть принадлежности родителей к определенному сословию. А посему при любых изменениях семейного положения холопские дети остаются холопами. Соответственно физические наказания за непослушание, неподчинение и тем более оказание сопротивления родителям в любом виде являются обязательной нормой. Так, за грубые слова и «поднятие руки» на родителей; за непочитание, тем более насилие, ограбление отца и матери, наветы, «злые дела»; за жалобы сына или дочери на отца и мать полагалось чинить жестокое наказание и бить кнутом нещадно¹.

Совсем другое дело — дети боярские. И вот здесь при регулировании отношений с участием интересующей нас возрастной группы иного сословия можно увидеть некоторые начала защиты имущественных интересов малолетних, не достигших 15 лет. Так, в главе XVI «О поместных землях» ряд статей закрепляет не только право малолетних детей на прожиточное поместье, но и защищает это право в случае попыток отобрания прожиточных поместий, даже если по неразумению самих малолетних они были сданы на определенных условиях другим, «сторонним» людям (к этим условиям относятся, в частности, обязательства других людей кормить и выдать замуж оставшихся сиротами девочек). Если обязательства не выполняются, а те люди, «кому они те свои поместья здадут, не кормят их, и замуж не выдают, и с тех их прожиточных поместей выбивают, то записи отдати тем вдовам и девкам на прожиток попрежнему, а которые они записи дали, и те записи не в записи»².

Несмотря на то, что в основе данных положений лежит охрана и защита частной собственности господствующих классов как таковой, можно говорить о зачатках защиты прав ребенка, включающей защиту имущественных прав несовершеннолетних.

В продолжение темы защиты имущественных прав малолетних отметим и заботу о правах детей, оставшихся без попечения родителя. Речь идет о боярских детях, отцы которых умерли на государственной службе, а после них остались жены с детьми, с сыновьями, с недорослями года по три и по четыре. В случае, если вдовы со своими прожиточными поместьями пошли замуж и у новых мужей имеются иные поместья, то отцовские поместья будут отданы детям, причем даже в том случае, если люди, за которых матери их пошли замуж, останутся беспоместными³.

¹ Соборное уложение от 29 января 1649 г. Глава XXII.

² Там же. Глава XVI. Ст. 10.

³ Там же. Глава XVI. Ст. 22.

Невольно проводя аналогию и соотносясь с современными составляющими системы защиты прав ребенка, нельзя не отметить, используя нашу терминологию, определенную заботу о детях с ограниченными возможностями здоровья. «А будет после которого умершаго останутся дети глухи и немы, а братия их, или сестры учнут обидить их, и отцова или материя имения учнут их отлучать, и тем умершаго детем имения отца их или матери розделить по жеребьям всем поровну, чтобы из них никто избобижен не был»¹.

Бесспорно, основным правом человека является его право на жизнь. В отношении ребенка это право претендует даже на расширительное толкование в смысле его права на выживание, учитывая особую охрану еще не родившегося ребенка. Наличие в Соборном уложении вышеупомянутой нормы об отсутствии какого бы то ни было наказания за убийство ребенка родителями свидетельствует, как уже отмечалось, о стопроцентной принадлежности ребенка родителям, действительно безграничной родительской власти.

Вместе с тем, в законодательстве имеются нормы, свидетельствующие о защите прав неродившегося ребенка на выживание. В главе XXI «О розбойных и о татиных делах» говорится о том, что смертная казнь не будет применена к беременной женщине до тех пор, пока она не родит («А которая жонка приговорена будет к смертной казни, а в те поры она будет беременна, и тоя жонки, покаместа она родит, смертию не казнити, а казнити ея в те поры, как она родит, а до тех мест держати ея в тюрьме, или за крепкими приставами, чтобы она не ушла», статья 15). Принимая во внимание неразрывную связь матери и ребенка, материнства и детства в целом, как и неполноценность защиты прав ребенка вне заботы о его матери, сложно рассматривать названую выше норму как прорыв в защите права ребенка на жизнь.

Статья 26 указанной главы закрепляет смертную казнь без всякой пощады для женщины, убившей собственного ребенка (самостоятельно или при помощи кого-то). Характерно, что речь идет только об убийстве ребенка, которого «жена прижила с кем-то в блюде». Целью данного наказания является то, «чтобы на то смотря, иные такова беззаконного и скверного дела не делали, и от блуда унялися». Опять-таки основное назначение, смысл указанной нормы состоит вовсе не в защите права ребенка на жизнь и не в ответственности за лишение жизни уже родившегося ребенка, а в наказании жены за измену мужу.

¹ Соборное уложение от 29 января 1649 г. Глава XVII. Ст. 15.

В заключение отметим наличествующую в Уложении и характерную для России рассматриваемого исторического периода определенную дискриминацию по «гендерному признаку», а именно первоочередное внимание при правовом регулировании положения детей боярских в распределении имущественных благ сыновьям; дочерям те же вотчины выдавались только при отсутствии сыновей.

В заключение краткого анализа отдельных норм Соборного уложения 1649 года, в той или иной мере определяющих правовое положение детей, остановимся на общих тенденциях развития законодательства о детях, характерных не только для России.

Во-первых, рассуждая о причинах развития «детского» законодательства, стоит заметить, что его развитие никогда не было отдельной, самостоятельной задачей. С одной стороны, мы привыкли к фразам типа «дети — наше будущее», к осознанию высокой социальной значимости детей как подрастающего поколения, от численности и качественных характеристик которого во многом зависит развитие любой страны. С другой стороны, история свидетельствует о том, что государство обращает внимание на детей (подростков, молодежь) только когда оно видит в них (от них) угрозу (риски) в виде, прежде всего, значительного роста преступности, снижения рождаемости, участия в оппозиции и протестных движениях, демографического кризиса. В поддержку этого тезиса свидетельствует также разработка и принятие международных правовых актов о детях. Так, еще до Конвенции о правах ребенка, принятой ООН в 1989 году, представляющей собой по сути конституцию прав ребенка, то есть право материальное, были разработаны Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних, так называемые «Пекинские правила».

Во-вторых, на наш взгляд, сложность в развитии «детского» законодательства состоит в том, что оно в своем применении, реализации, при конкретном регулировании общественных отношений с участием детей в большей степени связано с воспитанием в отличие от общественных отношений с участием взрослых, в особенности с нравственным воспитанием и соответственно с учетом психологии ребенка. Тем более что большинство отношений в семье (семья в целом) имеют лично-доверительную природу. Одним правом детские проблемы решить невозможно, в то время как сегодня нас призывают все проблемы решать именно в суде. Доля воспитательного воздействия, фактор передачи правовых норм в сознание и поведение ребенка через нравственные образцы и навыки и т.д. гораздо выше, чем у взрослых. Это надо учитывать при

разработке нормативных правовых актов, включая в них «неправовые» термины и подкрепляя их методическими разработками. «Детское» законодательство «работает» только в единстве права, педагогики и психологии.

И, наконец, в-третьих, о чем неоднократно говорилось, восприятие ребенка как самостоятельного субъекта права никак не противоречит тезису о том, что приоритет семьи в рождении, развитии, становлении личности, воспитании ребенка бесспорен и очевиден. Поэтому семейное законодательство всегда будет тесно связано с «детским», они должны идти не в формальной, а в логической и природной связи.

ФЗ № 436-ФЗ	Издание не подлежит маркировке в соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1
----------------	--

Научное издание

**СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА
И ДИНАМИКА ИСТОЧНИКОВ ПРАВА
В ИСТОРИЧЕСКОЙ РЕТРОСПЕКТИВЕ
(К 370-ЛЕТИЮ СОБОРНОГО УЛОЖЕНИЯ)**

Сборник научных трудов

Под общей редакцией *Д.А. Пашенцева*

Подписано в печать 02.06.2020.

Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарнитура Petersburg.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 17,44.

Тираж 500 экз. (I – 100). Заказ № 00000

ТК 739380-1094103-020620

ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»

127214, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1

Тел.: (495) 280-15-96, 280-33-86. Факс: (495) 280-36-29

E-mail: books@infra-m.ru <http://www.infra-m.ru>

Отпечатано в типографии ООО «Научно-издательский центр ИНФРА-М»

127214, Москва, ул. Полярная, д. 31В, стр. 1

Тел.: (495) 280-15-96, 280-33-86. Факс: (495) 280-36-29

Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации

ISBN: 978-5-16-016291-1

9 785160 162911